

«Петербургский дневник» представляет

Юрий
Лебедев

В истории блокадного Ленинграда как нигде переплелись людские судьбы. Через 70 лет открываются новые страницы войны, рассказывающие о советских солдатах и жителях города, о трудном пути к примирению ветеранов России и Германии

Уходящие
в вечность

Писатели на войне, писатели о войне

Юрий Михайлович Лебедев

Уходящие в вечность

Серия «Писатели на войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481829

*Уходящие в вечность: Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-070-9*

Аннотация

Книга рассказывает о советских солдатах, защищавших наш город в годы блокады, и о ленинградцах, которые старались выжить в условиях голода и холода и спасти от смерти своих близких. Автор отдает дань уважения людям, оставившим заметный след в военной истории Ленинграда: В. Говорову, М. Дудину, Д. Гранину, В. Ковальчуку, Н. Никулину. Отдельной темой выделена реализация межправительственного российско-германского соглашения по уходу за воинскими захоронениями, которая в книге отражена встречами между советскими и немецкими ветеранами войны, совместными акциями примирения, поддержанными властями и ветеранскими организациями Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автором, военным переводчиком, проделана большая работа

по поиску и переводу неизвестных ранее архивных немецких документов. Это, в частности, касается историй немецких соединений, противостоявших 86-й стрелковой дивизии, в составе которой на Невском пятачке воевал и был тяжело ранен отец президента России Владимира Путина.

Содержание

Уходящие в вечность	8
Вспоминая войну	9
История Невского пяточка	9
Создание Невского плацдарма	15
Бои на пяточке достигают наивысшего напряжения	18
Невский плацдарм временно прекращает существование	21
Полгода передышки	25
Возрождение Невского плацдарма	27
Роль плацдарма в прорыве блокады	29
Еще раз о потерях на Невском пяточке	30
Блокадный дневник Клавдии Никифоровой	33
Однофамильцы	39
Встреча над войною	44
Говоров против Кюхлера	54
Почему Германия проиграла войну?	62
Дудин	64
Ленинград – недругу пример	69
Советские меры по успешной обороне Ленинграда	71
Месяц на диораме «Прорыв блокады Ленинграда»	75

Живые свидетели прорыва блокады	87
Памятные камни Спиндлера	90
«Воспоминания о войне» Николая Никулина	94
Крест примирения	102
«Ромовые бабы» голодного Ленинграда	106
Вспоминая Ковальчука	115
«Врет, как очевидец»	120
Плененная Варшава и непокоренный Ленинград	125
Фон Лееб и Ленинград	133
Блокада Ленинграда в документах Фрайбургского архива	141
Допрос полковника Старунина	143
Профессор Хюртер высоко оценивает архив вермахта	151
История «Петергофского десанта»	155
Апрельская трагедия Невского пяточка	156
Может быть, Путину это будет интересно	157
Дорогами примирения	162
Завещание Фогта	162
Колокол мира	169
Соединенные войной	173
Бессмысленный и преступный приказ	181
Пусть никогда не будет войн	189
Два букета гвоздик	192
Зандбостель – памятник советским	197

военнопленным	
Дитя войны из России	203
Еще один солдатский дневник	208
Его награды	224
И снова в Сологубовку	229
Украденная жизнь	233
«Маленький Кваст»	240
На войне бывает и такое	252
Не судите...	255
Несостоявшийся расстрел	259
Обед с Гюнтером Грассом	263
Пальмникенский холокост	268
Перевод с лошадиного...	273
Отечество без отцов	276
Примирение на ленинградской земле	285
Скандал, развязанный Невзоровым	287
Образование центра «Примирение»	289
Международные молодежные лагеря по уходу за воинскими захоронениями	294
Акция «Юные спортсмены за мир»	296
Конкурс рисунков «Память о войне и примирение глазами молодежи»	297
Сологубовка – центральное кладбище немецких солдат	299
Совместные поездки ветеранов войны России и Германии	301

Роль литературы в процессе примирения	302
Солдат о солдатах	303
Литература	317

Юрий Лебедев

Уходящие в вечность

Уходящие в вечность

*Выражаю глубокую признательность за
помощь в подготовке этой книги моей жене и
соратнице*

Ларисе Аллеевой

Вспоминая войну (часть первая)

История Невского пяточка

Взгляд с обеих сторон

Уже свыше 70 лет отделяют нас от того сентябрьского дня 1941 года, когда на левом берегу Невы возник крохотный плацдарм, вошедший в историю под названием «Невский пяточок». Споры о том, нужен ли он был или нет, не утихают и сегодня. Они ведутся историками, очевидцами тех событий и представителями послевоенного поколения, которые обсуждают его целесообразность с точки зрения цены человеческой жизни.

Думается, ответ надо искать, оценивая те события глазами людей военного поколения. Президент России Владимир Путин, отец которого воевал на Невском пяточке, так ответил журналистам: «Я думаю, что на войне всегда бывает много ошибок. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, то никогда не победишь. Они тогда думали о победе». Отец Путина, солдат 330-го стрелкового

полка 86-й стрелковой дивизии, получив в ноябре 1941 года тяжелое ранение на Невском плацдарме, навечно был искалечен той войной.

Характерно, что в Германии о тяжелейших боях за Невский пяточок мало что известно. Казалось бы, это странно. Ведь в нашей литературе потери немцев на пяточке описаны как огромные. Тем не менее в «Военном дневнике» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера Невский плацдарм, как конкретная военная цель, обойден вниманием. В завуалированной форме, однако, он фигурирует как «атаки местного значения на Ладожском участке фронта» (здесь и далее см. список литературы в конце книги).

Видимо, на уровне Верховного командования вермахта этот крохотный участок суши, отвоеванный с таким трудом и с такими потерями нашими войсками, был занозой, достаточно болезненной, но не столь уж важной, чтобы обращать на него особое внимание.

Но значит ли это, что немецкие военачальники, непосредственно находившиеся под Ленинградом, недооценивали опасность расширения советскими войсками плацдарма на левом берегу Невы?

Ответ на этот вопрос удалось найти в немецкой книге «Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн» генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба. В ней командующий группой армий «Север»

тридцать три раза уделил внимание данному участку фронта, поскольку серьезно был озабочен обстановкой в этом районе.

Истории немецких дивизий, блокировавших плацдарм с сентября 1941 года по февраль 1943 года, также достаточно полно освещают этот вопрос. К сожалению, они стали доступными лишь в последние годы и до сих пор еще мало изучены.

Для жителей блокадного Ленинграда и сегодняшних петербуржцев Невский плацдарм остается героической и одновременно трагической памятью о шестнадцати месяцах боев, предшествующих прорыву блокады города на Неве.

Анализируя ход боев на Невском пятачке, задумываешься о том, что предшествовало его образованию. При этом интересно сопоставить наши и немецкие данные.

Первый вопрос, который достаточно часто возникает и продолжает обсуждаться историками и литераторами: «Намеревались ли немцы форсировать Неву в начале сентября 1941 года?» Второй вопрос: «Делали ли они конкретные попытки переправиться на другой берег, и если да, то в составе каких подразделений?»

У авторитетных немецких военных историков В. Хаупта и Х. Польмана упоминаний о попытках форсирования Невы в сентябре 1941 года нет, что наводит на мысль об отсутствии детальных планов и разработок. За 70 послевоенных лет в архивах вермахта в Германии и США пока так и не обна-

ружено карт, схем и даже приблизительных описаний плана переброски немецких войск на другой берег Невы. Но означает ли это, что таких мыслей вообще не было?

Изданная в Германии в 1997 году «Хроника и история 20-й моторизованной немецкой дивизии», которая вышла к Неве в конце августа 1941 года, этот вопрос проясняется следующей записью: «31 августа 1941 года командир 39-го моторизованного корпуса отдал письменный приказ, в котором, в частности, говорилось: “20-й моторизованной дивизии овладеть плацдармом на противоположной стороне Невы в районе Островки или Дубровка”».

Правда, при этом не обговаривались сроки и не ставились конкретные задачи. Видимо, расчет делался на благоприятность ситуации, прояснить которую могли разведывательные группы. В этом случае вероятность переправы немцев на правый берег была бы достаточно большой. Подтверждением реальности намерений противника являются воспоминания И. С. Сазонова из книги «Невский пяточок». Он пишет: «31 августа мелкие подразделения врага пытались у Ивановских порогов переправиться на наш берег. Вечером 2 сентября около взвода гитлеровцев на лодках переправились через Неву, чтобы захватить маленький остров у д. Кузьминки. В ответ на наш огонь немцы, повернув лодки, стали поспешно уходить».

Желание переправиться через Неву, без сомнения, было у Верховного командования вермахта большим. Об этом, в

частности, свидетельствует такая запись из «Военного дневника» Ф. Гальдера от 5.10.1941: «На Карельском фронте действуют лишь незначительные финские силы, которые, однако, смогут начать наступление, если мы форсируем Неву».

Немцы отказались от дальнейших попыток форсирования Невы, убедившись, что получают достойный отпор, так как на правый берег реки постепенно подтягивались советские войска. Кроме того, к тому времени Гитлер уже определился с судьбой Ленинграда, решив уморить его голодом блокады, и начал перебрасывать ударные силы на Москву.

Примечательно, что и наши, и германские военачальники оказались едины в определении возможных плацдармов на одних и тех же участках, только по разным берегам Невы. Вот какую характеристику дает в книге «Невский пятячок» генерал-майор В. Ф. Коньков, командир 115-й стрелковой дивизии: «Создалась угроза, что противник обязательно предпримет действия по форсированию Невы, вероятнее всего у Ивановских порогов или в районе Невской Дубровки. Выбор этих мест во многом обусловлен географическим фактором: выше и ниже по течению Невы берега крутые, там много болот, а в тех местах, что я называл, – берега пологие, от них на север, к финнам, ведут хорошие дороги. Это известно немцам».

Именно в этих местах в ночь с 19 на 20 сентября начнут форсирование Невы наши подразделения, учитывая, что на той стороне находятся подготовленные дороги, ведущие на

соединение с войсками Волховского фронта, от которых их отделяли 12–15 километров. Но преодолеть это расстояние удастся лишь через шестнадцать месяцев жестоких, кровопролитных боев.

Несмотря на малый срок времени, отведенный на подготовку первой операции по форсированию Невы, нашим войскам все-таки удалось провести первичную разведку местности, занятой противником. В ночь на 12 сентября 1941 года пятеро разведчиков 115-й стрелковой дивизии пересекли на лодке Неву, собрали данные о движении транспорта и боевой технике противника в районе 8-й ГРЭС и без потерь вернулись на правый берег.

Создание Невского плацдарма

Возможно, именно это и помогло успешно преодолеть Неву в темную, дождливую ночь с 19 на 20 сентября десантникам капитана Василия Дубика из 115-й стрелковой дивизии. Бесшумно высадившись на левом берегу у Московской Дубровки, они бросились в первую траншею. Захваченные врасплох немецкие солдаты из 20-й моторизованной дивизии на первых порах не смогли оказать серьезного сопротивления. Расширяя плацдарм, десантники пробились к шоссе Ленинградской дороге Ленинград – Шлиссельбург и завязали бои на подступах к деревне Арбузово. Двое суток они вели отчаянные схватки с врагом, надеясь на обещанную помощь. Почти все во главе с Дубиком погибли. Где похоронен первый герой пяточка, сегодня неизвестно, хотя очевидцы утверждают, что перенесли его на правый берег и предали земле с воинскими почестями. В тот же день севернее, в районе деревни Марьино, попытался высадиться стрелковый батальон 1-й дивизии НКВД, но потерпел неудачу. Тем не менее в течение нескольких последующих дней на пяточок, который первоначально по фронту составлял около трех километров в длину и до километра в глубину, были переправлены два батальона и разведроты 115-й стрелковой дивизии, батальон НКВД (всего 1166 чел.) и три батальона 4-й бригады морской пехоты. К концу сентября потери в пехоте составили

865 человек, а у моряков они достигли 80 процентов. Размеры плацдарма при этом сократились до двух километров по фронту и около 500 метров в глубину.

Но и немецкая 20-я моторизованная дивизия с приданными ей 424-м полком 126-й пехотной дивизии и 287-м полком 96-й пехотной дивизии внезапно оказалась в затруднительном положении. Растянутые по фронту от Шлиссельбурга до Отрадного подразделения (до 10 км на батальон) не в состоянии были воспрепятствовать закреплению наших десантировавшихся солдат на левом берегу. В течение нескольких дней 20-я моторизованная дивизия потеряла убитыми и ранеными 530 человек. Не помог ей и присланный для поддержки батальон 8-й танковой дивизии, потерявший четыре танка. Немецкое командование начало осознавать серьезность этого участка фронта и опасность возникшей ситуации. Хроника 20-й моторизованной дивизии фиксирует: «Становится ясным намерение противника за счет усилившихся попыток переправы через Неву прорвать блокаду Ленинграда в тесном взаимодействии с силами, атакующими с восточного направления». Прибывшему в Шлиссельбург 24 сентября представителю ставки Верховного командования вермахта генералу Ф. Паулюсу докладывают, что войска измотаны непрерывными боями, а 20-я моторизованная дивизия больше не способна на наступательные действия. Покидая в начале октября Невский участок фронта, дивизия имела убитыми и ранеными 2411 солдат из 7 тысяч человек

боевого состава.

Ненамного улучшили положение срочно переброшенные в конце сентября по воздуху два полка 7-й критской авиадесантной дивизии. «Лучше трижды прыгать с парашютом на остров Крит, чем провести один бой на земле в России», – говорили не ожидавшие такого ожесточенного сопротивления немецкие десантники. Когда они заняли позиции у Московской Дубровки, то обнаружили, что окопы были заполнены телами убитых в предыдущих боях. Русские лежали рядом с трупами немецких солдат.

В результате упорных боев два передних края настолько сблизились, что в минуты затишья можно было услышать разговор и даже кашель простуженных солдат противника. Вот как это описывается в книге немецкого историка Г. Водажа «Прошедшие ад»: «Пулеметы, винтовки, ручные гранаты, приклады, саперные лопатки и штыки были оружием, с которым бросались друг на друга солдаты с обеих сторон. Страшный исход этих боев и через десятилетия остается в памяти бывших немецких десантников».

Тем не менее немецкому командованию Невского участка фронта удалось добиться главного: пятачок был локализован, пристрелян вместе с местами переправ на другом берегу, а обстановка взята под контроль. Немецкие пехотные батальоны получили возможность для оборудования позиций, установки проволочных заграждений и планомерного минирования восточного берега Невы.

Бои на пяточке достигают наивысшего напряжения

Синявинская операция по прорыву блокады войсками Невской оперативной группы началась 20 октября 1941 года. На этот раз фактор внезапности использовать не удалось. Противник предвидел возможность наступления советских войск. Едва началась переправа через Неву, как весь район сосредоточения шлюпок и катеров подвергся обстрелу из пушек и пулеметов. Только что спущенные на воду десятки лодок разом превращались в щепки. Тем не менее переправа продолжалась, и в результате многодневных боев частям 86-й стрелковой дивизии удалось расширить плацдарм по фронту на один километр. Но в итоге в дивизии осталось всего 177 активных штыков. В других соединениях положение было таким же: 265-я стрелковая дивизия сократилась до 180 человек, 168-я имела 175 человек. И только в 115-й стрелковой дивизии насчитывалось 1324 человека благодаря переброшенному накануне пополнению. Большие потери были в 20-й дивизии НКВД, 123-й отдельной танковой бригаде и других частях. Исходя из этих цифр, становится ясно, как могли одновременно до девяти дивизий и бригад находиться на крохотном участке земли, нарушая все нормативы, предусмотренные боевым уставом. Соединениями их можно было назвать лишь условно. Фактически они были выбиты

до состояния рот.

Но и немцам был нанесен большой урон. 96-я пехотная дивизия, переброшенная в конце сентября на Невский участок фронта, имела к началу ноября потери в ротах до 40 человек убитыми и до 70 человек ранеными. Оценивая те бои, Х. Польшманн в «Истории 96-й пехотной дивизии» отметил, что «русские продемонстрировали удивительное умение в создании плацдармов и необыкновенное упорство в их удержании».

8 ноября Сталин лично потребовал провести новую операцию с Невского плацдарма, предложив создать «ударные полки из смелых людей, которые смогут пробить дорогу на восток». Операция, которая началась 11 ноября, стала одной из самых кровопролитных для наших войск, находившихся на пятачке. По неполным данным, за пять дней боев 8-я армия, сформированная на базе Невской оперативной группы, потеряла свыше 5 тысяч человек. Особенно крупными были потери в трех ударных коммунистических полках – более 2500 человек.

Тем временем противник подтянул к Неве свежую 1-ю пехотную дивизию, которая также сразу понесла крупные потери. К середине декабря из строя было выведено 1500 человек. Ежедневно дивизия теряла около 90 солдат. В результате уже к 24 ноября боевой состав 1-го батальона 1-го пехотного полка составлял лишь 90 человек, 2-го и 1-го батальонов 22-го пехотного полка – по 88 человек.

Эти бои потребовали почти нечеловеческих усилий для обеих сторон. Из-за отсутствия теплых землянок, оборудованных окопов, сильного, холодного ветра и советские, и немецкие солдаты были вынуждены выдерживать немислимо суровые испытания. Стрелка термометра опускалась до минус 25 градусов. То, что строилось за ночь, днем по большей части разрушалось артиллерией. В связи с нехваткой личного состава противники постоянно находились либо в бою, либо несли дежурство. Они могли спать не более четырех часов. Для характеристики тех боев примечателен такой факт: средний ежедневный расход ручных гранат у немецкой стороны составлял 8 тысяч штук. Немецкие военные историки педантично подсчитали, что русские с 15 ноября по 27 декабря 1941 года атаковали небольшими боевыми разведывательными группами 79 раз, в составе до двух рот – 66 раз, в составе от батальона и выше – 50 раз. То есть в среднем около пятнадцати раз в течение суток! При отражении шестнадцати танковых атак немцами был уничтожен 51 танк, в основном типа КВ и Т-34.

Невский плацдарм временно прекращает существование

В конце декабря 1941 года активность противостояния начала снижаться. И та и другая сторона выдохлись и были уже не в состоянии выдерживать напряжения столь ожесточенных боев. Именно в те дни среди защитников плацдарма родилась поговорка: «Кто на Невском пяточке не бывал, тот горя не видал». Крылатой стала и такая фраза: «Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рожден».

Наступил 1942 год. Пятачок держался, хотя и уменьшился до двух километров по фронту и 600 метров в глубину. Измотанные боями и ослабленные потерями остатки советских дивизий были выведены на правый берег Невы. Их сменили 10-я стрелковая дивизия и отдельные подразделения 177-й дивизии.

В марте на левом берегу Невы оставался лишь 330-й полк 86-й стрелковой дивизии, в котором было не более 480 бойцов. Вместе с приданными ему 2-й ротой 120-го саперного батальона и 4-й ротой 169-го минометного дивизиона и других мелких подразделений его численность была доведена до 600 человек. Незадолго до весеннего ледохода на пяточок были дополнительно переправлены еще около 500 бойцов из состава 284-го стрелкового полка. Общая численность обороняющихся составила около тысячи советских солдат.

С немецкой стороны перед фронтом советских подразделений находился 1-й пехотный полк 1-й пехотной дивизии, насчитывавший около 3500 человек. Постепенно противник концентрировал свои части, готовясь воспользоваться ледоходом на Неве и нанести решающий удар.

24 апреля лед на реке затрещал. В тот же день командование немецкой 1-й пехотной дивизии приступило к ликвидации плацдарма. Операция 1-го пехотного полка, усиленного за счет подразделений 43-го пехотного полка и 1-го саперного батальона, включала два этапа: захват так называемого коридора (северная часть пятачка) и последующее уничтожение его целиком. Для этого дополнительно была обеспечена мощная артиллерийская поддержка силами 1-го артиллерийского полка, 2-го дивизиона 196-го артиллерийского полка и 2-й батареи реактивных минометов 9-го отдельного артиллерийского дивизиона. В 20 часов 20 минут 24 апреля внезапной атакой немцам удалось прорваться к берегу Невы и укрепиться там. Огневые точки и окопы переднего края были уничтожены мощным артиллерийским огнем. Последнее подкрепление защитникам пятачка поступило 26 апреля. Это были две роты 284-го полка. Вместе с ними, судя по донесениям из архива Министерства обороны, бой на плацдарме на заключительном этапе вели 382 советских солдата.

С утра 27 апреля подразделения 330-го и 284-го стрелковых полков отошли к центру плацдарма на 300–400 метров. Вся прибрежная часть Невы оказалась в руках немцев. Со-

здалась критическая ситуация. Последнее, что видели с правого берега Невы, это кусок маскировочного халата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите!»

Унтер-офицер В. Буфф из 227-й пехотной дивизии, корректировавший в те дни огонь по пяточку, записал в своем дневнике: «Операция на плацдарме 27 апреля, в которой мы участвовали, стоила противнику, по сообщению командования сухопутных войск, 1400 убитых, 9 орудий и 6 танков. Когда плацдарм был уже в наших руках, русские сделали безнадежную попытку переправиться через Неву на лодках, чтобы перейти в контратаку. То, что не было уничтожено при переправе, было завершено при высадке. Не знаешь, чему больше удивляться: безумству тех, кто отдал приказ на эту безнадежную операцию, или мужеству смертников, выполнявших его. Погибшие русские были в большинстве своем молодыми парнями в возрасте 16–19 лет, но и у нас были тяжелые потери».

В октябре 2004 года мне довелось поработать в немецком городе Фрайбург в архиве вермахта, где имелись, наряду с другими, документы 1-й пехотной дивизии с картами о проведении этой операции. В них я нашел, в частности, подтверждение тому, как наше командование пыталось помочь защитникам пяточка. В приказе по 1-й пехотной дивизии от 29 апреля 1942 года так говорится об этом: «Все попытки противника переправиться через реку успешно отражены. Девять переполненных лодок (от 20 человек и более в каждой. —

Ю. Л.) потоплены».

Но и для немцев эти бои были кровопролитными. Донесение 1-го пехотного полка о потерях в ходе операции по ликвидации советского плацдарма скрупулезно подтверждает это: убит 81 солдат, ранены 389 и пропали без вести 19 человек. Всего выбыли из строя 489 солдат. По немецким данным, наши потери в целом составили 1400 человек. В плен были взяты 117 советских солдат, в том числе четыре офицера во главе с командиром 330-го полка майором С. А. Блохиным. В плен его взяли в бессознательном состоянии после тяжелого ранения в обе ноги. В немецком госпитале их ампутировали, а затем для Блохина наступили долгие годы скитаний по лагерям военнопленных и послевоенная борьба за реабилитацию своего честного имени.

Так закончился первый полугодовой этап наиболее кровопролитных боев защитников Невского плацдарма.

Полгода передышки

Последующие месяцы в весенний и летний периоды 1942 года участок Невского фронта, а вместе с ним и территория бывшего Невского пятачка последовательно занимались подразделениями 12-й танковой, а затем и 28-й легкопехотной дивизиями вермахта. Осенью им на смену прибыла «крымская» 170-я пехотная дивизия.

«Только старые командиры, познавшие бойню Первой мировой войны, могли припомнить, что видели нечто подобное Невскому плацдарму. Лишь изредка торчал раздробленный пень дерева на земле, перепаханной тяжелой артиллерией, реактивными минометами и авиабомбами. Подбитые танки стояли возле глубоких воронок и окопов, ведущих к русским траншеям. Из стен окопов торчали руки и ноги убитых русских солдат. Все остальное было засыпано землей после взрывов снарядов. Кругом были минные заграждения» – такое описание дает Х. Кардель в «Истории 170-й пехотной дивизии».

Советские солдаты, участники боев за пятачок, дают схожую оценку. В воспоминаниях А. Соколова в сборнике «Невский пятачок» так описывается плацдарм, отвоеванный осенью 1942 года: «Страшная картина открылась перед нами. Клочок выжженной земли, сплошь покрытой осколками разорвавшегося металла, представлял собою лабиринт око-

пов и траншей, в котором легко было заблудиться. Поверх всех траншей, ходов сообщения, блиндажей в беспорядке лежало великое множество «ежей» – мотков и рогаток из колючей проволоки. Многими участками траншей и ходов сообщения давно никто не пользовался: они осыпались от разрывов мин и снарядов, стали мелкими».

Возрождение Невского плацдарма

Силами стрелкового батальона 9 сентября 1942 года была предпринята попытка переправиться на левый берег Невы в районе Московской Дубровки. Однако она не удалась. В ночь с 25 на 26 сентября началось форсирование Невы сразу в нескольких местах. Удачной оказалась попытка захвата небольшого плацдарма у деревни Арбузово, рядом с тем местом, где ранее был Невский пятачок. Так началось его второе рождение. За ночь удалось перебросить передовые группы 70, 86, 46-й стрелковых дивизий и 11-й отдельной стрелковой бригады. На какое-то время на левом берегу возникла неразбериха: в снарядных воронках, почти что рядом с советскими бойцами, укрывались немецкие пехотинцы. Опасаясь попасть по своим, ни та ни другая сторона временно не использовала артиллерийские средства. В течение следующего дня пятачок восстановил свои прежние границы.

В ночь на 6 октября по приказу советского командования Невский плацдарм был временно оставлен. Два дня на том берегу не было никого из наших бойцов. И удивительное дело: в течение двух суток, не снижая плотности огня, немцы усиленно долбили снарядами и минами «гнойник 170-й пехотной дивизии», как они называли пятачок, ни разу не осмелившись его атаковать. Не обнаружило немецкое командование и повторного занятия пятачка сводной ротой из

добровольцев 70-й стрелковой дивизии в ночь на 8 октября. 11 октября подразделения 46-й стрелковой дивизии сменили эту роту и оставались на плацдарме до окончания его существования в феврале 1943 года. За это время они отразили до 300 атак противника.

Роль плацдарма в прорыве блокады

12 января 1943 года началась операция «Искра», завершившаяся 18 января долгожданным прорывом блокады Ленинграда. Однако наступление с Невского плацдарма вновь не имело успеха. Подразделения 45-й стрелковой дивизии смогли продвинуться лишь на 600 метров. Памятуя о предыдущих тяжелых боях, немецкое командование сосредоточило на этом участке фронта два полка 170-й пехотной дивизии, оголив при этом район Марьино. Именно там и был осуществлен первый успешный прорыв 136-й стрелковой дивизии, сыгравший судьбоносную роль в исторической встрече Ленинградского и Волховского фронтов у 1-го и 5-го Рабочих поселков.

Так что пяточок сыграл свою важную роль в прорыве блокады, стянув на себя значительные силы немецких войск и заставив их ошибиться в установлении направления главного удара советских войск.

17 февраля 1943 года немцы под угрозой окружения оставили позиции перед Невским пяточком. Выполнив свою задачу, Невский плацдарм прекратил существование, которое с учетом полугодового перерыва продолжалось около 400 блокадных дней.

Еще раз о потерях на Невском пятачке

С 1975 года в нашей справочной и военно-исторической литературе утвердилась цифра о 200 тысячах советских солдат, погибших на Невском пятачке. Цифра явно заказная, из газеты «Правда» к очередному юбилею Победы. Видимо, кому-то захотелось таким образом показать преимущество нашего горя над немецким.

К сожалению, наверное, никогда не удастся точно установить число погибших там. Но реально оценивать ситуацию надо, отделяя потери в боях за овладение плацдармом и на самом пятачке. Самые крупные потери несли наши войска на правом берегу Невы в местах переправ и при форсировании реки. Здесь были сконцентрированы все силы атакующей стороны. В этот момент солдат еще не был готов к бою и оставался полностью беззащитным, не имея возможности укрыться от воздушных налетов противника и артиллерийского огня. А именно от него был наибольший урон. Уже к концу сентября 1941 года немцы подвели к Неве дивизион артиллерийско-инструментальной разведки, который с точностью до метра просчитал данные по всем участкам переправ советских войск. После чего были созданы три артиллерийские группы: «Север», «Центр» и «Юг», расположившиеся на Невском фронте от Шлиссельбурга до Отрадного.

Крупнокалиберная артиллерия, в том числе специально доставленные французские 150-мм гаубицы и 210-мм минометы были укрыты на Келколовских высотах. Из района Синявино огневую поддержку оказывали орудия 227-й пехотной дивизии. Большие потери среди наших войск вызывала вражеская авиация из состава немецкого 1-го Воздушного флота, так как у советской стороны, особенно в начальный период, не было достаточного количества средств противовоздушной обороны.

Оценочно можно все-таки ориентироваться на цифру в 50 тысяч советских солдат, погибших на самом Невском плацдарме, учитывая при этом, что были не только периоды наивысшего напряжения боев, но и отдельные паузы, когда в основном велась снайперская война. Не следует забывать, что полгода – с конца апреля до середины сентября 1942 года – территория пяточка была в руках немцев. Необходимо также помнить о том, что изза его крошечных размеров (около двух километров по фронту и до 800 метров в глубину) практически не было возможности размещения там большого количества войск. Однако даже это количество, уменьшенное в четыре раза в сравнении с официально признанными данными, заставляет задуматься о величии самопожертвования людей, шедших фактически на верную смерть. До сих пор поисковые отряды находят сотни останков погибших, лежащих там в несколько рядов.

Немецкие потери убитыми в боях за Невский плацдарм

составляют оценочно около 10 тысяч солдат. Все эти данные подлежат уточнению. Но хорошо бы их считать отправными, поскольку они в любом случае реальнее тех, что до сих пор фигурируют в официальных источниках.

Бои за Невский плацдарм уходят в историю вместе с его участниками. А вместе с ними постепенно стирается память о тех событиях. Это естественный, хотя и грустный процесс. Поэтому сегодня все более актуальным становится вопрос: как продлить эту память, это чувство сопричастности к героической трагедии Невского пяточка? Как не броситься в очередную крайность, говоря о бессмысленных жертвах войны, забывая, что защитники плацдарма приближали победу?

Отрадно, что мероприятия по случаю 70-летия Великой Победы вызвали дополнительный приток военно-исторических исследований, эмоциональных воспоминаний, дискуссий, дифирамбов, а также критических замечаний. Но вместе с тем хотелось бы, чтобы при этом соблюдалось этическое чувство меры при описании боев за плацдарм на Неве. Это необходимо во имя погибших солдат и ради здравствующих ветеранов Невского пяточка и битвы за Ленинград.

Блокадный дневник Клавдии Никифоровой

С «Блокадным дневником» Клавдии Ивановны Никифоровой я познакомился во время съемок документального фильма о Невском пятачке. Режиссер фильма Нина Прахарж дала мне посмотреть рукописную тетрадь. Это была копия воспоминаний блокадницы о страшном военном времени. В них ясным почерком были помещены и три небольших стихотворения. В предисловии к дневнику обратила на себя внимание такая запись: «Завещан моей внучке Власовой Анне Валерьевне». Приложен был также адрес самой Клавдии Ивановны в Ульяновске и ее телефон.

Мне стало интересно узнать, где находится оригинал дневника, жив ли автор, и если да, то имеется ли возможность поговорить с этой женщиной, так просто и доступно написавшей о величии подвига и человеческого горе ленинградцев. Не откладывая дела в долгий ящик, позвонил в Ульяновск и имел счастье разговаривать с самой Клавдией Ивановной, которая любезно поведала историю одного из своих стихотворений, помещенных в дневнике. Написала она его в самое смертное блокадное время, когда многими ленинградцами овладела безысходность, они подошли к краю пропасти, из которой уже не могло быть возврата. По своему стилю и ритмике стихотворение созвучно «Казачьей

колыбельной» Михаила Лермонтова. Написано оно было в феврале 1942 года, называется «Блокадная колыбельная».

Вновь воздушная тревога.
За ночь третий раз.
Я лежу в своей постели,
Не смыкая глаз.
Мой единственный сыночек
Рядышком лежит.
Неподвижный и холодный,
Третьи сутки спит.
Спи, родной, не просыпайся!
Я прошу как мать!
Вдруг опять попросит хлеба,
А мне негде взять!
Тяжко каждому солдату
На любой войне!
Умирать голодной смертью
Тяжелей вдвойне.
Скоро я по Божьей воле
Обрету покой.
Перед смертью крепко-крепко
Обнимусь с тобой!
Чтоб в одной могиле братской
Вместе нам лежать!
Спи, мой славный! Спи, хороший!
Я прошу как мать.
В нашем городе блокадном
Хуже, чем в аду.

И я с радостью великой
На тот свет уйду!
Уготовано за муки
Место нам в раю!
Спи, дитя мое родное!
Баюшки-баю.

В этом стихотворении Клавдия Никифорова рассказала о безутешном горе своей матери и умиравшем десятилетнем брате Сереже. Он умер позднее, в поезде, когда семью удалось наконец эвакуировать. Клава, ей тогда было семнадцать лет, вынесла тело брата из вагона на остановке и положила сверху на гору других трупов. Названия станции она не запомнила. Всего из многодетной семьи Никифоровых умерли одиннадцать человек. Отец Клавы ушел из жизни самым первым, еще до войны. Он был расстрелян в 1937 году как «враг народа».

В «Блокадной колыбельной» меня поразило то, как семнадцатилетняя девушка смогла понять и передать чувства женщины-матери, какой она сама еще не была. Страдания матери стали ее собственной мукой, ее горем. Стихотворение проникнуто безысходностью, покорным ожиданием смерти как избавления. Оно передает состояние человека, дошедшего до последней грани, разделяющей жизнь и смерть. Этот человек уже готов переступить черту, надеясь, что смерть прервет страдания, станет не просто избавлением от них, а переходом в иное состояние, где душа, а не изму-

ченное тело продолжит дальнейшее существование.

В «Блокадном дневнике» представлены еще два стихотворения, написанные Клавдией Никифоровой. Они совсем другие, отражающие патриотический порыв ленинградцев. Эти стихи притягивают, вместе с автором испытываешь гордость за непокоренный город. Стихи подкупают жизненной силой автора. Они проникнуты верой в то, что удастся отстоять Ленинград.

Первое стихотворение, написанное блокадной зимой, когда еще оставались физические силы, называется «С Новым 1942 годом!».

*Без елок и свечей
При отблесках коптилок,
Встречаем мы сегодня
Новый год!
Но в будущее смотрим с оптимизмом:
Переживет блокаду наш народ!
В историю уходит
Сорок первый год.
Поднимемся, друзья!
Часы уж полночь бьют.
Водю снеговой
Наполним наши чарки
И выпьем их до дна
Под бомбовый салют.*

Другое стихотворение отличается еще большей силой оп-

тимизма. Написано оно было в январе 1942 года.

Настанет час

Стервятники со свастикой на крыльях
Ночами темными над городом кружат,
Но не падет покорно на колени
Великий и прекрасный Ленинград.
Морозной сизой дымкою окутан,
Стальным кольцом блокадным окружен,
Лишен тепла, воды и хлеба,
Но не повержен, не сражен!
Творение Великого Петра
Любой ценою отстоять готовы.
Придет возмездья грозный час.
Мы сокрушим блокадные оковы.

Три стихотворения отражают многогранность того, что пришлось пережить ленинградцам на протяжении 900 блокадных дней. По меткому и образному замечанию ветерана войны, доктора исторических наук М. И. Фролова, это и реквием в память о погибших, и салют во славу защитников Ленинграда.

Интересно было узнать, как Клавдия Ивановна относится к тем, кто блокировал город и принес ей и ее семье столь большие страдания. Она сказала, что забыть тех зверств, ко-

торые вершились немцами, она никогда не сможет, хотя в то время, находясь в осажденном Ленинграде, видеть оккупантов, естественно, не могла. Встретилась она с ними позднее на Кубани в эвакуации в 1942 году, когда наши войска отступили. Немецкие солдаты проезжали по мосту, где она как раз остановилась. Увидела их и онемела от ужаса. Они спросили у нее насчет квартиры для постоя. Она сказала, что сама беженка, эвакуированная из Ленинграда. Услышав это название, немецкие солдаты сочувственно закивали головой. Точно такой же случай произошел, когда в комнату, где они проживали, зашел немецкий офицер. Он также закачал головой, повторяя «Ленинград, Ленинград».

Если кто захочет ознакомиться с «Блокадным дневником» Клавдии Никифоровой, то оригинал находится в Ульяновском государственном музее. Копия дневника хранится в музее-заповеднике «Прорыв блокады Ленинграда» в городе Кировске Ленинградской области.

С нетерпением буду ждать, когда он выйдет отдельной книгой.

Однофамильцы

К автобусу мы возвращались уже без гвоздик. Мы – это группа ветеранов, общественных деятелей и молодежи, прибывших в Германию на международный семинар по проблемам примирения. В ходе семинара возложили цветы на советские могилы.

– Я нашел его, – он сказал это с явным облегчением, будто выполнил какое-то особое, одному ему известное поручение.

– Кого? – спросил я.

– Своего Яковлева.

– Вашего родственника?

– Да, нет – просто своего однофамильца.

На семинаре Народного союза Германии в Травемюнде в 2000 году.

Справа налево: писатель Д. А. Гранин, вице-губернатор Санкт-Петербурга В. П. Яковлев, скульптор Г. Д. Ястребецкий

Удивление на моем лице, видимо, было столь выразительным, что Владимир Петрович Яковлев, вице-губернатор Санкт-Петербурга и председатель комитета по культуре, предложил мне вернуться к плитам с именами советских военнопленных. Они погибли в застенках немецких лагерей в годы Второй мировой войны. На этом кладбище неподалеку от концлагеря Берген-Бельзен их было около 40 тысяч. Боль-

шинство так и ушли безвестными, но часть удалось идентифицировать по архивным данным и захоронить поименно. Одним из них оказался и солдат Яковлев. Сейчас на плите с его именем лежала красная гвоздика.

Меня вдруг пронзила мысль о том, каким человеческим оказался жест моего собеседника. Владимир Петрович положил эту одинокую свою гвоздичку, как будто доводился родственником неизвестному ему Яковлеву. Это был жест человека, а не чиновника. И это доставило ему гораздо большую радость, чем обязанность участвовать в традиционных возложениях венков.

– Я стараюсь делать это всегда, когда бываю за границей и посещаю русские могилы, – продолжал Владимир Петрович свой рассказ. – Наша фамилия ведь встречается достаточно часто, в том числе и на старинных русских кладбищах во Франции и даже в Австралии.

– А вас не волнует, кем мог быть ваш очередной Яковлев? – спросил я его. – Может быть, это был преступник?

– Но ведь на могиле этого не написано. А в истории громких злодеев с такой фамилией я не встречал.

Уже сидя в автобусе, я все еще продолжал находиться под впечатлением от увиденного. К стыду своему, сам я ни разу не удосужился возложить цветы на могилы своих однофамильцев на чужбине, хотя встречал их не раз.

Впрочем, под Санкт-Петербургом я тоже нашел своего однофамильца. Рядом с немецким кладбищем у деревни Со-

логубовка, что находится под Мгой, в 2003 году была отреставрирована церковь Успения Божией Матери. В некоторой степени этому способствовал и петербургский центр «Примирение», который я тогда возглавлял. Расположена церковь на высоком холме, так что видна издалека. Когда-то к ней примыкало маленькое кладбище, где по обычаю хоронили местных священников. Самым первым здесь был похоронен настоятель по фамилии Лебедев. Звали его Николаем Алексеевичем. Он прожил долгую и полезную жизнь с 1819 по 1891 год. Именно при нем начиналось строительство этого храма в 1852 году, при нем же церковь достраивалась в 1880 году, и сегодня, после реставрации, у нее именно такой вид, какой был в последние годы жизни священника Лебедева.

После того как во время реставрации церкви надгробный камень был поднят из ямы, где он лежал присыпанным долгие годы и, возможно, именно поэтому уберегся от разрушений, его установили как памятный знак с тыльной стороны церкви. Возле него экскурсанты, посещающие немецкое кладбище, парк мира и храм Успения Божией Матери, обычно завершают обзор. Сопровождая немцев в Сологубовку, я всякий раз останавливаюсь у этого камня с православным крестом. В шутку говорю им, что сейчас покажу свою могилу. Эффект бывает стандартным: немцы озадаченно смотрят на меня, стоящего у могилы своего однофамильца, и в первое мгновение не могут понять, как же это я воскрес. Потом уже воспринимают это как шутку. Так было много раз, но од-

нажды после такого показа ко мне подошел один из участников немецкой туристической группы и представился лютеранским священником. Его слова мне запомнились. Он сказал:

– Это воля Господа. Один Лебедев создавал этот храм и помогал в нем людям общаться с Богом, а через 120 лет другой человек с такой же фамилией способствовал возрождению этого храма из руин.

Не знаю, как насчет воли Господа, но с тех пор стараюсь посещать это место с цветами.

Встреча над войною

(о чем разговаривали писатели Даниил Гранин и Арно Зурмински)

Несмотря на уговоры, Даниил Гранин вначале не соглашался на встречу с немецким писателем Арно Зурмински. Как всегда его, классика современной российской литературы и известного общественного деятеля, разрывали на части: трудно было определить, какое из многочисленных предстоящих мероприятий было для него самым важным. Поэтому эта встреча могла вообще не состояться, тем более что пребывание группы писателей из Гамбурга уже подходило к концу.

Когда я сообщил о возникших трудностях Арно Зурмински, чей роман «Отечество без отцов» перевел и ознакомил с ним Гранина, то немец встал в позу и сказал, что он тоже может обойтись без такой встречи. Как говорится, нашла кося на камень. Не желая дальше обострять ситуацию, я передал Гранину, что у писателя из Гамбурга, прибывшего в октябре 2007 года на 50-летие партнерских связей между нашими городами, тоже напряженная программа, и потому теперь остается надеяться лишь на будущие контакты. На том вроде бы и решили.

Неожиданно, совсем уже поздно вечером, Гранин сам позвонил мне и настоятельно попросил, чтобы я уговорил Зур-

мински встретиться с ним. Для этого он отложил все остальные дела, назначенные на субботу. Уже потом я догадался, что, видимо, Даниил Александрович вновь прочитал предисловие к этому роману, наверное, перелистал мой перевод, и необычная фабула этого произведения, как на чаше весов, перевесила все остальное, намеченное на ближайший день. А говорилось в предисловии следующее:

«Через 60 лет после смерти отца, погибшего в России в день ее рождения 31 января 1943 года, Ребека Ланге, урожденная Розен, отправляется на его поиски.

Она из тех миллионов солдатских детей, которые никогда не видели своих отцов. С помощью дневников и писем сопровождает она юного Роберта Розена на войну из его восточно-прусской деревни Подванген. Книга заканчивается объявлением о смерти ее отца, которое появляется в газете 31 января 2004 года. Его заключительные слова звучат так: «Я искала убийц, а нашла людей».

Россия, Восточная Пруссия, Мюнстер и Гамбург являются сценами этого биографического романа, который перекидывает мостик из Второй мировой войны в современность и в котором также играет роль своей ужасающей аналогией поход Наполеона на Москву в 1812 году. Об этом последовательно делает записи в военном дневнике один из немецких солдат из Вестфалии, воевавший в составе наполеоновских войск. «Все войны родственны между собой», – такую мысль проводит Арно Зурмински в своем новом романе, в котором

ему удается не только уникальный литературный прием, но вносится также значительный вклад в развитие дискуссии об историческом прошлом Германии».

Так что встреча между двумя писателями все же состоялась, и лично мне она показалась чрезвычайно интересной. На ней присутствовали еще три человека: жена Зурмински Трауте, Наташа Багрова, переводчица и мой хороший друг, ну и я сам, как лицо, способствовавшее установлению данного контакта. Немецким языком я владею в достаточной степени, но Наташу специально попросил прийти, чтобы со стороны понаблюдать за беседой двух известных писателей, не понаслышке знающих тему Второй мировой войны и посвятивших ей многие свои произведения. В ходе этой встречи я делал пометки в своей записной книжке, чтобы содержание беседы сохранилось.

Из книг Гранина я знал, что он воевал под Ленинградом ополченцем, а затем дошел до Восточной Пруссии уже в должности командира роты тяжелых танков. Зурмински, как следовало из его биографии, был уроженцем этой самой Восточной Пруссии, правда, встретил он войну мальчишкой. Она забрала у него родителей, которых в конце войны депортировали в Советский Союз, где их следы на долгие годы потерялись, прежде чем выяснилось, что они там остались навсегда, сгинув в сталинских лагерях.

В рассказе «Возвращение в чужую страну» Зурмински поведал о том, как он в 1990-х годах наконец-то получил дан-

ные о судьбе своих родителей:

«”Великая Россия открыла свои архивы, – отвечали компьютеры тем, кто свой первый запрос на розыск послал еще пятьдесят лет назад. – Мы просмотрели огромное количество данных и всюду натыкались лишь на могильные кресты. Тем не менее мы можем сообщить Вам, что один из Ваших родственников умер в Чувашии 7 мая 1946 года. А другой скончался 23 мая 1945 года в лагере № 1101”. Неизвестно, где это место затерялось в бескрайних просторах России. Война к тому времени как раз закончилась. Зачем же нужно было и дальше умирать? От чего наступила смерть: от голода или тифа? Этого компьютеры не знали. Плакать они тоже не умели. Они были лишь в состоянии, как утешение, поведать о том, что все это произошло именно в Чувашии».

Как только началась беседа писателей, Зурмински, развивая тему депортации немцев, сказал Гранину, что не испытывает какой-либо ненависти к тем солдатам, которые у него на глазах увели его мать под дулами автоматов. Солдат выполняет приказ. Виноваты власти, посылающие его от имени государства творить преступления, зачастую против его воли.

Тут же между ними завязалась дискуссия о том, имеет ли солдат право отказаться выполнять приказ. Я тоже вступил в разговор и напомнил о событиях в Новочеркасске в 1962 году, когда по приказу Хрущева солдаты расстреляли рабочих, протестовавших из-за повышения цен и начавшегося голода.

На это Зурмински заметил, что сегодня в бундесвере законодательно возможно неповиновение преступным приказам. Солдат вправе сам определять меру законности акции и, исходя из этого, свое участие или неучастие в ней. Гранин ответил, что у нас этого в воинских уставах нет, а это означает, что солдат находится в полной зависимости от воли вершителей власти, в том числе и тех, кто этой властью может распорядиться в экстренной ситуации неправомерно. От такого рода ситуаций, к сожалению, сегодня никто не застрахован, особенно при обострении внутренней обстановки в стране.

Гранин тут же сам задал Зурмински прямой вопрос: как тот считает, почему Германия проиграла ту войну?

Немецкий писатель не сразу, но ответил: «Потому что в России много народа». В тот момент его фраза вызвала просто неприятие, возникла неловкость, поскольку она показалась кощунственной. Повисло тягостное молчание. Позже я прочитал рассказ Зурмински «Волны» и понял, что эта мысль им выстрадана и именно в таком виде содержится в его рассказе; он твердо придерживается того, что именно так оно и было. Более того, он, как писатель, подводит к этой мысли немецкого читателя, не оставляя тому даже возможности для сомнений. Вот как воспринимает бой с русскими солдатами один из персонажей этого рассказа, бывший в войну пулеметчиком:

«Такое нельзя было назвать войной. Это была бойня с криками и стенаниями. Они пошли на нас со стороны леса,

бежали по снегу, как стадо зверей. Их напоили водкой, потому они так дико кричали. Первая волна имела при себе винтовки, вторая шла с пустыми руками, подбирая оружие своих погибших товарищей. Не нужно было только стрелять раньше времени! Когда они совсем приблизились к нашей позиции, залаяли пулеметы. Прямо по телам погибших, подобно морскому прибою, побежали новые волны солдат. В России так много народа. Ствол пулемета раскалился, вокруг нас плавился снег».

Ну что ж, это право писателя на собственное восприятие. Но оно явно не совпало с тем, как это представлялось Гранину.

Позднее мы с Наташей пришли к общему мнению, что если бы не было этого задиристого вопроса Гранина, то, может быть, не получилось бы и столь интересного разговора. Гранин спровоцировал Зурмински на острый диалог, сразу же дав понять, что не хочет ограничиваться обменом любезностями, как это обычно бывает при первом знакомстве. Зурмински был ему интересен как представитель страны с иным менталитетом, причем сам переживший военные невзгоды. К тому же это был его коллега по литературному ремеслу, человек, который через свое творчество пытается докопаться до истины, ставя перед собой непростые вопросы, и старается сам же на них ответить, когда создавшаяся картина становится ясной.

Следующий вопрос Гранина был таким же кинжальным:

«Почему немецкие солдаты, поняв весь ужас военной авантюры в России, участниками которой они стали, не прекратили воевать уже зимой 1941–1942 годов?» Ответом Зурмински было слово «присяга». По его твердому мнению, именно поэтому германские солдаты продолжали отчаянно бороться до весны 1945 года, хотя многим уже было ясно, что война проиграна.

В свою очередь Зурмински задал вопрос, который, чувствовалось, продолжает волновать его до сих пор: «Что русский писатель и бывший фронтовик думает относительно не всегда корректного обращения советских солдат с местным немецким населением, когда войска Красной Армии перешли границу с Германией?» По поводу поведения наших войск в Восточной Пруссии Гранин сказал, что этот поход был мщением. Больше эта тема не обсуждалась, хотя мне показалось, что оба писателя к ней еще не раз вернуться. И не только в процессе общения, но и в своих произведениях.

Как-то незаметно разговор переключился на роман Зурмински «Отечество без отцов». Гранин сказал: «Книг о войне написано так много». Поморщился, давая таким образом понять, как ему тошно от переизбытка низкопробных произведений. А затем dokonчил свою мысль: «Но Вашу книгу было интересно читать». Потом спросил немецкого писателя, существовал ли реальный Роберт Розен, главный персонаж романа.

Зурмински ответил: «Дневник Роберта Розена имеется на

самом деле, но я убрал из него лишнее, подсократил. Да и погиб настоящий Роберт Розен еще в декабре 1941 года. Дневник вестфальца тоже существует».

В своей записи разговора между писателями России и Германии я пометил тогда: «Гранин и Зурмински – это люди с четко сформировавшимся мнением о войне. Это ясно отражается в их произведениях. Зурмински явно стремится в своих многочисленных книгах к тому, чтобы тема войны перестала наконец разделять наши народы. В маленьком рассказе «Ирина или часы» писатель размышляет: «Но не пора ли все же в этой истории поставить точку? Может быть, следует когда-нибудь прекратить ход тех часов, что по кругу разносят зло?» По его мнению, все солдаты – жертвы войны. Через этот тезис он пытается уравнивать победителей и побежденных, тех, кто шел как завоеватель, и тех, кто защищал свою родину от вооруженных посягательств. Он хочет, чтобы немцев в мире перестали воспринимать как наследников тех, кто когда-то был преступником. Но из разговора с Граниным он, видимо, понял, что это пока лишь его мечты. Для нашего писателя-фронтовика деление солдат на агрессоров и защитников по-прежнему остается принципиально важным.

Когда беседа была уже в самом разгаре, Зурмински попросил Гранина порекомендовать, какие из его книг, переведенных на немецкий язык, стоило бы почитать. Гранин не стал рекламировать свои произведения. Мы с Наташей в один го-

лос назвали такие его книги, пользующиеся широким признанием, как «Картина» и «Потерянное милосердие». Назвали также и «Вечера с Петром Великим». Все они издавались в Германии. Свою «Блокадную книгу» Гранин не рекомендовал читать, так как она, на его взгляд, «слишком тяжелая». Трудно сказать, что он имел при этом в виду. Может быть, просто пожалел Зурмински, решив побереечь его от дополнительных переживаний?

На вопрос Зурмински, сколько книг написал Гранин, тот не смог назвать точного количества, но сказал, что издавалось их много и большими тиражами. Посмеялся, что некоторые произведения даже через тридцать лет после того, как они были написаны и после неоднократного их переиздания, редакторы все равно умудряются править.

Под конец беседы Гранин спросил Зурмински, что тот думает о Гюнтере Грассе, лауреате Нобелевской премии. И вот тут-то впервые проявилась схожесть их взглядов. Гранин был явно удовлетворен ответом Зурмински и со свойственной только ему интонацией произнес свое любимое: «Это правильно», когда тот заявил, что писатель не должен полностью отдаваться политике и писать свои произведения в угоду ей. А у Грасса, по мнению Зурмински, это возведено в абсолют, когда происходят какие-то важные политические события либо государственные структуры приступают к формированию новой политической линии в отношении общественных масс. Гранин заметил, что, в сущности, большая

редкость, когда писатель не поучает правителей и не вмешивается в политические вопросы. Даже у Толстого подобное можно наблюдать в значительной мере. Единственным и удивительным исключением является Чехов. Вот тут политика полностью отступает, и на первый план выходят в полном своем многообразии человеческие отношения и столкновения характеров. Через полтора часа встреча завершилась. Чувствовалось, что она наложила на всех ее участников глубокий отпечаток. Это было столкновение мнений, где стороны с первого раза не смогли достичь единства взглядов. Но отрадно было видеть, что оба писателя этой встречей не были разочарованы. Они почувствовали интерес друг к другу. Между ними возникло нечто общее, понятное только им одним и неподвластное другим участникам встречи, хотя Трауте, Наташа и я все время находились рядом. У них появилось явное желание продолжить диалог.

Первый шаг к этому сделал через некоторое время Арно Зурмински, послав Даниилу Гранину письмо с просьбой написать предисловие к русскому изданию его романа «Отечество без отцов», если тот будет опубликован в России. В 2010 году книга вышла в издательстве «Центрполиграф» в моем переводе. В предисловии Гранин отметил, что «роман для русского читателя понятен и близок. По-разному, но обе стороны – жертвы навязанной нам войны».

Говоров против Кюхлера

9 декабря в России объявлено Днем героев Отечества. Среди тех, кого вспоминают в этот день, непременно звучит имя Маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова. Это особенно приятно нам, жителям города на Неве, который в блокаду назывался Ленинградом и который советские воины защищали под командованием Говорова.

В Германии такого праздника нет, но там есть День скорби по погибшим в Первой и Второй мировых войнах, в которых немцы оба раза потерпели поражение. Вспоминают в этот день и тех немецких солдат, что погибли под Ленинградом, воюя под началом генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера. Но вот самого Кюхлера, кроме его родственников, наверное, никто не вспоминает. И вот почему.

С 1942 по 1944 год Ленинград был местом встреч военачальников двух враждовавших армий. Лично они не виделись, но по боям, проходившим на Ленинградском фронте, друг о друге знали хорошо. Несмотря на то что Говоров (22.02.1897 – 19.03.1955) был значительно моложе Кюхлера (30.05.1881 – 25.05.1968), умер он раньше его. Говорову на момент смерти было лишь 58 лет. Видимо, острее воспринимал войну и переживал все ее тяготы сильнее других, что не могло не сказаться на здоровье.

Обычно при характеристике враждовавших людей упор делается на их противопоставлении. Однако применительно к данному случаю на первый план вышли удивительные совпадения, которые сопровождали Говорова и Кюхлера в течение всего периода их противостояния под Ленинградом.

Оказалось, что оба полководца – и Говоров, и Кюхлер – были артиллеристами, то есть представителями такого рода военной профессии, которая требовала математического мышления, строгости и четкости действий. У Говорова эти качества, видимо, были особенно развиты, недаром за глаза

его называли «аптекарем», имея в виду его скрупулезность даже в мелочах и въедливость при изучении обстановки, когда ему нужно было понять замысел противника. Кюхлеру все эти качества также были присущи, но, может, не в силу характера, а по причине немецкого менталитета, где на первый план, особенно в военной области, традиционно выходили порядок, дисциплина и организованность.

У Говорова и Кюхлера имелось еще одно сходство: оба очень любили работать с картами обстановки. Вот что вспоминает в книге «Операция “Искра”» бывший член Военного совета 5-й армии П. Ф. Иванов: «Уникальной была способность Говорова читать карту обстановки. Пользуясь ею, он разгадывал замыслы противника, перед его взором она словно бы оживала со своими реками и силами и средствами противника. Поколдует над картой и скажет: «Завтра гитлеровцы полезут отсюда». Он редко ошибался в своих прогнозах. Поразмыслить, поколдовать над картой стало неотъемлемой потребностью Говорова. Он любил в поздние часы, сбросив дневные заботы, склониться над картой военных действий». Что касается Кюхлера, то после окончания в 1913 году Военной академии он служил в топографическом отделе Генерального штаба. Это была великолепная школа для карьерного роста будущего генерал-фельдмаршала.

У обоих, несмотря на разницу в возрасте, к моменту их военного столкновения под Ленинградом был уже солидный боевой опыт. Говоров участвовал в Гражданской войне,

пройдя после ее окончания последовательно должности командира артиллерийского дивизиона и полка, затем он был начальником укрепрайона, после чего находился на преподавательской работе в Артиллерийской академии. Участвовал он и в советско-финской войне 1939–1940 годов. Перед войной окончил академию Генерального штаба. Так что к командованию 5-й армией в боях под Москвой осенью 1941 года он подошел зрелым и опытным специалистом. С апреля 1942 года генерал-лейтенант Говоров находился в осажденном Ленинграде, командуя сначала группировкой войск Ленинградского фронта, а затем и всем Ленинградским фронтом.

Георг фон Кюхлер прошел Первую мировую войну командиром батареи и офицером Генерального штаба. Приход Гитлера Кюхлер встретил одобрительно, в 1934 году он стал уже генерал-майором. Именно на этот период приходится его тесное сотрудничество с нацистами, чью программу он принял безоговорочно. Во Вторую мировую войну в сентябре 1939 года Георг Кюхлер уже в должности командующего армией занял Данциг. Во французской кампании в мае 1940 года Кюхлер со своей 18-й армией, с которой впоследствии он пришел под Ленинград, за пять суток захватил Нидерланды, а уже через месяц, в мае 1940 года, его дивизии входили в Париж. За это он был удостоен звания «генерал-полковник». Военную кампанию против советской России он надеялся завершить так же успешно, как и три предыдущие. И первый

год этой новой войны был для него в основном благоприятным. После добровольной отставки генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба 17 января 1942 года Гитлер наделил генерал-полковника Георга Кюхлера полномочиями командующего группой армий «Север». За Волховскую кампанию летом 1942 года Георг Кюхлер был удостоен воинского звания «генерал-фельдмаршал».

Говоров и Кюхлер имели достаточное представление друг о друге. В их штабах готовились исчерпывающие досье с описанием сильных и слабых сторон лиц, возглавляющих враждующие группировки войск. Поэтому, конечно, одерживая успех или терпя поражения при проведении частных операций и в масштабе крупных наступлений, оба военачальника должны были задумываться о действиях своего визави.

1943 год стал переломным в противостоянии Говорова и Кюхлера под Ленинградом. 18 января войска Ленинградского фронта прорвали блокаду города с западного направления.

В начале зимы 1944 года пришел час окончательной победы Леонида Говорова.

27 января Ленинград салютом торжествовал свою победу над врагом, блокада города была снята. Пытаясь избежать окружения войск, Кюхлер вынужден был повсеместно начать стремительный отход, надеясь закрепиться на заблаговременно созданной оборонительной линии «Пантера». В

итоге его постигла участь предшественника – фельдмаршала фон Лееба, который без согласия свыше отступал от Тихвина, также стараясь избежать окружения. Устроив Кюхлеру разнос за самовольный отход, Гитлер отправил его в резерв, где тот оставался до конца войны. Затем Кюхлер был привлечен к суду как военный преступник и приговорен к 20 годам тюремного заключения. Правда, в 1951 году срок был сокращен до двух лет, и в феврале 1953 года генерал-фельдмаршал вышел на свободу.

Тема преступлений Кюхлера требует отдельного исследования. Основная часть обвинений была представлена Кюхлеру за период командования им 18-й армией. Вот что пишет немецкий исследователь военной истории Йоханнес Хюртер, автор монографии «Вермахт под Ленинградом», применительно к сентябрьским боям 1941 года под Ленинградом: «Через несколько дней генерал-полковник Кюхлер лично разъяснял командованию 50-го армейского корпуса, что войска должны препятствовать выходу беженцев из города и решительно применять оружие. Этот приказ стрелять в женщин и детей предшествовал указанию о длительном герметическом окружении».

Георг фон Кюхлер принял правила игры Гитлера, которые неукоснительно претворял в жизнь под Ленинградом. Это касалось также и его жестокого отношения к населению оккупированных 18-й армией областей Ленинградской области, в частности уничтожения пациентов психиатрической

больницы имени Кашенко в Никольском под Гатчиной и в здании бывшего монастыря в Макарьевской Пустыни у Любани.

Умер Георг Кюхлер в 1968 году, как раз тогда, когда в Германии наступило время покаяния за гитлеровские злодеяния. В школьных учебниках Германии имя его не упоминается, и молодое поколение немцев о нем практически ничего не знает.

В отличие от него, имя Леонида Говорова стало всенародно известным после прорыва блокады Ленинграда, ему было присвоено звание «генерал-полковник», и он одним из первых был награжден орденом Суворова I степени. В 1944 году, когда Красная армия стала освобождать от врага захваченную территорию, ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. Закончил войну он в 1945 году командующим Ленинградским фронтом в Прибалтике, одновременно координируя действия 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. После войны состоял на различных высоких должностях в руководстве Вооруженных Сил, в том числе занимал пост замминистра обороны. Он был не только удостоен звания Героя Советского Союза, но и награжден высшим советским военным орденом «Победа». В Санкт-Петербурге у Нарвских ворот, напоминающих о победе над Наполеоном, маршалу Говорову поставлен памятник. Имя его по праву навсегда внесено золотыми буквами в историю города на Неве.

Почему Германия проиграла войну?

Писатель-фронтовик Даниил Гранин задавал свой вопрос о причине поражения Германии во Второй мировой войне многим. Спросил он об этом после выступления в бундестаге зимой 2014 года и бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта. Тот тоже прошел всю войну, хлебнул всякого. И его мнение для Гранина представлялось важным.

Но ответ оказался традиционным. Он типичный для Западной Европы: «Потому что американцы высадились 6 июня 1944 года во французской Нормандии». Даниил Александрович, возможно, надеялся при встрече с человеком столь высокого государственного уровня, что тот найдет и другое объяснение, но этого не случилось. Западный менталитет за 70 лет, прошедших после войны, остался прежним на всех уровнях.

Так почему все же немцы проиграли, а мы победили? Мы неоднократно беседовали с Даниилом Александровичем на тему побед и поражений в войнах. Однажды он привел мне стихи Пушкина из десятой главы «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Гранин, обосновывая свою мысль, сделал упор на том, что перелом войны наступил во многом благодаря остервенению народа. Изменился дух нации, люди сплотились, возвысилось их национальное достоинство. Они осознали в полной мере, что вели справедливую борьбу за родную землю. В восприятии Гранина остальное было подспорьем: существенным, но не определяющим. Пушкинские слова как нельзя более точно ложились на нашу войну с гитлеровской Германией. Поневоле напрашивались аналогии. Маршал Георгий Жуков ассоциировался с пушкинским Барклаем, мороз 1941 года оказался таким же губительным для гитлеровцев, как и 150 лет назад для французов. Что касается русской православной церкви, то она, как и в прежние времена, вдохновляла народ на победу. Но главным стало как раз остервенение.

Думается, Гранин нашел правильный ответ на свой многолетний вопрос.

Дудин

– Дорогой друг! А как же я могу назвать тебя по-другому, ведь ты же взял в руки мою книгу.

Такими словами Михаила Дудина, нашего знаменитого фронтового поэта, я обычно начинаю свои встречи с читателями. Очень трогают меня эти слова из его книги «Где наша не пропадала», посвященной товарищам по оружию.

Виделся я с Михаилом Александровичем лишь однажды. Познакомил нас мой старший брат, художник Владимир Алексеев, иллюстрировавший несколько поэтических книг Дудина. Было это в конце 1992 года, когда я уже окончил военную службу. Узнав от брата, что Дудин воевал и против финнов, я принес ему редкую книгу: записки начальника Генерального штаба финской армии, которую удалось достать через знакомых. Помню, Михаил Александрович склонился над военными картами с обстановкой на Карельском перешейке, взял увеличительное стекло и медленно водил им по финским позициям. Чувствовалось его неподдельное волнение, как будто он возвратился в 1940-е годы и вновь проживал суровые военные будни.

От финских событий он сам перешел к теме блокады Ленинграда. Его все больше тревожила судьба Зеленого пояса славы, инициатором которого он сам являлся и который в начале 1990-х годов начал разрушаться. Война 1941–1945

годов в то нелегкое для Петербурга время отошла на задний план. Задача городских властей состояла в том, чтобы сдержать недовольство людей, испытывавших нехватку продовольствия и терявших работу. Видимо, и в силу таких причин настроение у Дудина было не самым хорошим. Когда я ему рассказал, что совсем недавно сопровождал группу бывших немецких солдат к местам их боев на Невском пяточке, Дудин вдруг оживился, сказал, что я занимаюсь правильным делом, способствуя, как переводчик, нужным встречам ветеранов войны. Когда-то они воевали друг против друга, теперь, по словам Дудина, настало время подводить итоги прожитому и передавать эстафету достойных взаимоотношений следующему поколению. По существу он благословил меня на работу в центре «Примирение».

Дудина сильно впечатлило, когда я рассказал, как немцы ищут захоронения своих сослуживцев в Ленинградской области. С огорчением он констатировал, что у нас солдата в войну не жалели, оттого так много пропавших без вести. После этого прочитал четверостишие, которое тотчас же мне запомнилось:

Я всей жизнью своей виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал неизвестный солдат
Навсегда неизвестным солдатом.

А потом мы долго говорили о Невском пяточке. В начале

1990-х много писалось о том, что якобы он совсем не был нужен из-за своих огромных потерь. Я тогда не знал, к кому мне следовало больше прислушиваться. Скорее склонялся к тем, кто принижал роль Невского плацдарма. У меня тогда еще не было уникального документа в защиту героев пяточка – дневниковых записей командующего группой войск «Север» фельдмаршала фон Лееба. Тот 33 раза упоминает этот участок боевых действий в своих ежедневных оценках. Он был для него очень болезненной занозой.

Пока что я только слушал Дудина и записывал тут же, что он говорил. Занес в блокнот еще одно его четверостишие:

Там, где шумит базарная толпа,
Где на базаре немцу жулик ловкий
За доллары сбывает черепа
Моих друзей, погибших под Дубровкой.

Дудин сказал, что эти стихи он еще нигде не публиковал, и попросил тогда широкой публике их не показывать. Позже они были опубликованы.

Как-то незаметно мы перешли на более веселые темы. У Дудина явно поднялось настроение. Уже когда мы находились с братом в дверях, собираясь уйти, он нам прочитал шутовскую эпиграмму на своего тезку Шолохова:

Для кретина-читателя труден
Михаил Александрович Дудин,

Но зато популярен у олухов
Михаил Александрович Шолохов.

По его словам, он отправил свой стишок в станицу Вешенскую и вскоре получил оттуда ответ:

Для кретина-читателя труден
Михаил Александрович Шолохов,
Но зато популярен у олухов
Михаил Александрович Дудин.

Позднее, читая его стихи, я не раз натыкался на озорные строчки. Некоторые из них сразу же откладывались в голове, хотя я их не всегда и понимал. Например, эти:

Вдали виднелись где-то трубы,
И чуть проблескивал овал.
И шар, вытягивая губы,
В затылок грушу целовал.

А еще Дудин мне открылся как великолепный переводчик стихотворений полюбившихся ему поэтов. Помог мне в этом мой брат-художник. Он подарил мне книжку поэтических переводов Дудина со своими иллюстрациями. Они удивительно хорошо сочетались с содержанием этих стихотворений. Помню, как открыл страницу, где была изображена девушка, тянущаяся всем телом к солнцу. Она была светловолосой, лицо ее повернуто к солнечным лучам, руки распах-

нуты, как будто хотели вобрать в себя это солнце. А рядом дудинский перевод стихотворения финской поэтессы Эдит Седергран. Две строчки помню до сих пор:

Я не могу без действия прожить
И так умру, прикованная к лире.

Встреча с Дудиным мне вспоминается всякий раз, когда я слышу его стихи, передаваемые по радио к памятным военным датам. Он по-прежнему остается одним из самых моих любимых ленинградских поэтов.

Ленинград – недругу пример

Однажды мне встретился немецкий документ с необычным названием «Советские меры по успешной обороне Ленинграда». Подписан он был главным гестаповцем Третьего рейха Генрихом Гиммлером. Дал мне его, как военному переводчику, наш петербургский писатель-фронтовик Даниил Гранин. Его интересовало точное содержание документа, и он попросил меня перевести его.

Кому же этот документ был адресован и чем примечателен? В препроводительной записке к нему Гиммлер, возглавивший в феврале 1945 года группу армий «Висла», призывал «...не пасовать перед врагом. Напротив, необходимо проявить солдатскую закалку и продемонстрировать стойкость, чтобы обеспечить защиту от врага женщин и детей, доверивших нам это право».

Давайте представим себе обстановку в Германии на заключительном этапе войны. С позором завершалась военная кампания, которую Третий рейх с таким блеском и размахом начал в 1939 году. Гиммлер уже отчетливо понимал, что война проиграна, и 19 февраля 1945 года выпросил для себя встречу с вице-президентом шведского Красного Креста графом фон Висборгом, через которого намеревался начать переговоры с англичанами и американцами о заключении сепаратного мира.

Одновременно он осознавал, что советские власти никогда не пойдут с немцами на договоренности о перемирии. С этой стороны Германию ждало продолжение жестокой, бескомпромиссной борьбы. Применительно к Восточному фронту у руководства Третьего рейха оставался единственный путь: призвать немецкие войска и гражданское население Германии дать врагу решительный отпор. Но одновременно немцев обязывали готовиться к неслыханным прежде трудностям и лишениям. В пропагандистских целях требовался достойный образ для подражания.

Как ни парадоксально это звучит, но гитлеровские советники избрали враждебный им город Ленинград в качестве примера самоотверженности и мученичества. В основу обращения Гимmlера к высшему командному составу вермахта было положено заключение гитлеровской службы безопасности (СД) о ситуации в Ленинграде, сделанное в октябре 1942 года.

Документ этот небольшой, в нем всего две страницы. В нем ощущается уважение к противнику, который не сдался, а, напротив, мобилизовал все силы для того, чтобы дать врагу достойный отпор. Есть смысл привести его полностью.

Советские меры по успешной обороне Ленинграда

1 . Предпосылки.

Успешная оборона Ленинграда стала возможной благодаря тому, что наступление немецких войск на город, начатое в сентябре 1941 года, постепенно замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Благодаря этому противник выиграл время, превратив Ленинград в военную крепость. Решающее значение имело стратегически выгодное положение города. Защищенные со стороны Кронштадта тяжелой артиллерией заболоченные окрестности Ленинграда создавали вместе с озерами и реками благоприятные возможности для обороны. Противнику удалось также сконцентрировать в Ленинграде войска и артиллерию, включая орудия сверхмощного калибра, а также эффективно задействовать всю тяжелую корабельную артиллерию Балтийского флота.

2 . Меры по работе с населением.

К началу войны Советского Союза с Германией в Ленинграде находилось около 3,2 миллиона человек. Благодаря притоку беженцев и остатков разбитых частей число жителей возросло по мере приближения немецких войск к городу до 5 миллионов человек.

Путем принятия кардинальных мер противнику удалось снизить численность населения до цифры, наиболее опти-

мальной для защиты города. К моменту полного окружения Ленинграда из него были эвакуированы около двух миллионов человек, в течение всего периода блокады в экстраординарных условиях был вывезен еще один миллион, около миллиона умерло от голода. Оставшиеся к 1943 году жители, числом менее миллиона человек, все без исключения были задействованы в военной промышленности, привлечены к работе в органах правопорядка или находились в армейских подразделениях.

а) Эвакуация.

Эвакуация велась путем принятия решительных мер. В городе должны были остаться только те, кто мог принести пользу его обороне. С началом продвижения немецких войск к Ленинграду из города стали вывозиться детские сады, дома и школы. В большинстве случаев родители не знали, куда их детей отправляли. Таким же образом поступали со старыми или физически ослабленными людьми.

Рабочие после эвакуации своих предприятий также последовали за ними.

В ходе этих массовых мероприятий не удалось избежать паники. Отправка людей сопровождалась многочисленными несчастными случаями. Самым неблагоприятным образом сказывалась при этом нехватка транспортных средств.

Эвакуация продолжалась в течение всего периода блокады Ленинграда. Для этого советские власти проложили по льду замерзшего Ладожского озера несколько трасс.

б) Привлечение населения.

Каждому жителю Ленинграда было предписано работать исключительно на оборону города. С жителями проводилась военная подготовка, они привлекались к рытью траншей или работали в оборонной промышленности.

3. Мероприятия в хозяйственном и промышленном секторах.

Во время наступления немецких войск на Ленинград незамедлительно были эвакуированы наиболее важные предприятия военной промышленности за исключением тех, кто непосредственно работал на оборону. Непрерывным потоком шла отправка по железной дороге или автотранспортом оборудования предприятий. Одновременно осуществлялся перевод оставшихся в городе предприятий для оказания помощи частям, защищавшим Ленинград. Цеха Кировского завода, занимавшиеся изготовлением вагонов, приступили к ремонту танков. В городе действовала лишь одна электростанция. В начале блокады работали также и предприятия пищевой промышленности, но вскоре их пришлось закрыть из-за отсутствия сырья. Все мелкие предприятия, универмаги и магазины были закрыты.

4. Снабжение.

Снабжение населения было сокращено до минимума. Практически функционировала лишь система общественного питания. Из продуктов оставался один только хлеб. Рабочие и служащие получали ежедневно по 250 граммов, дети

и иждивенцы – по 120 граммов.

Сегодня понимаешь, что Гиммлер, рассылая этот документ, имел в виду предстоявшую в скором времени оборону Берлина. Ее он надеялся вести так же успешно, как делали до этого защитники Ленинграда. Что из этого вышло, теперь знают все.

Месяц на диораме «Прорыв блокады Ленинграда»

Так получилось, что сентябрь 2006 года я провел, работая экскурсоводом в музее-диораме «Прорыв блокады Ленинграда» под Кировском на левом берегу Невы. Меня попросили подменить сотрудника, ушедшего в отпуск. Вообще-то, экскурсии на диораме я проводил и раньше, но исключительно для немецкоязычной аудитории, пользуясь как советскими документами, так и теми, что получал в дар с немецкой стороны.

В процессе общения с немецкими ветеранами войны меня все больше интересовала тема облика врага, находившегося по другую сторону блокадного кольца. Волновала также мысль о том, кем был немец, стремившийся захватить Ленинград, где всю блокаду голодала моя мать? Раньше это был такой абстрактный собирательный образ фашиста. Теперь же я стал все больше задумываться над тем, что и немецким солдатам были присущи человеческие черты и поступки. Немецкий солдат стал теперь все больше представляться мне человеком, надевшим военную форму в силу обстоятельств, в основном по приказу. Но одновременно появился новый вопрос: а кто же тогда творил бесчинства на оккупированной территории? Эта тема все больше завлекала меня и не отпускает по сей день, хотя главный вывод для себя я уже

сделал. Он заключается в том, что **вина – понятие индивидуальное**. Обвинение не может быть голословным, оно обязательно должно быть доказанным. Нельзя переносить вину за конкретные совершенные преступления на целые народы, живущие в эпоху тоталитарных режимов, и на армии, в составе которых воют представители этих самых народов.

Несколько лет до этого сопровождал я на диораму немецкого генерального консула Дитера Бодена, человека, не только великолепно знающего русский язык, но и одного из крупнейших исследователей творчества Пушкина в Германии. Помню, как Боден был поражен масштабностью картины, изображающей семь дней (с 12 по 18 января 1943 года) операции по прорыву блокады Ленинграда. Огромное полотно длиной 40 метров с изображением левого берега Невы, показывающее наиболее эпохальные эпизоды преодоления Шлиссельбургско-Синявинского выступа, произвело на него впечатление. Внимательно слушал он и рассказ женщины-экскурсовода, которая при этом многократно употребляла слово «фашисты» применительно к немецким войскам. Бросив взгляд на Бодена, я заметил, как начало мрачнеть его лицо, хотя и не мог понять причину этого. В конце концов немецкий консул не выдержал. Вежливо, но решительно перебив экскурсовода, он заметил, что «фашисты были в Берлине, а здесь находились немцы». Возникла неловкая пауза: все силились понять смысл замечания немецкого дипломата. Получалось, что он как бы оправдывал действия

немецких войск, заставлявших умирать от голода окруженных ленинградцев. Видимо, по выражению наших лиц, осознал это и Боден. И тогда мы услышали удивительный монолог человека, чей отец принимал участие в войне. Боден впервые для многих из нас изложил тезис индивидуальности вины и рассказал, как в Германии у послевоенного поколения воспитывалось и продолжает воспитываться чувство коллективной ответственности за преступления, которые исходили с немецкой земли. Это чувство ответственности не сродни осознанию конкретной вины, оно олицетворяет коллективное покаяние. Поэтому в Германии всенародно ежегодно в ноябре отмечается День народной скорби по погибшим в войнах вне зависимости от их национальной принадлежности. Каждый немецкий школьник обязательно в период учебы посещает многочисленные в Германии музеи-концлагеря и там узнает о преступлениях национал-социализма. Обязательным после такого посещения является написание сочинения. Такое всенародное воспитание чувства покаяния является залогом того, что в ближайшее время со стороны Германии не будет исходить угроза войны. Эту спонтанную лекцию немецкого дипломата я помню и по сей день. На многое открыла она мне глаза, и я благодарен тому, что это произошло именно на фоне картины «Прорыв блокады Ленинграда», усилившей своей наглядностью впечатление от услышанного.

В сентябре 2006 года диорама продолжала работать еже-

дневно с 11 до 18 часов за исключением понедельника. Я старался приезжать из Петербурга с запасом времени, боясь опоздать изза возможных пробок. Первые два дежурства меня как стажера прикрепляли к опытным экскурсоводам. Казалось бы, зачем это нужно было делать: ведь я могу часами рассказывать по теме, которой посвятил уже многие годы, черпая уникальную информацию из иностранных источников, никогда не публиковавшихся у нас. Тем не менее такая практика стала для меня очень полезной. Самым трудным было усвоить методику подачи материала, сделать рассказ логично построенным с учетом аудитории, находящейся в данный момент перед экспозицией. Несколько раз с большим вниманием слушал я объяснения опытного экскурсовода Виктории Самуиловны Орловой. Меня поразило, как она буквально с первых же минут овладевала аудиторией. При этом у нее был свой подход и к молодежи, и к ветеранам, которым она рассказывала как раз то, что интереснее всего им было узнать. Она подходила даже к одиночным посетителям и очень доброжелательно предлагала провести экскурсию.

Получив право на самостоятельное проведение экскурсий, я стал действовать подобным же способом. После каждого дежурства старался делать небольшие записи, которые позже перечитывал и дополнял новыми подробностями. Вот что из этого получилось.

2 сентября, суббота.

Сегодня было мое первое дежурство на диораме «Прорыв

блокады Ленинграда». Проводила экскурсии Виктория Самуиловна, я же выступал в роли подмастерья, чтобы лучше войти в тему. После третьего прослушивания ее рассказа посетителям я решился сам провести экскурсию. Видимо, все-таки волновался. Получалось довольно сбивчиво, и я это сам ощущал. Перескакивал с одного эпизода на другой, размахивая электронной указкой по всему 40-метровому полотну. Но тем не менее увидел, что люди слушают с интересом, прощая мои огрехи, видимо, находя их не столь уж значительными. Виктория Самуиловна деликатно дала несколько полезных советов и даже на листочке набросала тезисы типового экскурсионного выступления. И действительно, второй раз говорить было уже легче. Затем последовало третье мое выступление. К шестому разу я вдруг понял, что наговорился вдоволь и хочу отдохнуть. Может быть, тогда я впервые задумался над тем, что профессия экскурсовода не такая уже легкая, как это представляется со стороны.

6 сентября, среда.

По делам был в Кировском районе и заехал на диораму. Дежурила Татьяна Ивановна Коптелова. Мы с ней знакомы уже много лет, вместе открывали выставку фотографий Георга Гундлаха «Волховская битва. Ужасы войны». Оба мы филологи, специализирующиеся на иностранных языках. Она владеет английским, я – немецким. Как раз в этот день подтвердилось, насколько знание языков бывает подчас необходимо в профессии экскурсовода. Я увидел, как Татъя-

на Ивановна проводила экскурсию на английском языке для какого-то бородача среднего возраста. Заметив меня, тут же подозвала. Оказалось, что это племянник погибшего немецкого солдата, специально приехавший на кировскую землю в поисках Синявинского озера и Келколово, где в августе 1943 года погиб, а затем был захоронен его дядя. Так что экскурсия продолжилась и на немецком языке. Петер Шмидт, так зовут племянника, с большим интересом осмотрел на диораме нашу книжную выставку, которая официально должна была открыться 8 сентября, переписал названия выставленных там немецких книг и пообещал вновь приехать, чтобы продолжить розыски. Оказывается, до сих пор жива сестра погибшего немецкого солдата, то есть тетя Петера. Она по-прежнему не оставляет надежды прояснить до конца судьбу своего погибшего брата. Я же получил удовлетворение, рассказав Петеру, как проходили бои в районе Синявино в августе 1943 года. Таким образом, он как бы проследил последний путь своего родственника по русской земле. Мы обменялись электронными адресами, и вскоре я получил от него первую весточку.

8 сентября, пятница.

В этот день 65 лет назад началась блокада Ленинграда. Хотя это было не мое дежурство, тем не менее я вновь приехал на диораму, где дел нашлось достаточно много. В этот день на диораме открылась книжная выставка «По обе стороны блокадного кольца». На ней были представле-

ны также и иностранные книги из моей коллекции. Их подарили мне немецкие ветераны, историки и родственники погибших немецких солдат. Отрадно, что выставка вызвала общественный интерес. Открывал ее глава администрации Кировского района Сергей Алексеевич Баранов, затем несколько слов довелось сказать и мне, а также дать интервью Ленинградскому областному телевидению. Выставка будет работать три месяца, до декабря.

12 сентября, вторник.

На диораму приезжал генеральный директор фирмы «Потенциал» Сергей Михайлов. Молодой человек, который баллотировался в депутаты Кировского района. Оказалось, что его родственники провели войну в этих местах под немцами. Он приобрел мою книгу «По обе стороны блокадного кольца» и попросил подписать ее. Я это сделал с радостью, тем более что увидел у него подлинный интерес к теме боев на кировской земле.

15 сентября, пятница.

По просьбе 330-й гимназии из Санкт-Петербурга сопровождал школьников 3-го «Б» класса по местам боев на кировской земле. Делаю это с удовольствием уже второй раз, видя, как ребята с неподдельным интересом слушают рассказ. В этот раз после диорамы мы все поехали на Невский пяточок и спустились к самой Неве. Видимо, недавно был отлив, и вода вынесла на отмель предметы войны. Ребята начали приносить и показывать мне ржавые патроны и гиль-

зы, остатки противогазов и даже ручные гранаты. Я в шутку предложил им создать «Музей памяти о войне 3-го «Б» класса». Однако они восприняли предложение всерьез и натаскали в автобус целую гору железа. Я вдруг подумал: а почему бы и не быть такому музею в 330-й гимназии? Это ведь тоже способ сохранения памяти о войне. Конечно, солидный музей не должен опускаться до ржавых атрибутов войны, но на уровне школы музей с такими экспонатами не самый худший вариант. Правда, я все-таки посоветовал ребятам почистить будущие экспонаты, пусть они будут выглядеть по возможности так, как это было во время войны. Тогда за ржавое оружие боец строго наказывался. Да и сейчас в любой армии ржавчина на оружии – это предмет самого серьезного разбирательства и последующего строгого наказания.

19 сентября, вторник.

В этот день на Невский пяточок прибыл вице-премьер российского правительства и министр обороны Сергей Борисович Иванов. Как все это происходило, я узнал позднее из рассказов наших экскурсоводов. Олег Алексеевич Суходымцев, первоклассный историк, которого я называю ходячей энциклопедией, удостоился чести провести экскурсию для самого министра. Впрочем, может быть, сам министр удостоился чести выслушать рассказ Суходымцева? Я, например, слушаю Олега, всегда разинув рот, настолько интересны и необычны его рассказы. Неожиданно и мне была оказана честь стать заочным участником этого мероприятия.

Газета «Ладога» опубликовала в двух номерах мою статью «Невский пяточок – взгляд с обеих сторон». Не знаю, довели ли ее до министра, но люди звонили мне и поздравляли с интересной оценкой тех событий и новыми данными, полученными из иностранных источников.

20 сентября, среда.

Сегодня был в гостях у Даниила Гранина на его даче в Комарово. Писатель интересовался моей работой на диораме, правда, огорчил меня, сказав, что я напрасно растрачиваю время на проведение экскурсий. По его словам, я должен сейчас сконцентрироваться на переводах немецкой военно-исторической литературы, которые у меня начали получаться. Но я хочу все-таки попытаться доказать ему, что работа экскурсовода для меня – это своего рода функция проповедника. Я пытаюсь доносить до экскурсантов видение войны не только как подвига, а также как трагедии для всех ее участников. Рассказываю, что простой немецкий солдат, несмотря на агрессию со стороны Германии, тоже являлся жертвой войны. Мне хочется таким образом пробудить вопрос о необходимости создания на Кировской земле общероссийского военно-мемориального заповедника «Приладожье». Его составной частью могли бы быть не только музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда», но и Невский пяточок, а также сюда относились бы Синявинский мемориал и немецкое солдатское кладбище в Сологубовке. Рядом с немецким захоронением находится Парк мира и православ-

ная церковь Успения Божией Матери, в подвале которой расположен Зал памяти с именами всех немецких солдат, погибших на территории современной России. Все это символизировало бы трагедию Второй мировой войны, подобно Вердену, являющемуся символом войны 1914–1918 годов.

21 сентября, четверг.

Рассказывал посетителям, как несколько лет назад на диораму приехал немец, сидевший в окопах у Невы при прорыве блокады Ленинграда. По его словам, немецкие солдаты догадывались о предстоящем наступлении наших войск, слыша шум танковых двигателей и автомобильных моторов на противоположном берегу. Но им было непонятно, зачем русские всю неделю до начала наступления пилили лес. И лишь когда бывший немецкий солдат увидел в центре диорамы деревянно-ледовую переправу для наших танков, тогда ему стало все ясно. Оказывается, эта мысль занимала его долгие шестьдесят лет после войны. Чувствуется, что посетителям интересно слушать такие рассказы. Они прочно оседают в памяти и дополняют увиденное на полотне.

23 сентября, суббота.

Сегодня на диораму прибыла большая группа петербургских ветеранов войны. До этого они побывали в селении Лисино-Корпус Тосненского района. Некоторых я знаю, поскольку вместе с ветеранами 124-й Мгинско-Хинганской дивизии, освобождавшей в январе 1944 года эти бывшие царские охотничьи угодья от немецких оккупантов, встречал-

ся с ними в одну из памятных годовщин. С удовольствием рассказывал им историю создания диорамы, поделился новым эпизодом боев при прорыве блокады, который узнал из полученной из Голландии книги «От Ленинграда до Берлина. Голландские добровольцы на службе германских Ваффен-СС в 1941–1945 годах». Там описывается, как один из голландских солдат подбил 14 наших танков недалеко от Синявинских высот, после чего стал первым иностранным добровольцем, удостоенным высшей гитлеровской награды. До конца войны его везде показывали и восхваляли, писали его портреты... А после проигранной немцами войны он стал в Голландии одним из самых главных преступников. Долгие годы просидел в тюрьме за свой «синявинский подвиг», не мог найти достойную работу и в конце концов покончил жизнь самоубийством. Я рассказал это как факт, свидетельствующий о том, что в преступных войнах не бывает героев. И наоборот, в войнах в защиту своего Отечества героизм становится важной частью последующего военно-патриотического воспитания. Видимо, этот эпизод произвел на наших ветеранов впечатление, и они оставили проникновенную запись в книге посетителей.

26 сентября, вторник.

Сегодня последнее мое дежурство на диораме. Удивительно, но в этот день было совсем мало посетителей. Тем не менее выступал четыре раза, один из которых перед одиночным экскурсантом. Все равно получил удовольствие, тем бо-

лее что этот человек оказался так же, как и я, бывшим офицером. Он имеет в Кировском районе дачу, в лесу часто находит атрибуты войны, но главное, что он интересуется хроникой боев в этом районе. Может быть, поэтому я с особой радостью подписал ему свою книжку «По обе стороны блокадного кольца». Кстати, оказалось, что всего лишь за два месяца с небольшим на диораме были проданы 120 экземпляров этой книги. Когда заканчивалось последнее мое дежурство, то на прилавке оставалась лишь одна книжка.

Вот и завершилась моя работа на диораме «Прорыв блокады Ленинграда». В октябре мое место займут постоянные сотрудники, вышедшие из отпуска. Им я оставил свою новую брошюру про Невский пятачок. Планирую к зиме подготовить новый материал с рассказом о прорыве блокады Ленинграда, где будет анализ действий наших войск и противника. Хочется, чтобы получилась более полная картина боев. Тогда станет понятнее, какого сильного противника удалось одолеть после 16 месяцев кровопролитных боев в Приладожье.

Живые свидетели прорыва блокады

Во время экскурсий на диораму «Прорыв блокады Ленинграда» я рассказываю не только о танках, поднятых из Невы и являющихся по праву гордостью дирекции музея-заповедника. Есть и другие безмолвные очевидцы военных событий. Они из живого мира. Я рассказываю экскурсантам историю, связанную с деревьями, которые оказались в эпицентре боев по прорыву блокады Ленинграда и чудом пережили войну. На диораме их раньше было четыре, два не дожили до наших дней. Одно из оставшихся деревьев все еще борется с незаживающей раной у основания ствола. В январе 1943 года в него попал осколок крупнокалиберного снаряда. Так оно сегодня и стоит, являясь неммым свидетелем боев за освобождение Ленинграда. Рассказ об этом производит разное впечатление на русских и немцев. Наша аудитория овеяна подвигом народа и потому в первую очередь обращает внимание на танки. Немцы, как правило, после завершения рассказа подходят к дереву, фотографируют его, задают дополнительные вопросы.

Однажды кто-то из немецких ребят даже спросил, а не следует ли оградить это памятное место, может быть, даже закрыть зияющую рану дерева металлическим листом, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение, и сделать табличку с разъяснением на двух языках об этом дереве как о жи-

вом свидетеле боев.

Такого рода вопросы, откровенно говоря, радуют. Надеюсь, что это действительно произойдет. Тогда картина ужаса боев на Кировской земле Ленинградской области станет еще более наглядной. Сегодня особенно важно для понимания, что дерево является символом жертвы войны. Танк – это символ подвига бойцов, сражавшихся за Ленинград, а дерево в данном случае отражает страдания и горечь потерь во время этих боев. Тем самым создается более полный образ событий 70-летней давности.

Памятные камни Спиндлера

Ушел из жизни еще один ветеран войны. Их становится все меньше и меньше, потому что они вступили в критическую возрастную стадию жизни.

Владимиру Михайловичу Спиндлеру несказанно повезло: он пережил многих из своих однополчан. Величайшим его счастьем было то, что он, начальник разведки пехотного полка, воевавший на Ленинградском фронте, вообще уцелел. В пехоте это было крайней редкостью. Как Спиндлер однажды признался, возлагая цветы на Синявинских высотах к памятному знаку своим однополчанам, он всякий раз при этом благодарит судьбу за долгие годы жизни. Но одновременно испытывает чувство вины перед сослуживцами, лежащими в синявинской земле, за то, что он уберется от гибели, а они – нет.

Теперь не стало и его самого. Никогда уже не будет поездок по местам боев, совместных акций примирения с теми, против кого он дрался в Приладожье: на Невском пяточке, Синявинских высотах, у Рабочих поселков № 5 и 6.

В центре «Примирение», членом которого он являлся в течение десяти лет, всегда будут помнить совместную поездку под Мгу в Тортолово к памятнику матросам 73-й десантной бригады, и страстную речь Владимира Михайловича в защиту этого монумента от разрушения. Мы не раз бывали с

ним и в Вороново на берегу реки Назия у другого памятного знака, где однажды Владимир Михайлович произнес настолько проникновенные слова, что многие из присутствовавших не смогли сдержать слез. А его автобусные поездки во славу 124-й Мгинско-Хинганской дивизии, которые он устраивал как для своих сослуживцев, так и для молодежи, передавая ей таким образом эстафету поколений! Это тоже не забудется. Вместе со Спиндлером мы побывали и в Новолисино под Тосно. Его славная дивизия освобождала этот район от немцев в конце января 1944 года.

В его рассказах очень редко слышалось «я». Он всегда говорил о других, а если и вспоминал себя, то чаще всего применительно к смешным эпизодам. Скромность была его отличительной чертой. Но далеко не всегда она служила синонимом слова «стеснительность». Спиндлер умел отстаивать правду, боролся за нее, не считаясь со здоровьем. Если было нужно, открывал двери самых высоких кабинетов. Не для себя, а ради сохранения памяти о войне, чтобы не забывались трагические и героические страницы боев за Ленинград.

Владимир Михайлович одним из первых протянул руку бывшим немецким солдатам, приехавшим с акцией примирения в Санкт-Петербург в середине 1990-х годов. И то, как он сделал это, заслуживает отдельной оценки. У него не было величественности или превосходства в отношениях между победителями и побежденными. Как он не раз говорил, этого и не требовалось, ведь встречались солдаты, которые по раз-

ные стороны фронта вели одну и ту же окопную жизнь, страдали от лишений, голода, холода и сырости Синявинских болот. Немецкие ветераны это сразу же оценили по достоинству и всякий раз, приезжая в Ленинград, интересовались здоровьем «маленького русского ветерана».

К сожалению, теперь Владимир Михайлович Спидлер присоединился к ушедшему поколению. Но забыть этого человека будет невозможно. После себя он оставил два памятных камня: на Синявинских высотах и у немецкого кладбища в Сологубовке. На обоих выбита одинаковая надпись: «Здесь будет сооружен памятник солдатам Ленинградского и Волховского фронтов».

Памятный камень Спидлера в Сологубовке

«Воспоминания о войне»

Николая Никулина

Книг с таким или подобным названием написано множество. Многие войны прогремели с давних времен, ведутся они и по сей день. И у каждого очевидца – свои воспоминания о его личной войне.

В этом Николай Никулин, бывший сержант Волховского фронта, не одинок. Он тоже рассказал о своей войне. Но то, как он это сделал, заставляет после прочтения его воспоминаний задуматься, ощутив особый взгляд неординарного человека на эпизоды, случаемые в каждой войне. Более полувека Николай Николаевич проработал в Эрмитаже хранителем нидерландской и немецкой живописи. Он автор свыше 200 книг и статей, заведовал кафедрой зарубежного искусства в Институте имени Репина, являлся профессором и членом-корреспондентом Академии художеств.

Когда закончилась Вторая мировая война, чудом оставшийся в живых сержант Никулин (за четыре года ему довелось побывать связистом, снайпером, санинструктором, артиллеристом, разведчиком и простым пехотинцем) попал в новые для себя условия. Предстояло приспособившись к мирной жизни, устраивать собственный быт. О войне вспоминать не хотелось, мысли о ней были неприятны. Учеба и непрерывная работа помогли на время уйти от тяжелых во-

енных переживаний. Но постепенно годы смягчили пережитое, и война вернулась воспоминаниями. Они нахлынули на него поздней ненастной осенью 1975 года, когда он проводил отпуск в одиночестве в Прибалтике на берегу моря. За неделю родилась рукопись книги, которую Никулин оценивает как «спонтанное, хаотическое изложение обуревавших меня мыслей». Для него она стала «попыткой освободиться от прошлого, чтобы выскрести из закоулков памяти глубоко осевшую там мерзость, муть и свинство». Описания боев и подвигов в ней сведены к минимуму. Это восприятие войны тех, кто расплачивается за все, гибнет под пулями; кто, в отличие от генералов, победоносных мемуаров не пишет.

Никулин, ставший после войны искусствоведом, образно дает описание первого этапа войны между Советским Союзом и Германией: «В начале войны немецкие армии вошли на нашу территорию как раскаленный нож в масло. Чтобы затормозить их движение, не нашлось другого средства, как залить кровью лезвие этого ножа. Постепенно он начал ржаветь и тупеть и двигался все медленнее. А кровь лилась и лилась. Так сгорело ленинградское ополчение. Двести тысяч лучших, цвет города. Но вот нож остановился. Был он, однако, еще прочен, назад его подвинуть почти не удавалось. И весь 1942 год лилась и лилась кровь, все же помаленьку подтачивая это страшное лезвие. Так ковалась наша будущая победа».

Почему же русские люди веками в массовом порядке идут

на смерть? «Потому что НАДО», – отвечает Никулин. Над этим феноменом, присущем русскому солдату, с древних времен задумывался еще летописец «Истории Фридриха» Франц Куглер, описывая битву пруссаков с русскими под Цорндорфом в 1758 году: «И хотя первые шеренги русских уже были уничтожены, на их место решительно вставали следующие. Их также сметали, но за счет подхода других сил ряды их смыкались. Они создавали неприступный вал для противника, который мог быть преодолен не иначе как после уничтожения всех оставшихся русских солдат». Принцип «всех не перебьешь» оставался незыблемым и в Великую Отечественную войну.

Но страх перед смертью нередко все же брал верх, и, по свидетельству Никулина, «находились ловкачи, стремившиеся устроиться на тепленькие местечки: при кухне, тыловым писарем, кладовщиком, ординарцем начальника. Многие сдавались в плен, были самострелы, которые ранили себя с целью избежать боя и возможной смерти. Стрелялись через буханку хлеба, чтобы копоть от близкого выстрела не изобличала членовредительства. Стрелялись через мертвецов, чтобы ввести в заблуждение врачей. Стреляли друг другу в руки и ноги, предварительно сговорившись».

Во время войны сержант Никулин вел личный дневник, где описывал окопную жизнь. Читая его записи, ощущаешь весь ужас обстановки, в которой оказались солдаты: «Хочется пить и болит живот: ночью два раза пробирался за водой

к недалекой воронке. С наслаждениемпил густую, коричне-
вую, как кофе, пахнущую толлом и еще чем-то воду. Когда
же утром решил напиться, увидел черную скрюченную руку,
торчащую из воронки».

Есть в книге и трагикомические эпизоды. Иначе и быть не
могло, ведь война – это продолжение повседневной жизни,
только в особых условиях. В ней бывает все. Николай Нико-
лаевич с юмором рассказывает о том, как совершенно слу-
чайно захватил в плен немецкого солдата, который испугал-
ся при этом не меньше его. Но реакция у советского бойца
оказалась лучше. К тому же немцу мешал термос с едой за
его плечами. «После того как я доставил пленного, мы раз-
лили по котелкам вкуснейший немецкий гороховый суп с са-
лом, – рассказывает Никулин, – поделили галеты и приня-
лись за еду. Какое блаженство!.. Я все же настоял, чтобы мо-
ему бедному приятелю, жалкому и вшивому, дали полный
котелок горячего супа, и это самое приятное, что осталось в
моей памяти от всего трагикомического эпизода».

Солдат из окопа подчас лучше, чем кто-либо находящий-
ся при штабе, видит и оценивает своих командиров. И здесь
наблюдательность Никулина вызывает уважение: «Мой ко-
мандир пехотного полка, как поговаривали, выдвинулся на
свою должность из начальника банно-прачечного отряда. Он
оказался очень способным гнать свой полк вперед без рас-
суждений. Гробил его множество раз, а в промежуткахпил
водку и плясал цыганочку. Командир же немецкого пол-

ка, противостоявшего нам под Вороново, командовал еще в 1914–1918 годах батальоном, был профессионалом, знал все тонкости военного дела и, конечно, умел беречь своих людей».

Вывод отсюда напрашивается сам собой, и автор «Воспоминаний о войне» делает его жестко, безжалостно, но удивительно точно: «Война всегда была подлостью, а армия, инструмент убийства, – орудием зла. Нет и не было войн справедливых, все они, как бы их ни оправдывали, – античеловечны».

Наверное, некоторым ветеранам оценки из «Воспоминаний о войне» покажутся чрезмерно резкими, но их автор заслужил на это право своими ранениями, физическими лишениями и психологическими потрясениями. «Те, кто на передовой, – по словам Никулина, – не жильцы. Они обречены. Спасение им – лишь ранение. Те, кто в тылу, останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов. Они представят войну, о которой сами мало что знают, в романтическом ореоле. И то, что война – это ужас, смерть, голод, подлость, подлость и подлость, отойдет на второй план».

О чем мечтали на войне фронтовики? По мнению Никулина, о ранении как об отпуске. «Ранение – только не тяжелое, не в живот и не в голову, что равносильно смерти, – это очень хорошо. Вот если бы оторвало кисть левой руки или стопу!» Для солдат-фронтовиков – это не только воз-

возможность на время перейти в мирную жизнь, но, если повезет, то и поехать в отпуск, чтобы повидаться с родными. А некоторым везло еще больше, и они по инвалидности вообще заканчивали войну для себя.

После войны Николай Николаевич не раз бывал на местах боев под Ленинградом. С болью наблюдал, как запахивались кладбища его однополчан, пытался бороться с этим. Мучился мыслью: «Почему же такой глупой и бездарной была организация наших атак? В лоб на пулеметы». Ему не давало покоя равнодушие к памяти отцов у нынешнего поколения. Вывод, к которому он пришел, заслуживает того, чтобы к нему прислушались: «Это результат общего озверения нации. Политические аресты многих лет, лагеря, коллективизация, голод уничтожили не только миллионы людей, но и убили веру в добро, справедливость и милосердие».

По словам Никулина, трескучая фраза «Никто не забыт, ничто не забыто» выглядит издевательством. А официальные памятники и мемориалы созданы совсем не для памяти погибших, а для увековечения наших лозунгов: «Мы самые лучшие!», «Мы непобедимы!». Каменные, а чаще бетонные флаги, стандартные матери-родины, застывшие в картинной скорби, в которую не веришь, – это овеществленная в бетоне концепция непобедимости нашего строя.

Свою любимую фотографию, висевшую у него в комнате дома и увеличенную до размеров картины, он называл «Поколение уходит в вечность».

Не знаю, чем уж я заслужил благосклонность Николая Николаевича, но мы не только регулярно перезванивались, но и периодически встречались. Я с радостью отзывался на его приглашения посидеть у него дома и отведать в очередной раз кофе, сваренный его очаровательной супругой Ириной Сергеевной. Забегал к нему всегда с новыми идеями и рукописями статей по теме примирения. Помню, как был окрылен, когда получил от Никулина похвалу за переведенную мною книгу Хассо Стахова «Трагедия на Неве». Мне был очень важен взгляд ленинградца-фронтовика на эту немецкую книгу, тем более что написана она была таким же окопным солдатом, находившимся, правда, с другой стороны фронта.

Позже я понял, что своими «Воспоминаниями о войне» он прощался с нами, оставив наказ делать все возможное для предотвращения новых вооруженных конфликтов. Как он признавался, «это попытка ответить самому себе на вопросы, которые неотвязно мучают меня и не дают покоя, хотя война давно уже кончилась, да, по сути, кончается и моя жизнь, у истоков которой была эта война». Он имел полное право так говорить, отдав войне четыре лучших года своей юности. Мало кто из мальчишек 1923 года рождения уцелел. Николаю Никулину несказанно повезло. По его словам, у него был ангел-хранитель. Однако, даже несмотря на это, девять месяцев из своих четырех военных лет он провел в медсанбатах и госпиталях после нескольких ранений и кон-

тузий.

Иногда я чувствую, как мне его не хватает. Так чаще всего и бывает, когда находишься рядом с мудрым человеком, привыкаешь к этому, и кажется, что так всегда и будет. Потерю ощущаешь лишь после того, как навечно с ним расстанешься. Он умер по странному стечению обстоятельств в марте 2009 года, как раз в мой день рождения. Теперь эта дата стала для меня двойной.

Но со мною останутся два его фотоснимка, помещенные в «Воспоминаниях о войне». Он был действительно красивым человеком. На панихиде в храме, что находится в Институте имени Репина, где преподавал долгие годы профессор Никулин, собралось очень много народа: молодежь из числа студентов, люди среднего возраста и коллеги-искусствоведы. А вот ветераны были в основном представлены фотографиями в траурных рамках на институтском стенде под названием «Участники Великой Отечественной войны». Теперь там появился и снимок Николая Николаевича Никулина – благороднейшего человека, ушедшего в вечность к своему боевому поколению.

Крест примирения

Для ветеранов 124-й стрелковой дивизии 21 января – особая дата. В этот день в 1944 году ее бойцами была освобождена Мга, за что дивизия и получила наименование Мгинской. По сложившейся традиции администрация Санкт-Петербурга выделяет ветеранам дивизии автобус, на котором они отправляются в поездку по местам боев и воинских захоронений, возлагают венки, вспоминают погибших товарищей.

В 2004 году поездка получилась необычной. Практически она превратилась в своеобразный маршрут памяти и примирения над солдатскими могилами, хотя вначале предусматривалось возложение венков только к советским обелискам на Невском пяточке и Синявинских высотах. Неожиданно в автобусе возник спор об открытом в сентябре 2000 года немецком солдатском кладбище у деревни Сологубовка под Мгой. Некоторые участники поездки были настроены решительно враждебно по отношению к нему. Накалившаяся атмосфера несколько разрядилась на Синявинском мемориале, когда у обелиска погибшим советским воинам мы увидели припорошенный снегом одинокий венок. Когда его очистили, обнаружилась лента с надписью на немецком языке. Венок возложил генеральный консул Германии в Санкт-Петербурге еще в ноябре в национальный германский день тра-

ура. Поездка на Синявинский мемориал сотрудников немецкого Генконсульства в этот день стала уже традицией: таким образом, свыше десяти лет они чтят память своих противников по прошлой войне. Второй веночек они каждый год кладут к центральному кресту на своем воинском захоронении в Сологубовке.

Узнав об этом, мало кто уже возражал против предложения посмотреть, как же немцы ухаживают за могилами соотечественников. Ехать пришлось недолго. Уже издали, из деревни Сологубовка, на вершине холма можно было различить здание православной церкви, расположенной рядом с немецким захоронением.

Автобус остановился на площадке перед входом на кладбище, откуда открылась панорама этого сооружения. Несмотря на внушительные размеры (пять гектаров), выглядело оно достаточно просто и скромно. В центре выделялся большой черный крест. Такие же кресты, только значительно меньшего размера, группами по три в ряд были вкопаны на всем пространстве кладбища. Под ними находятся останки немецких солдат. Каждый из них увековечен на больших плитах в алфавитном порядке. Воинских званий здесь нет. Перед смертью все равны.

То, что каждый из погибших немцев был поименно назван, заставило многих ветеранов Мгинской дивизии задуматься и провести параллель с увековечением памяти наших солдат. Постепенно споры стали смолкать, хотя самые

рьяные противники все еще настаивали на своем, протестуя против подобного немецкого присутствия на ленинградской земле. И вдруг случилось то, что навсегда останется загадкой. На помощь, подобно высшему разуму, пришла природа. Внезапно один из ветеранов воскликнул: «Смотрите!» В центре кладбища поднималась стена густого тумана. В лучах январского солнца черный крест неожиданно стал менять свою окраску. Он начал как бы светиться изнутри и вдруг вспыхнул золотом. Некоторые из ветеранов стали креститься. Послышалось: «Это знак свыше. С нами говорят души погибших немцев, призывая простить их за все преступления».

Заместитель председателя совета ветеранов 124-й Мгинской дивизии Владимир Михайлович Спиндлер предложил: «Надо откликнуться. Давайте прикрепим нашу ленту к памятнику Скорбящей матери у входа на кладбище. Она оплакивает всех солдат Второй мировой войны. Мы таким образом почтим память и наших однополчан, погибших и пропавших без вести при освобождении этой Сологубовки».

Когда мы покидали немецкое кладбище, туман все еще нависал над немецкими могилами. Все так же золотился крест. У подножия немецкого памятника лежали цветы российских ветеранов войны. Фигуру Скорбящей матери опоясывала красная лента с надписью «Однополчанам, павшим в боях за Ленинград». Было чувство, что не удивительное природное явление, а высшая благодать снизошла на сологу-

бовскую землю и прекратила споры о немецком кладбище.

«Ромовые бабы» голодного Ленинграда

Когда в 2005 году я переводил книгу Хассо Стахова «Трагедия на Неве», то обратил внимание на следующую фразу: «Лишь сегодня стали доступными фотографии из советских архивов, показывающие нам производство пирожных и конфет на ленинградских кондитерских фабриках для партийной элиты в Смольном. Датированы они декабрем 1941 года, когда ежедневно от голода уже умирали сотни людей».

Признаюсь честно, не поверил я тогда немецкому писателю. Но в силу своей военной профессии, как бывший офицер информационно-аналитических служб, заинтересовался источником, которым воспользовался Стахов. Им оказалась немецкая книга «Blockade Leningrad 1941–1944», где и помещены эти фотографии. Авторы ссылались на то, что найденные ими снимки принадлежат Центральному государственному архиву кинематографии и фотодокументов в Санкт-Петербурге.

Раздобыв немецкую книгу, я посетил архив, где и показал помещенные в ней фотографии. Рядом положил на стол недавно изданный фотоальбом «Ленинград в годы Великой Отечественной войны» с пояснительным текстом доктора исторических наук Валентина Ковальчука. В нем на странице 78 была представлена как раз одна из немецких фотографий.

Подпись в отечественном фотоальбоме гласила: «12.12.1941 года 2-я кондитерская фабрика. Начальник цеха А. Н. Павлов, мастер-кондитер С. А. Краснобаев и подручная Е. Ф. Захарова за осмотром готовых батончиков».

Ковальчук был твердо уверен, что речь шла исключительно о блокадном хлебе.

Немецкий вариант подписи был аналогичным за исключением последних слов. Они звучали там, как «осмотр готовой продукции». То есть смысл у этой фразы был более широким.

С нетерпением ждал я, когда принесут оригинал фотографии, чтобы выяснить, были ли это кусочки блокадного хлеба или какие-то другие изделия, больше всего по виду похожие на плитки шоколада или пряники?

Когда работники архива положили данный снимок на стол, то стало ясно, что речь шла о кондитерских изделиях, которые на недостаточно качественных копиях действительно могли восприниматься как дольки блокадного хлеба. Выяснилось, что снимок сделан был 12 декабря 1941 года журналистом Александром Михайловым, известным фотокорреспондентом ТАСС, который фотографировал по официальному заказу, что немаловажно для дальнейшего понимания ситуации. В 2014 году эта фотография была выложена в Интернете и вызвала широкий отклик. Один из исследователей увеличил ее и пришел к выводу, что это пряники по типу тульских, которые изготавливались на этой фабрике. Я с этим согласился.

Не исключено, что Михайлов действительно получил официальный заказ с целью успокоить советских людей, проживающих на Большой земле. Нужно было показать совет-

скому народу, что в Ленинграде положение не такое уж бедственное. Поэтому взята была в качестве объекта одна из кондитерских фабрик, которая, как выяснилось, действительно продолжала в голодном городе изготавливать сладкую продукцию для избранных, по так называемому литературному пайку. Им пользовались члены-корреспонденты Академии наук, известные писатели, например Всеволод Вишневский, военные и партийные деятели высокого ранга, ответственные работники Смольного. Как оказалось, их было не так уж и мало, скорее всего, несколько десятков тысяч человек, если учесть, что на выработку литерной продукции работал по меньшей мере целый цех кондитерской фабрики. Два миллиона голодных ленинградцев о подобной сладкой продукции ничего не знали, а если и догадывались, то молчали из-за страха репрессий.

Что было написано под фотографией сразу же после ее изготовления, неизвестно. Архивная карточка на фотоснимок составлена была 3 октября 1974 года, и именно тогда была сделана запись об осмотре «готовых батон»». Видимо, составитель карточки из-за контрастности снимка не разглядел характера продукции, а обратил внимание исключительно на изможденные лица ее производителей. А может быть, и не захотел этого видеть. Символично, что фотокарточка получила подобную подпись именно в 1970-е годы. В это время на волне культа личности Брежнева и руководства КПСС повсеместно пропагандировалась мысль, что голод блока-

ды охватил всех без исключения, ну и конечно, партийный аппарат, как «неотъемлемую часть народа». Тогда активно внедрялся лозунг «Народ и партия едины». Ни у кого даже и мыслей не должно быть о том, что на кондитерской фабрике в блокадную зиму 1941 года бесперебойно продолжалось изготовление сладкой продукции.

В этом же архиве мне удалось обнаружить еще два интересных снимка.

Под первым из них, где крупным планом изображен человек на фоне разложенных по всему столу пирожных, имеется такая подпись:

«Лучший сменный мастер «энской» кондитерской фабрики» В. А. Абакумов. Коллектив под его руководством регулярно перевыполняет норму. На снимке: товарищ Абакумов проверяет качество выпечки «венских пирожных».

12.12.1941 г. Фото: А. Михайлов. ТАСС».

Другая фотография изображает процесс производства пирожных. Подпись гласит: «12.12.1941 года. Изготовление «ромовых баб» на 2-й кондитерской фабрике. А. Михайлов. ТАСС».

Как видно из этих подписей, здесь не делалось никакой тайны о характере продукции. Здесь даже назван номер этой «энской» кондитерской фабрики.

В 2012 году издательство «Новое литературное обозрение» в Москве выпустило двухтомный «Дневник» Любови Шапориной. В годы войны она, известный театральный критик, находилась в блокадном Ленинграде. В ее записи за 10 декабря 1941 года я обнаружил еще одно упоминание о «ромовых бабах». Вот что дословно было написано о посещении Шапориной Александринского театра: «В буфете продавались ромовые бабы по карточкам. За три бабы вырезали 200 гр. кондитерских изделий».

Признаюсь, что когда я все это узнал, то стало особенно горько. Было чувство, что меня обманули, притом самым бессовестным образом. Оказалось, что в дурмане лжи советского периода я существовал долгие годы, но еще обиднее было осознавать, что в нем и поныне проживают сотни тысяч моих земляков.

Возможно, именно поэтому я стал в различных аудиториях рассказывать людям историю этих фотографий. Меня интересовала их реакция на это. Большинство людей внача-

ле встречали эту информацию в штывы. Когда же я демонстрировал снимки, то наступало молчание, а потом люди начинали говорить, как будто их прорывало. Вот что, к примеру, поведала Майя Александровна Сергеева, заведующая библиотекой в Музее обороны и блокады Ленинграда. Оказалось, что такие случаи ей были известны по рассказам. Летом 1950 года, еще будучи девчонкой, она услышала подобную историю на даче под Ленинградом, когда увидела женщину, вывесившую на просушку 17 пальто. Сергеева спросила: «Чьи эти вещи?» Та ответила, что они принадлежат ей с блокадных пор. «Как так?» – удивилась девочка. Оказалось, что женщина работала на шоколадной фабрике в блокадном Ленинграде. Шоколад и конфеты, а также другие кондитерские изделия изготавливались, по ее словам, там непрерывно всю блокаду. Внутри фабрики можно было поглощать шоколадную продукцию. Но строжайше, под угрозой расстрела, запрещалось что-либо выносить наружу. Мать этой женщины в это время умирала от голода, и тогда она решила вынести пачку шоколада, спрятав ее под прическу. У нее были удивительно густые волосы, которые сохранились и в 50-годы. Самое сложное и страшное было пронести первую пачку ворованной продукции. Но благодаря этому мать выжила. Затем она стала делать это регулярно, продавая шоколадки или обменивая их на хлеб и другие вещи, пользовавшиеся особым спросом на «блошиных рынках». Постепенно ей стало хватать денег не только на покупку хлеба, но и на

приобретение дорогостоящих изделий. Наверное, 17 пальто – это далеко не все, что ей удалось выторговать в голодном Ленинграде, когда люди за бесценок продавали самое дорогое. Особенно это проявилось весной и летом 1942 года, когда население в организованном порядке стали отправлять в эвакуацию. Везде запестрели наклеенные на стенах объявления о срочной продаже вещей. Этим сразу же воспользовались спекулянты, за бесценок скупая драгоценности и старинную утварь.

Недавно я нашел новые подтверждения данной истории. В исследовании Р. Бидлак «Рабочие ленинградских заводов в первый год войны» сообщается, что из 713 работников кондитерской фабрики имени Крупской, трудившихся здесь в конце 1941 – начале 1942 года, никто не умер от голода. В то же время на заводе «Севкабель» умирало по пять человек в день. Профессор Сергей Яров приводит в книге «Блокадная этика» свидетельства ленинградцев о том, что «сыты были только те, кто работал на хлебных местах».

Петербургский историк Александр Кутузов обнаружил также интересные документы, касающиеся краж с кондитерских фабрик. По его данным, в декабре 1941 года зав. орготделом горкома партии Л. М. Антюфеев докладывал А. А. Жданову: «Особенно увеличились кражи на хлебозаводах и кондитерских фабриках. Например, извозчик Федоров (2-я кондитерская фабрика) пытался вынести несколько десятков пряников. В чемоданчике у агента снабжения Кузнецо-

вой обнаружено 40 пирожных (!). 12 пряников пытался вынести с этой же фабрики зам. начальника снабжения Щербацкий».

В книге А. Пантелеева «Живые памятники» я прочитал, что в самую лютую пору блокады в адрес обкома ленинградских профсоюзов пришел телеграфный запрос из Куйбышева, куда эвакуировалось советское правительство: «Сообщите результаты лыжного кросса и количество участников». После этого я окончательно признал правоту Хассо Стахова, написавшего в «Трагедии на Неве», что «для красных господ предназначался пряник, а для народа – кнут и смерть».

Вспоминая Ковальчука

Первое, что приходит на память, – это спокойный, изучающий взгляд мудрого человека. С первых же минут общения с доктором исторических наук Валентином Михайловичем Ковальчуком я почувствовал к нему симпатию. Так бывает, когда встречаешь человека, у которого ты многому можешь научиться, чувствуя его отзывчивость и готовность поделиться своими знаниями и опытом. Валентин Михайлович стал моим наставником в теме блокады Ленинграда.

Видимо, и я был ему интересен, так как наши встречи в его квартире стали регулярными и не проходили бесследно. В новых его книгах я находил темы, которые мы до этого обсуждали. В первую очередь его интересовали мои разработки, касавшиеся действий немецких войск под Ленинградом. Валентину Михайловичу, как человеку, ориентированному на все новое, что появлялось в печати, интересно было узнать, о чем писал бывший противник в своих мемуарах. Здесь я оказался ему полезен как переводчик с немецкого языка.

Первое мое посещение в 2005 году квартиры Валентина Михайловича на Васильевском острове запомнилось не столько содержанием нашей с ним беседы, а тем, что он достал и вручил мне комнатные тапочки. Они были абсолютно новые, еще в целлофане. Ковальчук вручил мне их со сло-

вами: «Они теперь ваши, будут стоять отдельно от других». Это был знак уважения питерского интеллигента к своему гостю. Так я это тогда воспринял, так считаю и по сей день.

Валентину Михайловичу было уже около 80 лет, у него имелись серьезные проблемы с ногами, передвигался он с помощью ходунков, тем не менее обходился без посторонней помощи. В этот день он предложил мне побеседовать с ним за ужином. Видимо, ему хотелось больше узнать о только что вышедшей моей книге «По обе стороны блокадного кольца». Пока готовилась форель, привезенная ему с Карельского перешейка, я просматривал одну из его статей. Валентин Михайлович в это время хозяйничал на кухне, решительно отвергая мои попытки помочь ему. Еще толком не зная собеседника как историка, я уже начал проникаться уважением к нему как к человеку. Я не знал, с чем связывать знаки его внимания ко мне. Уже позднее понял, что Валентин Михайлович так вел себя со всеми, кто был ему симпатичен. За это сердечное отношение к человеку его все любили и выделяли среди других историков. Это был его природный дар.

У Валентина Михайловича была оригинальная манера доставать новые книги по истории. В силу своей болезни он не мог посещать книжные магазины, но от этого его тяга к новым историческим материалам не ослабевала. Напротив, каждый раз, когда я приходил к нему, он тут же начинал спрашивать о книжных новинках. Так я стал ему в этом деле своеобразным подносчиком снарядов. При этом он специ-

ально давал денег с запасом и шутил, что таким образом стимулирует приобретение только что вышедшей книги. Сдачу он категорически отказывался брать. Думаю, что несколько десятков книг за годы нашего знакомства я точно ему доставил.

Несколько раз, будучи в гостях у Ковальчука, я был свидетелем телефонного разговора между ним и писателем Даниилом Граниным. Даже если Валентин Михайлович был очень занят, тем не менее он всегда брал трубку, и разговор начинался. Разговаривали они по-военному четко, сразу же озвучивая тему, и не отклонялись от нее. При этом чувствовалось по интонации, с какой искренней симпатией и уважением относились они друг к другу. Точно так же вел себя Гранин, когда ему звонил Ковальчук. Однажды я стал свидетелем этому. Я видел, как Даниил Александрович искренне обрадовался звонку питерского историка. У него даже голос потеплел, а с лица не сходила улыбка. Когда разговор закончился, Гранин посоветовал мне познакомиться с книгами Ковальчука и был обрадован, узнав о нашем творческом сотрудничестве.

Удивительно, но с Ковальчуком у нас никогда не было споров. Были дискуссии. Споры чаще всего порождают взаимные упреки, после чего собеседники нередко долго обижаются друг на друга. У нас такого не было. Валентин Михайлович всегда оставался на редкость деликатным человеком. Он обязательно выслушивал собеседника до конца, за-

тем аргументированно мог возразить, но никогда не делал этого в резкой форме.

Я не помню случая, чтобы он обиделся на мои замечания, касавшиеся оценки его произведений. А замечания или пожелания, естественно, возникали, как у каждого человека, занимающегося аналогичной исторической темой. Но сора из избы мы старались не выносить. Мы обсуждали материал, дискутировали о нем и, чаще всего, приходили к общему выводу. Так это было, например, при обсуждении его книги «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944», вышедшей в издательстве «Дмитрий Булавин» в 2005 году. Честно скажу, давно не получал такого удовлетворения от знакомства с хорошей и нужной книгой. Хотя вначале, когда взял ее в руки, она показалась мне перегруженной цифрами и написанной казенным языком.

Рад, что ошибся. На самом деле автор подарил широкой читательской аудитории глубокий и интересный труд по истории блокады Ленинграда. Эта книга по праву должна занять достойное место как в многочисленных школьных музеях боевой славы Санкт-Петербурга, так и украсить районные и вузовские библиотеки. Ею с полным основанием могут руководствоваться музейные работники и экскурсоводы, а также профессиональные исследователи блокадной эпопеи. Главное достоинство любой книги – ее читательская долговечность. Книга Ковальчука «900 дней», без сомнения, будет и впредь востребована.

Валентина Михайловича уже нет с нами, поговорить мы уже никогда не сможем, но каждый раз, беря в руки работы Ковальчука по истории блокады Ленинграда, радуюсь его автографам. На титульном листе своей книги «Магистрالی мужества» он написал мне: «Настоящему историку Юрию Лебедеву, который несправедливо не считает себя историком».

Спасибо Вам, Валентин Михайлович, за эту оценку!

«Врет, как очевидец»

До сих пор в российской военной историографии не утихает спор: был или не был в Германии трехдневный траур по немецкому лайнеру «Вильгельм Густлоф». Его потопила в январскую ночь 1945 года советская подводная лодка С-13 под командованием Александра Маринеско.

В книге Даниила Гранина «Вечера с Петром Великим» есть такая фраза: «Врет, как очевидец». И дальше писатель продолжает: «Ничего в этом нет удивительного. Каждый живет в своем времени. Очевидцы перевирают – заботятся о впечатлении, им надо удивить, ужаснуть, обрадовать».

С подобным всем нам приходится сталкиваться постоянно. Поэтому отношусь к таким рассказам избирательно. В большей степени верю им, когда высказывания подкрепляются документами. За годы, прошедшие после потопления 30 января 1945 года подводной лодкой С-13 немецкого корабля «Вильгельм Густлоф», написаны десятки книг, сотни статей, сняты фильмы, как документальные, так и художественные, причем не только в нашей стране, но и по всему миру. У непосвященного человека голова должна идти кругом, так как уже не знаешь, чему можно верить. Был или не был трехдневный траур в Германии по кораблю «Вильгельм Густлоф»? Объявлял ли Гитлер за это Александра Маринеско своим личным врагом или нет? Кого перевозил корабль:

беженцев или элиту немецкого подводного флота? Расстрелян ли был командир немецкого конвоя за свои упущения? Я уже не говорю о таком мифе, как трехдневное празднование потопления «Густлофа» экипажем С-13. Маринеско со своими моряками якобы отмечал победу трое суток подряд, опустившись на своей подводной лодке на дно у самого пирса.

Все это рассказывают «очевидцы», выплескивая информацию, как правило, в возбужденном состоянии и давая волю своей фантазии. Другое дело, когда работаешь с документами. Они тоже имеют различную степень достоверности, но обрабатывать их намного благодатнее. Их можно сравнивать, находя совпадения и несоответствия и выстраивая, таким образом, реальную картину.

Сторонники теории трехдневного траура ссылаются на высказывание одного из «очевидцев» Виктора Анисимова, который «лично держал в руках в начале февраля 1945 года газеты нацистской Германии «Фелькишер беобахтер» и «Шварцес кор». Там, по его словам, «черным по белому было написано о трехдневном трауре». Так случилось, что в 1990-х годах я несколько дней общался с Виктором Анисимовым в Берлине на международном семинаре по проблемам увековечения памяти погибших. Он представлял делегацию Калининградской области, где и проживал. Помню, тогда меня восхитил его прекрасный, отточенный немецкий язык, которым отличались специалисты военного времени.

В разговоре подтвердилось, что он действительно принадлежал к старой гвардии знатоков немецкого языка и литературы. Оказалось, что мы оба служили в одном и том же ведомстве, представляя интересы страны в области военной дипломатии. Он – в войну, я – значительно позже. Капитан 1 ранга Анисимов был уже в глубоком запасе, но живо вспоминал, как в годы войны служил в советском посольстве в Швеции помощником военного атташе. Тогда я еще ничего не слышал о «Вильгельме Густлофе», поэтому данной темы мы не затрагивали. Через несколько лет в книге Виктора Германова «Подвиг С-13» я вдруг наткнулся на упомянутое выше высказывание Анисимова. И пожалел, что тогда мы не поговорили о немецком лайнере. Думаю, что как коллега мог бы задать ему чисто профессиональные вопросы. Например: «А где же сами эти газеты? Как же вы, товарищ капитан 1 ранга, не послали их в центр в качестве подтверждения данной информации? Это же элементарная обязанность каждого военного дипломата. Не по этой ли причине ваш начальник Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в своей книге «Курсом побед» сквозь зубы обронил фразу: «О трауре я узнал спустя месяц после этого события». Получается, что он, имея своих представителей в ранге военно-морских дипломатов в каждой приморской стране, проглядел важную информацию. Причем добыть ее было элементарно просто, поскольку она имелась в открытых источниках. А может быть, мудрый Николай Герасимович все-таки хотел таким образом сказать:

«Подставили меня, вынудили такую ересь написать в моей книге. Знаю я прекрасно, что не было никакого траура, но в условиях нагнетания темы подвига я вынужден был подчиниться обстоятельствам».

Текст сообщения о мнимом трауре за полвека так никому и не удалось отыскать. Потому что его и не было. Это подтвердил крупнейший специалист по военно-морским вопросам Второй мировой войны, немецкий профессор Юрген Ровер. Вот как он ответил на мой вопрос: «Я запросил институт современной истории в Мюнхене относительно газет «Фелькишер беобахтер» и «Шварцес кор». Там имеется полная подборка данных газет за февраль 1945 года, но ни в одном из номеров не удалось найти информацию о гибели «Вильгельма Густлофа». Сообщение о катастрофе впервые прозвучало в шведских газетах, таких как «Дагенс Нюхетер», о чем мне поведал бывший директор шведского государственного архива».

Таким образом, вопрос о мнимом трауре был для меня закрыт. Но после того, как довелось прочитать книгу нобелевского лауреата Гюнтера Грасса «Траектория краба», посвященную гибели «Вильгельма Густлофа», открылась еще одна удивительная страничка во всей этой истории. Оказалось, что траур все же был, но не по кораблю с таким названием, а по человеку, который волею трагических обстоятельств увечен был после своей смерти в облике этого лайнера. В 1937 году был убит один из нацистских функционеров, ко-

того звали Вильгельм Густлоф. Вот по нему-то Гитлер и устроил роскошные поминки, ознаменовав их трехдневным трауром в Шверине с участием 35 тысяч нацистов.

В советское время, люди, допущенные к этой засекреченной информации, переиначили ее и изложили в той интерпретации, которая должна была еще больше героизировать «атаку века». Сюда же был добавлен миф о личном враге фюрера, которым стал Александр Маринеско, хотя в действительности Гитлер назвал таковым убийцу реального Густлофа еврейского студента Давида Франкфуртера.

Ну а затем рассыпался и последний громкий миф о якобы уничтоженных 3700 немецких подводниках, находившихся на лайнере, который служил им плавбазой. На самом деле в последний рейс на этом корабле вышел батальон курсантов-подводников из 819 человек. Погибло 405 моряков, все их имена выбиты сегодня в алфавитном порядке на двух досках у памятника погибшим немецким подводникам в местечке Мельтенорт у города Киль. Мне довелось там побывать и сфотографировать эти доски.

Плененная Варшава и непокоренный Ленинград

(по дневникам Гальдера)

Военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера, пожалуй, самый значимый мемуарный документ Второй мировой войны. Немецкий генерал-полковник с 1939 по 1942 год почти ежедневно подводил в нем итоги боевых действий на всех фронтах войны.

Есть в этом дневнике подробные описания того, как брались столицы и крупные города европейских государств. Читая эти материалы, я невольно сравнивал их с тем, как происходил штурм Варшавы в сентябре 1939 года и как наступали немецкие войска на Ленинград ранней осенью 1941 года.

В этих двух историях есть общее. И не только из-за того, что оба города являлись крупными промышленными и культурными центрами. Оказалось, что в обеих военных кампаниях громогласно прозвучали одни и те же фамилии немецких генералов.

Но имеется и существенное различие, а именно военная судьба этих двух городов. В одном случае для немцев все

завершилось успешным пленением Варшавы, во втором – немецкий план был скорректирован, а затем и вовсе потерпел неудачу благодаря сопротивлению защитников Ленинграда. Город выстоял.

6 сентября 1939 года Гальдером была сделана первая запись применительно к польской столице: «16.00. Варшава взята... Польское правительство сегодня покидает Варшаву». Здесь Гальдер привел текст дезинформации, переданной по радио. Ее целью было посеять панику среди польского населения. На самом деле передовые части 4-й танковой дивизии еще даже не вышли на ближайшие подступы к польской столице. На следующий день Гальдер развил свою мысль: «Радиоприемники не отбирать». Сделано это было для того, чтобы усилить пропагандистский эффект дезинформации. Многие поляки понимали немецкий язык, особенно в западных областях, соседствующих с Германией.

8 сентября Гальдер записал: «Танковая дивизия прорвалась к Варшаве». Речь шла о соединении генерала Рейнгардта, того самого, который спустя два года под Ленинградом возглавлял 41-й танковый корпус. 4-я танковая дивизия ворвалась в южную часть Варшавы, но затем завязла в уличных боях.

Попытки штурма продолжались и в последующие два дня. 10 сентября у Гальдера в дневнике была зафиксирована мысль, которая через два года пересеклась с событиями под Ленинградом: «Отделение военной политики (ОКВ) от

вопросов руководства войсками (ОКХ) никоим образом себя не оправдывает. ОКХ должно точно знать политическую линию и ее возможные колебания. Иначе немыслима никакая ответственность за планомерные действия с нашей стороны. Недопустимо, чтобы политическое руководство дергало нас то туда, то сюда. В этом случае армия потеряет доверие к своему руководству». Под Ленинградом в конце лета 1941 года так и случилось. Командование группы войск «Север» не могло взять в толк, почему Гитлер решил отказаться от штурма города, подвергнув его голодной блокаде. Для фельдмаршала Лееба и подчиненных ему войск единственной целью являлся захват города.

12 сентября немецкое командование отказалось брать Варшаву с ходу и заменило 4-ю танковую дивизию 31-й пехотной дивизией для осады. То же самое произошло в 1941 году под Ленинградом. Рейнгардт со своим 41-м танковым корпусом ушел к Москве, его место занял 50-й армейский корпус пехотного генерала Линдемманна.

15 сентября немцы предложили польским властям в 12-часовой срок сдать город. Применительно к Ленинграду этого не случилось. Политическое руководство нацистской Германии понимало бесполезность переговоров с советскими властями о сдаче Ленинграда. Ни на какой компромисс советское руководство не шло.

В этот же день представитель ставки Гитлера генерал Йодль поинтересовался мнением Гальдера относительно це-

лесообразности штурма Варшавы. Начальник Генерального штаба сухопутных войск отклонил эту мысль и прямо записал в дневнике: «Уморить голодом! Нам некуда торопиться, так как войска, стоящие перед Варшавой, в другом месте не потребуются». Гальдер высказался против штурма Варшавы, поскольку это было связано с излишними потерями. То же самое им было предложено сделать под Ленинградом. Но, в отличие от событий 1939 года, завершившихся по приказанию Гитлера штурмом Варшавы, Гальдеру удалось уговорить своего фюрера отказаться от захвата Ленинграда, предложив в качестве альтернативы блокаду. Было и еще одно отличие: в сентябре 1941 года немецкие войска, изъятые из-под Ленинграда, потребовались под Москвой.

16 сентября между Варшавой и Берлином продолжались переговоры. К полякам был направлен немецкий парламентар, но он не был принят, что означало для руководства Германии отказ польских властей от сдачи города.

В ответ на это немецкие войска, окружившие Варшаву, хотели приступить к штурму, но ставка Гитлера взяла паузу. Вначале она намеревалась дать возможность гражданскому населению Варшавы покинуть город. Однако, после того как советские войска 17 сентября вошли с востока в Польшу и стали приближаться к Варшаве, ОКВ решило ускорить капитуляцию польской столицы, чтобы избежать возможных переговоров о ней с советским руководством. Оно не хотело делить Варшаву ни с кем.

19 сентября был отдан приказ о генеральном штурме Варшавы. Было решено вести артиллерийский огонь на истощение и воздушными налетами разбить водопровод, артиллерию, а также подавить зенитную артиллерию. К тому времени немцы полностью замкнули кольцо окружения вокруг польской столицы. С северо-запада Варшаву блокировал 11-й корпус генерал-лейтенанта Эмиля Лееба. Он доводился младшим братом генералфельдмаршалу Вильгельму Риттеру фон Леебу, который в сентябре 1941 года возглавлял группу армий «Север», наступавшую на Ленинград.

Результаты начавшегося штурма Гальдеру доложил генерал Манштейн. Его фамилия также отражена в истории боев за Ленинград. Там он командовал 56-м танковым корпусом. Он сообщил, что из Варшавы на запад к немецким позициям движется большой поток беженцев. Гальдер тут же отреагировал: «Отдан приказ – ночью стрелять. Если выпустить беженцев, это помешает голодной блокаде. Кроме того, в этом случае мы дадим польскому гарнизону возможность вести бои в самом городе, используя все средства. Перспективы такой борьбы трудно предвидеть».

В 1949 году Гальдер в статье «Гитлер как полководец» разъяснил эту мысль: «После первого успеха в боевых действиях требовалось принять стратегическое решение относительно Варшавы. Следовало ли принудить окруженный город к сдаче измором или овладеть им в результате штурма со всеми его разрушительными последствиями? Ответствен-

ный за ведение операций главнокомандующий сухопутными войсками требовал первого решения, обосновывая это необходимостью избежать ненужных жертв и перебросить основные силы тяжелой артиллерии на усиление обороны угрожаемых участков на Западе. Гитлер решил подавить сопротивление силой. Как потом выяснилось, он руководствовался политическими соображениями».

А теперь вспомним, как было в Ленинграде. Никакие беженцы навстречу немцам не шли. Во-первых, в городе были патриотические настроения, во-вторых, власти категорически отвергали мысли о бегстве, несанкционированный выход из города был исключен. Академик Лихачев в своих воспоминаниях называет сложившуюся ситуацию двойной блокадой: внешней, поскольку немцы не пускали к себе, и внутренней, так как советские власти тоже препятствовали выходу. По существу, это благоприятствовало принятию немцами решения о блокировании Ленинграда. Расчет ими был сделан на голод как дополнительное оружие. Чем больше людей оставалось бы в городе, тем меньше возможностей было бы их прокормить.

25 сентября в налете на Варшаву участвовало 1150 самолетов люфтваффе. Было сброшено 5818 тонн бомб. Это окончательно подавило волю защитников Варшавы к сопротивлению.

26 сентября к немцам прибыл парламентар из Варшавы, попросивший 24 часа перемирия для сохранения граждан-

ского населения. Оно было отклонено, огонь даже усилился. Немцы торопились, так как к Варшаве приближались с востока советские войска.

Немецкое командование изыскивало различные способы для ускорения капитуляции польской столицы. Утром того же дня были сброшены листовки. В них говорилось, что солдаты в случае добровольной сдачи будут отпущены домой, а офицерам гарантируется сохранение холодного оружия. С учетом традиционного польского гонора это также возымело действие. Применительно к Ленинграду было несколько по-другому. В сентябре 1941 года немцы тоже сбрасывали листовки на Ленинград. Но, призывая к сдаче, никаких благ не обещали. Просто угрожали уничтожением.

27 сентября Варшава пала.

28 сентября были подписаны условия капитуляции. Несмотря на протесты польской стороны, в тексте документа употребили термин *Festung Warschau* («Крепость Варшава»), что должно было оправдать бомбардировки и разрушение города.

Для 90 тысяч вооруженных поляков самым важным пунктом являлось признание за ними права почетной капитуляции. Офицеры сохраняли сабли, рядовые чины и сержанты после ряда формальностей отпускались домой.

Оценивая результаты боев за Варшаву, Гальдер смотрел вперед. 10 октября он высказал мысли относительно последующей блокады городов на Западе: «Для окружения лучше

всего подходят войска второй или третьей категории». Имелось в виду, что наиболее боеспособные войска не следовало оставлять в качестве охранников блокированных городов. Так Гальдер думал поступить и под Ленинградом во время окружения города. Однако ожесточенное сопротивление советских войск, отчаянные попытки прорвать блокаду привели к тому, что под Ленинградом надолго застряли первоклассные дивизии вермахта.

Через два года после захвата Варшавы Гальдер намеревался под Ленинградом использовать варшавский опыт боев. Он так зафиксировал это в своем дневнике: «Не использовать танковые соединения против городов. Наибольший эффект от них – в открытом поле при внезапном и массированном использовании». Это стало еще одним аргументом Гальдера, чтобы отказаться от применения танков в случае уличных боев в Ленинграде.

На совещании по итогам польской кампании Гитлер дал полякам негативную оценку: «Низкий жизненный уровень должен быть сохранен. Дешевые рабы». Это высказывание возражений у Гальдера не вызвало. Такую же судьбу он предрекал ленинградцам после капитуляции города. Однако история благодаря мужеству защитников Ленинграда распорядилась по-другому.

Фон Лееб и Ленинград

В 2003 году судьба свела меня с человеком, отец которого в войну командовал немецкой группой армий «Север» и блокировал Ленинград. В Доме дружбы на Фонтанке встретились члены петербургского центра «Примирение» и Народного союза Германии по уходу за воинскими захоронениями. Один из немцев подошел ко мне после того, как я закончил переводить выступление писателя Даниила Гранина.

Немец представился:

– Меня зовут Герман Лееб.

Скорее в шутку, я сказал ему в ответ:

– Эта фамилия известна многим ленинградцам-блокадникам. Фельдмаршал Риттер фон Лееб командовал в начальный период войны немецкой группой армий «Север», которая безуспешно пыталась захватить Ленинград. Но это явное совпадение.

Собеседник неожиданно энергично отреагировал:

– Нет, я его сын, единственный из трех, оставшихся в живых. Когда я перевел это Даниилу Александровичу Гранину, то писатель тут же отреагировал:

– А не осталось ли писем вашего отца?

Выяснилось, что не только письма имеются в семейном архиве, но в 1976 году был издан дневник фон Лееба. Факт, малоизвестный в то время кругу наших военных историков.

Думается, что вряд ли кто этот дневник вообще видел, а тем более читал.

Мне захотелось прочитать этот дневник, о чем я и сообщил младшему Леебу. Вскоре он прислал мне этот документ. Удалось не только перевести дневниковые записи фельдмаршала, касающиеся начального периода блокады Ленинграда, но также подготовить и издать книгу «По обе стороны блокадного кольца». В ней впервые были представлены отрывки из дневниковых записей фон Лееба. Они вызвали интерес у историков блокады. После этого появилось несколько научных работ на тему Ленинградской блокады, где имелись ссылки на переведенные отрывки из дневника немецкого фельдмаршала. Позднее в книге «Ленинградский “Блицкриг”» перевод записей Лееба, касающихся войны против Советского Союза, был приведен мною в полном объеме.

В 2007 году история с фон Леебом и его сыном получила неожиданное продолжение. В сентябре Даниил Гранин организовал в Санкт-Петербурге конференцию на тему «Блокада Ленинграда: спорное и бесспорное», где озадачил присутствовавших необычным заявлением:

– Непонятно, почему немцы не вошли в город осенью 1941 года, когда, казалось бы, все было готово для этого. Во второй декаде сентября город был совершенно открыт для вторжения немцев. 17 сентября, будучи солдатом-ополченцем, я был послан в город, прошел от передовой у Шушар рядом с Детским Селом почти до центра Ленинграда, не встре-

чая никаких кордонов и патрулей. Проснувшись на следующий день, был в полной уверенности, что немцы уже вошли в город.

Вопрос Гранина я переадресовал сыну Лееба, с которым к тому времени оживленно переписывался. Вскоре получил от него письмо, где он рассказал, как, по его мнению, развивались события под Ленинградом осенью 1941 года.

Вот что он, в частности, написал: «8 июля 1941 года Гитлер выразил намерение сровнять Москву и Ленинград с землей. Его просчет заключался в том, что для этого попросту не хватило бы технических средств. Ленинград мой отец, фельдмаршал Риттер фон Лееб, не мог уничтожить артиллерийскими обстрелами или бомбардировками, поскольку у него для этого не хватало орудий, а авиация ему не подчинялась. У него был лишь выбор между захватом города и его окружением.

Спустя неделю группа армий «Север» получила уведомление о том, что Ленинград не следует занимать, его необходимо вначале окружить.

Еще в Первую мировую войну германским генеральным штабом была подготовлена докладная записка на предмет военных действий в отношении Петербурга. Гитлер, прочитавший большое количество военной литературы о Первой мировой войне, был знаком с этой докладной запиской. Из нее он сделал для себя вывод, что «плотное окружение» является самым оптимальным решением судьбы этого города.

Данный факт приводит Бернгард фон Лосберг в своей книге «В штабе верховного командования вермахта. Записки офицера генерального штаба» (стр. 133). Издана книга в Германии в 1950 году.

В пункте 5 «Директивы фюрера» от 21 августа 1941 года Гитлер распорядился добиваться именно плотного окружения Ленинграда. Тем самым окончательно было принято решение об осаде города.

На совещании 5 сентября 1941 года Гитлер заявил, что Ленинград после захвата Шлиссельбурга должен стать «второстепенным театром военных действий».

13 сентября немецкие войска заняли Красногвардейск. После этого группе армий «Север» было приказано пробиваться от внешней полосы окружения к так называемому ближнему рубежу окружения: Ивановское – вниз по течению Невы – Александровская – перекресток дорог восточнее Урицка – Урицк.

В эти дни один из немецких танков прорвался к предместью Ленинграда. По радиации он доложил наверх: «Мы стоим на окраине города и можем без помех войти в него». Когда последовал приказ повернуть назад, то танкисты не захотели этому верить. Командир танковой роты вынужден был повторить экипажу танка приказ на отход и добавил: «Это распоряжение исходит от самых высоких инстанций». Генерал Курт Бреннеке, начальник штаба группы армий «Север» и подчиненный моего отца, подробно описал этот эпизод,

когда в 1990-х годах побывал в моем доме в Хоеншвангау. Имеется фотография с датой 15 сентября, на которой изображены два немецких солдата, стоящие перед выкрашенным в ярко-красный цвет трамваем на шоссе под Урицком в 10 километрах от центра Ленинграда. Русский вагоновожатый явно не рассчитывал на эту встречу с немцами.

Фон Лосберг в своей книге «В штабе верховного командования вермахта» описывает эпизод, имевший место 16 сентября под Ленинградом. Эту же сцену, но уже в красках расписывает Хассо Стахов в книге «Трагедия на Неве»: «Мы находимся на Дудергофских высотах на местности, оборудованной еще с царских времен для проведения маневров. Вдали проблескивает шпиль Адмиралтейства. У стереотрубы столпились генералы, среди них: Гепнер – командующий 4-й танковой группой и Рейнгардт – командир 41-го моторизованного корпуса. Рейнгардт обращается к Гепнеру: «Дайте мне 8-ю танковую дивизию, и завтра к вечеру я доложу вам о взятии города!» В ответ Гепнер бурчит: «Вы же ведь знаете, он этого не хочет!» Под этим «он» подразумевается Гитлер».

Был период, когда Гитлер планировал отвести целиком 3-ю танковую группу от Москвы, направив ее против Ленинграда. Но теперь, поскольку кольцо вокруг Ленинграда сомкнулось, Гитлер посчитал, что на этом участке фронта танки больше уже не потребуются. Поэтому он распорядился вывести 4-ю танковую группу из состава группы армий «Север», направив ее на Москву. Адьютант фельдмаршала фон

Лееба подполковник фон Грисенбек записал позднее в своем дневнике: «Захвату города, который охранялся лишь слабыми силами, препятствовал приказ свыше, согласно которому были отведены семь дивизий с целью их дальнейшей переброски на Москву. Предостережение Лееба, высказанное им в личной беседе с Гитлером, что таким образом не будут взяты ни Москва, ни Санкт-Петербург, подтвердилось».

Находясь в плену у американцев, мой отец записал в дневнике 30 августа 1945 года: «После обеда прогулка с русским полковником по фамилии Риль. В войну он был начальником оперативного отдела в штабе 22-й армии, стоявшей под Полоцком. Он говорит, что ни один из русских не понимает, почему немцам не удалось взять Ленинград. Ведь его почти нечем было оборонять. Я мог лишь ответить, что мне это точно так же было непонятно».

Несмотря на использование многочисленных источников и достаточную убедительность рассуждений сына фельдмаршала Лееба, Гранин не удовлетворился полностью этим ответом. Как русский человек, он не мог понять, почему немецкому военачальнику нельзя было воспользоваться уникальной возможностью, пусть и в нарушение приказа, для выполнения судьбоносной задачи.

Как бы продолжая дискуссию с младшим Леебом, Гранин привел в своей книге «Вечера с Петром Великим» эпизод, похожий на ситуацию с осажденным Ленинградом. Во времена русско-шведской войны в октябре 1702 года русские

войска осадили шведскую крепость Нотебург (сегодня это крепость Орешек под Шлиссельбургом. – Ю. Л.). Петр уже совсем отчаялся, видя безуспешные атаки русских войск, и отдал приказ отступить. «И тут, – пишет Гранин, – произошло небывалое: подполковник Семеновского полка Михаил Голицын ослушался:

– Передайте царю, что я уже теперь не его, а Божий.

И Петр не осердился на ослушника, Петр возликовал, появился боевой дух, о коем он мечтал, когда офицер делает то, что нужно делать не для царя, а для победы».

Вспомним сцену, описанную Хассо Стаховым. Дух немецких войск тоже был высоким. Два генерала – Гепнер и Рейнгардт – жаждали первыми ворваться в город, но оба не посмели ослушаться приказа Гитлера. Скорее всего, здесь свою роль сыграл национальный характер. У немцев в крови испокон веков неукоснительной прерогативой была незыблемость приказа, даже если при этом имелись самые благоприятные предпосылки обойти его.

Наверное, есть резон прислушаться к доводам сына фон Лееба о том, что Ленинград можно было бы взять, и препятствовал этому лишь запрет на штурм города. Но можно и возразить ему, как это сделал петербургский писатель и историк Яков Гордин. Он считает, что не надо преувеличивать беззащитность города. Неизбежно бы произошли жестокие уличные бои, в которых танки, как показал опыт, играют не главную роль. Город был густо заминирован. Кроме

того, взяв город, немцы должны были или кормить полтора миллиона его жителей, или быть готовыми к массовым эпидемиям.

В подобных случаях споры разрешает сама история, которая не терпит сослагательного наклонения. Главное в ней то, что Ленинград устоял, не сдался врагу.

Блокада Ленинграда в документах Фрайбургского архива

Если кто не слышал об архиве вермахта, то охотно могу о нем рассказать. Размещается он в старинном немецком городке Фрайбург на юго-западе Германии. Город удивительно привлекательный и почитаемый среди немцев. Говорю это как очевидец, хотя провел там всего четыре часа. Именно столько времени, к сожалению, было у меня для первого и пока единственного знакомства с местным архивом.

Почему именно там находятся документы нацистской Германии? Видимо, потому что с давних времен это место являлось основным хранилищем немецких военных источников. Официально это учреждение называется Bundes Archiv Militär Archiv, сокращенно ВАМА. Переводится как «Федеральный архив, военный архив». В обиходе немцы именуют его «Архивом вермахта».

Главное для меня во время той краткой поездки было понять, насколько он информативен применительно к блокаде Ленинграда и боям за наш город. Этой темой я занимаюсь свыше двадцати лет. Посетив архив, я убедился, что работы для историка, владеющего немецким военным языком, там непочатый край.

Оказалось, что в архиве, помимо подробнейших сведений о действиях немецких войск, имеются также и некогда

секретные разведывательные данные, касающиеся допросов советских военнопленных, в том числе на уровне командиров соединений и выше. Это подтверждают многочисленные истории немецких дивизий и воспоминания ветеранов, где приводятся сведения архивного характера, полученные из Фрайбурга.

Большое количество документов исследовал, к примеру, во Фрайбургском архиве вермахта немецкий писатель Хас-со Стахов, подбирая материал для своей книги «Трагедия на Неве». Чтобы усилить достоверность изложенного в книге материала, Стахов поместил в приложении названия 96 документов, большая часть из которых находится в архиве вермахта. Перечень начинается с документов Верховного командования вермахта и заканчивается документами дивизионного звена.

Вот наиболее интересные материалы из архива вермахта, которые использовал в своей книге Стахов.

Допрос полковника Старунина

Среди документов немецкой 254-й пехотной дивизии Хассо Стахов выделил «Отчеты начальника разведотделения 9.3.42 г. и 11.5.42 г., касающиеся допроса пленного командира 191-й стрелковой дивизии полковника Старунина». Документы хранятся во Фрайбурге под номерами: ВАМА RH26-254/8-11, 16-20. Стахов проанализировал эти данные и поместил в своей книге редкое по эмоциональности описание.

Вот что говорится в этом отчете: «Полковник захвачен в плен 7 марта 1942 года разведдозором на одной из лесных прогалин. Перед этим были взяты три его офицера, политрук и шесть солдат. Один из пленных русских указал разведдозору место, где скрывался командир. При взятии его в плен возникла перестрелка, в ходе которой полковник получил легкое ранение. Разведдозор получил приказ доставить полковника, по возможности, живым. Остальные русские были расстреляны».

Далее Стахов сообщает, что командиром, о котором идет речь, является полковник Старунин. Он командует 191-й стрелковой дивизией, ему 43 года, он сын крестьянина. Во время советско-польской войны в 1920 году он от простого солдата дослужился до командира роты, а затем стал штабным офицером. В 311-й стрелковой дивизии, куда он затем

был переведен, его назначили начальником разведывательного отделения. В августе 1941 года дивизия потерпела тяжелое поражение под Чудово. В самый последний момент Старунину удалось избежать окружения. В тот же день он был арестован и обвинен в сдаче Чудово. Спустя два месяца двери камеры внезапно для него открылись. Ему сказали, чтобы он убирался на все четыре стороны. Едва он смирился со своей участью отверженного, как был назначен начальником штаба 191-й стрелковой дивизии. Эта дивизия известна. Она принимала участие в боях за Тихвин и нанесла удар во фланг немецкой 21-й пехотной дивизии, когда та с боями отходила от Волховстроя на юг. В феврале 1942 года Старунин становится командиром этой дивизии. Все это напоминает судьбу таких генералов, как Малинин, Мерецков и Рокоссовский, которые считались с 1938 года заговорщиками, а затем вдруг были поставлены во главе корпусов и армий.

Такие потрясения можно стойко сносить, лишь когда душа очерствела и фанатизма в достатке. Старунин обладает этими качествами. Ему поставлена задача пробиваться к передовым частям на севере участка прорыва, обходя дивизии, застрявшие в ожесточенных боях на просеке «Эрика». Там он получает новый приказ: выдвинуться к шоссе Ленинград – Новгород, чтобы перерезать пути снабжения немцев в районе Померанье неподалеку от Любани. При этом не имеет значения, как далеко он оторвется от своих частей снабжения и насколько будут открыты его фланги.

Старунина терзают сомнения, но он отбрасывает их прочь. Он утешает себя, что снабжение наладится и к тому же на подходе должно быть подкрепление. 191-я стрелковая дивизия продолжает движение и выходит, не подозревая ни о чем плохом, к узкоколейке, называемой в просторечье «Восток – Запад». На старунинских картах она оказалась не обозначена. Немцы, спеша изо всех сил, превратили железнодорожную насыпь в огневое заграждение. Вскоре дивизия ввязывается в ожесточенные лесные бои. Заканчиваются продовольственные и другие запасы, на флангах появляются немцы. Слабые попытки идущих следом частей установить контакт со Старуниным ни к чему не приводят. Его узлы связи уничтожаются огнем артиллерии. Посыльным не удается пробиться через немецкий заслон. Полки Старунина окончательно застревают в 15 километрах от шоссе перед указанной им целью – деревней Померанье. Там они попадают в окружение. У них заканчиваются боеприпасы и продовольствие.

Проходит не так уж много времени, и Старунин убеждается, что ему не удастся вырваться из окружения с остатками своей дивизии. В северном направлении разорвать кольцо невозможно. Он пытается прорваться на запад, но и это не приводит к успеху. Тогда он приказывает оставшимся частям пробиваться мелкими группами на юг. После поражения под Померанье его в случае благополучного выхода из окружения ждет смертная казнь. Не поэтому ли он остался

в котле? Старунин отрицает это. Он легко мог бы пробиться к своим, полагает Старунин, так как часами изучал систему и порядок действий немецких сторожевых постов. Нет, он просто не хотел бросать в беде своего дивизионного комиссара. Намерен ли он это использовать как смягчающее обстоятельство? Старунин пожимает плечами. Когда комиссар умер, то все шансы на благополучный исход были уже потеряны.

Когда немцы обнаружили Старунина, то он стал отстреливаться, но отказало оружие. «Мне нужно было бы погибнуть в бою», – говорит он. Старунин понимает, что его семья будет уничтожена, если НКВД узнает о его сдаче в плен. Семья – это единственное его счастье. Остается ли Старунин по-прежнему убежденным коммунистом после всего того, что он узнал о советском режиме? Он отвечает утвердительно. Немецкие офицеры тоже ведь имеют свои идеалы. И он без тени страха спрашивает офицера, который его допрашивает, почему тот сам является национал-социалистом.

На этом немецкий писатель заканчивает свой рассказ о Старунине. Мне же стала интересна дальнейшая судьба командира 191-й дивизии, и я разослал записи Хассо Стахова по Интернету. Неожиданно быстро получил письмо от одного молодого петербургского историка. «Полковник Старунин по-прежнему считается пропавшим без вести в результате неудачной Померанской операции, – написал он мне. – Из той операции мало кто вернулся, а штаб дивизии сги-

нул бесследно. Наличие такого документа в немецком архиве позволяет вычеркнуть из списка пропавших без вести еще одного командира Красной армии, хотя я уверен, что сама запись допроса содержит массу фамилий офицеров Красной армии с разъяснением их судеб. Сколько советских солдат и офицеров можно было бы вычеркнуть из списков пропавших без вести благодаря таким вот документам, если бы этим занялось Министерство обороны России».

Какой «немецкий порядок» планировался в оккупированном Ленинграде?

Согласно документам, обнаруженным Хассо Стаховым в «Архиве вермахта», еще в июле 1941 года командование 18-й армии разработало планы по захвату Ленинграда и решению вопросов, связанных с контролем, эксплуатацией, управлением, работой заводов и других учреждений, а также со снабжением.

Было продумано:

- кто будет распоряжаться его городским имуществом;
- кто займется производственными мощностями;
- какие войска необходимы для патрульной службы и организации безопасности;
- что делать с пленными и заложниками;
- где должны быть созданы лагеря для пленных.

Как и положено в таких случаях, все было спланировано до мелочей. Это касалось:

- сдачи оружия и саперного имущества;

- автомобилей и лошадей;
- архивов;
- библиотек;
- произведений искусства;
- сырья;
- благородных металлов;
- больниц, электростанций и газовых заводов.

Учтено было буквально все, включая:

- количество фуража при сдаче скота;
- количество бензина для заполнения емкостей конфискованных автомобилей.

Проработаны были вопросы:

- о системе разделения города на районы;
- о пропускной системе при переходе из одного района в другой;
- о постоянном контроле над дорогами внутри города.

Решены были вопросы о том:

- кто станет заботиться о подаче тока в случае выхода из строя центральной городской электростанции;
- какие телефонные и телеграфные станции и с каким персоналом должны будут продолжать свою работу;
- кто будет заботиться о снегоуборочной и дорожно-строительной технике;
- кто будет отвечать за разминирование взрывоопасных предметов и их ликвидацию.

Когда я переводил эту страницу из «Трагедии на Неве»,

то возникло сильное желание ознакомиться с архивными немецкими документами применительно к каждому из указанных пунктов. Особенно зацепила фраза относительно привлечения снегоуборочной техники. Речь ведь шла не о лопатах и скребках и других подручных средствах, а о машинах для уборки снега. Получалась так, что немцы еще летом 1941 года продумывали, откуда будут завозить эту технику в захваченный ими Ленинград. Следуя логике, эта техника могла завозиться из Баварии, где в горных районах снега в избытке, или из Австрии. А может быть, из оккупированной Норвегии? Но тут же возник другой вопрос: а как же это сочеталось с желанием Гитлера сравнить город с землей? Вновь подумалось, что только личное знакомство с такого рода документами, а не простая ссылка на них, может внести полную ясность в данный вопрос.

Пропуск в Ленинград.

Среди документов Фрайбургского архива, помещенных в книге «Трагедия на Неве», имеется один поистине уникальный. Это проект пропуска для передвижения по Ленинграду его жителей в уже оккупированном немцами городе.

Вот как он выглядит в переводе на русский язык:

Инстанция, выдавшая документ

Петербург, ... 1941

Пропуск №

Предъявителю (мужчина/женщина) .....
(профессия) (Имя) (Фамилия)

Гражданство:.....

Национальность:.....

Место проживания..... линия.....улица..... квартира

Родился в ..... дата.....

Рост:..... Особые приметы.....

Волосы:.....

Глаза:.....

Телосложение:.....

Форма лица:.....

Владелец этого пропуска имеет право на свободное передвижение внутри
городских районов Петербурга

Фамилия лица, выдавшего документ

Воинское звание

Служебная печать

Месяца там нет, только год. Но какой – 1941! По существу, это еще один ответ на вопрос, что собиралось делать командование группы армий «Север» с Ленинградом после его занятия осенью 1941 года. Капитуляция города, но никак не разрушение, была целью немецкой армии. Зачем им нужно было его разрушать, ведь личному составу предстояло в нем жить. Зачем рубить сук, на котором придется сидеть, да тем более еще в преддверии зимы?

Профессор Хюртер высоко оценивает архив вермахта

С документами Фрайбургского архива вермахта постоянно работает немецкий военный историк – профессор Йоханнес Хюртер из Мюнхена. На них он ссылается в своей монографии «Вермахт под Ленинградом. Боевые действия и оккупационная политика 18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов». Издана она в журнале «Ежеквартальные тетради по современной истории» Ольденбургского издательства научной литературы в Мюнхене в 2001 году. Исследуя вопрос о планах командования 18-й армии, входившей в состав группы армий «Север», Хюртер отмечает, что они в отношении Ленинграда в случае его захвата оставались неизменными и концентрировались прежде всего на важнейших вопросах управления, обеспечения безопасности и снабжения.

«Вопросы управления готовились в тесном согласовании с начальником тыла группы армий «Север», который уже выделил для Ленинграда полевые и местные комендатуры и откомандировал в 18-ю армию с этой целью, как большого специалиста, полковника Лизера, бывшего сотрудника Восточного отдела». Такого рода данные Хюртер обнаружил в журнале боевых действий 18-й армии, где были представлены донесения отдела обер-квартирмейстера за 13 и 16.9.1941 г. Документ хранится во Фрайбурге под идентифи-

кационным номером ВАМА, РН 20-18/1203. Заслуживает внимание уже само упоминание о журнале боевых действий 18-й армии. В советской и последующей российской военной историографии мне не доводилось сталкиваться с содержанием документов подобного рода. Ниже уровня дневников начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Франца Гальдера наша историография никогда не опускалась. А ведь чаще всего информация низовых звеньев, отслеженная и проанализированная, дает самые интересные результаты и позволяет делать выводы, привязанные напрямую к реальным фактам.

Хюртеру удалось отыскать в архивах вермахта документ, согласно которому «для захвата Ленинграда в сентябре 1941 года была определена конкретная ударная группировка в составе 50-го армейского корпуса и полицейской дивизии СС». За нею в город должны были последовать другие части полиции и службы безопасности СД. Следующий документ, обнаруженный Хюртером, оказался еще более интересным, поскольку в нем была названа кандидатура будущего коменданта Ленинграда. На эту должность планировался командир 50-го армейского корпуса генерал Линдемманн. Хюртер при этом вновь ссылается на телефонный разговор командующего группой армий «Север» Лееба с командующим 18-й армией Кюхлером.

Как же должна была действовать эта ударная группировка? Из журнала боевых действий 18-й армии за 13 сентяб-

ря 1941 года следует, что начальник штаба армии полковник Хассе намеревался «в первую очередь самыми боеспособными силами проникнуть в город через максимально большое количество улиц. Войсковые подразделения должны были сразу же задействоваться для поддержки полицейских сил с целью проведения систематических зачисток и лишь после этого постепенно отводиться из города». По существу была предложена типовая схема захвата крупного населенного пункта, которая немцами с успехом была отработана при взятии Варшавы, Киева, Смоленска и других больших городов.

Уверенное в падении Ленинграда командование 18-й армии 15 сентября подготовило «Инструкцию по обращению с населением города». В ней предписывалось направлять в пункты сбора военнопленных и концентрационные лагеря всех красноармейцев, милиционеров, коммунистов, комиссаров, евреев, а также подозрительных лиц. Планировалось зарегистрировать мужское население города, «так как определенно следовало считаться со всевозможными террористическими актами врага». Каждое лицо мужского пола должно было иметь при себе отличительный знак для контроля за его передвижениями. Все эти данные имеются во Фрайбургском архиве вермахта, зафиксированы они в документе под названием «Информация о поездке командующего 18-й армии генерал-полковника Кюхлера в 50-й армейский корпус 17.9.1941 г.».

Согласимся, что наличие таких источников, исследованных Хассо Стаховым и Йоханнесом Хюртером, доселе неизвестных российским историкам блокады, может вызвать плодотворную дискуссию и, несомненно, пополнит коллекцию ценных материалов по этой теме.

История «Петергофского десанта»

Петербургский военный историк Юрий Кольцов собирал материал о высадке балтийских моряков в октябре 1941 года на побережье Финского залива. В историю боев за Ленинград эта операция вошла под названием «Петергофский десант». Узнав, что я побывал во Фрайбургском архиве, он взял у меня его адрес. Затем связался с дирекцией и попросил найти информацию по интересующему его вопросу.

Вскоре он получил оттуда материалы 1-й немецкой пехотной дивизии, которая в занятом ею Петергофе в первых числах октября 1941 года отражала атаки моряков-балтийцев, посланных туда по личному приказу Жукова. Оказалось, что первую атаку советских моряков-десантников отразила немецкая рота снабжения, которая случайно попала под удар. С немецкой педантичностью было зафиксировано, как развивался бой, сколько человек с нашей стороны было убито и взято в плен.

Российский историк опубликовал эти данные в книге «Петергофский десант». Думается, что эта работа является одной из удачных попыток создания исторического документа, основывающегося на точных архивных сведениях с обеих сторон.

Апрельская трагедия Невского пяточка

Олег Суходымцев, сотрудник музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда», попросил меня поискать дополнительные данные с немецкой стороны о ходе боев за Невский плацдарм с 24 по 28 апреля 1942 года.

Перед поездкой во Фрайбург я направил туда соответствующий запрос и был приятно удивлен, когда по приезде мне вручили пухлую папку с различными документами. Признаюсь, что просмотрел ее буквально на бегу, так как мне предстояло обстоятельно пройтись по всем залам архива. Но даже то, что я мельком увидел, произвело впечатление. Особенно когда в папке обнаружилась крупномасштабная немецкая карта, показывающая линию обороны, а также позиции своих войск и противника. Были там и протоколы допросов взятых в плен солдат и офицеров советского 330-го полка 86-й стрелковой дивизии.

Суходымцев затем написал статью «Апрель 42-го: гибель плацдарма», которая была опубликована в книге «Невский пяточок. От плацдарма к мемориалу». Работа, на мой взгляд, получилась интересной и насыщенной документальными данными из российского (Подольского) и немецкого (Фрайбургского) военных архивов.

Может быть, Путину это будет интересно

Применительно к Невскому пятакчу имеется еще один интересный факт. Связан он с отцом президента России Владимира Путина. Владимир Спиридонович воевал на плацдарме и был искалечен немецкой гранатой. Не сомневаюсь, что Владимиру Владимировичу было бы интересно ознакомиться с немецкими документами с Невского пятакча за 17 ноября 1941 года. В этот день его отец получил там тяжелое ранение. Путин в книге «От первого лица» так описывает этот эпизод: «Отца тяжело ранили на этом пятакче. Ему и еще одному бойцу дали задание взять «языка». Они подползли к блиндажу и только приготовились ждать, как откуда неожиданно вышел немец. Растерялся и он, и они. Немец пришел в себя раньше. Достал гранату, запустил в них и спокойно пошел дальше».

Судя по всему, это мог быть либо солдат из 1-й пехотной дивизии, либо десантник из 7-й Критской авиадесантной дивизии. В своей книге «Ленинградский “Блицкриг”» я привожу дневниковые записи фельдмаршала фон Лееба, командующего группой армий «Север». Вот что он пишет 17 ноября: «Относительно плацдарма Выборгская можно предположить, что благодаря подходу двух третей 1-й пехотной дивизии позиции будут удержаны. Есть основание надеяться, что

тем самым удастся противостоять даже крупным силам атакующего противника. В то же время запрошено согласие на то, чтобы 7-я авиадесантная дивизия продолжала находиться в близости в качестве тактического резерва».

Без сомнения, более полную информацию по данному вопросу можно было бы получить, пролистав дела указанных выше немецких дивизий. Скорее всего, они сопровождаются также и фотографиями того периода.

Все приведенные выше примеры наглядно свидетельствуют о важности документов Фрайбургского архива вермахта для российской блокадной историографии. Несомненно, они могли бы стать ценным дополнением материалов и экспонатов, представленных в Музее обороны и блокады Ленинграда.

Представляется важным начать наконец-то планомерное исследование документов Фрайбургского архива вермахта. Заявки на поиск документов применительно к определенным знаковым датам и событиям уже поступают от музейных работников, историков и литераторов, занимающихся проблемами блокады Ленинграда и боев за город.

К примеру, информация о Фрайбургском архиве интересует некоторых историков, разрабатывающих тему воздушных налетов немецкой авиации на корабли в Кронштадте в сентябре 1941 года. Их, в частности, занимают такие вопросы, как кодовое название воздушной операции немцев по уничтожению Краснознаменного Балтийского флота в пери-

од с 19 по 23 сентября, а также какие потери понесли немцы от огня корабельной артиллерии осенью 1941 года. Эти данные как раз и можно найти во Фрайбурге.

Отрадно, что мысли, изложенные здесь, находят отклик и у юной молодежи нашего города. Вот что написала ученица одной из петербургских гимназий Катя Лифинцева, ознакомившись со статьей: «Трудно не согласиться с Вами в том, что изучение секретных архивных немецких документов необходимо, чтобы иметь более полное представление о событиях, происходивших в блокадном Ленинграде. На уроках истории нам говорили, что Ленинград по приказу Гитлера должны были стереть с лица земли. Однако, узнав о существовании документов, в которых говорится о планах командования группы армий «Север» по устройству жизни в Ленинграде после его захвата, я поверила, что немецкое командование не планировало разрушать город и уничтожать всех его жителей. Ознакомившись с материалами, представленными в Вашей статье, я осознала, что изучение архивных документов поможет не только разобраться в сложнейших военных ситуациях, но и разрешить проблемы, связанные с судьбами русских солдат и офицеров. Я раньше ничего не слышала о полковнике Старунине. Прочитав отчет о допросе пленного командира 191-й стрелковой дивизии, я не просто открыла для себя новое имя человека, чья судьба была определена военной ситуацией, но еще раз задумалась о том, насколько жизнь каждого воина зависела от политики руко-

водства страны, гражданином которой он являлся. Страшно, когда у человека не остается никакого выбора, потому что и плен, и выход из окружения для Старунина были равносильны смерти. Но вместе с тем я вновь испытала чувство гордости за русского героя, который перед лицом смерти не отказался ни от своих убеждений, ни от Родины. Вновь задумалась над тем, какие уроки необходимо вынести нам, анализируя события этой страшной войны».

Подобные письма радуют, особенно когда их пишут молодые люди. Им еще предстоит постичь историю, свободную от идеологической засоренности.

Насколько реально сегодня посещение Фрайбургского архива историками из Санкт-Петербурга? В принципе никаких проблем, кроме знания немецкого военного языка и наличия денег, для этого не существует. Доступ открыт практически ко всем документам, в отличие от многих наших архивов. Заказ на получение материалов можно сделать заранее по Интернету. Однако хотелось бы сразу подчеркнуть, что немецкий военный язык отличается большим количеством сокращений. Эффективная работа в архиве вермахта может лишь тогда иметь смысл, если историк будет знать военные термины и специфику боевых действий под Ленинградом. Сам доступ к материалам архива бесплатный, платить надо только за ксерокопии документов. То же самое касается карт, схем и фотографий. Учитывая, что командировка во Фрайбург – это вопрос не одного дня, то расходы будут связаны

с размещением и питанием. Поблизости от архива имеется доступный по деньгам центр туризма, где можно решить все вопросы. Мне ясно дали понять, что в архиве охотно примут гостей из нашего города, предоставят им нужные документы и будут оказывать всяческое дальнейшее содействие.

Дорогами примирения (часть вторая)

Завещание Фогта

«Прошу похоронить меня в русском городе Холм» – такое завещание оставил бывший немецкий солдат.

Имя этого немецкого ветерана войны выпало из памяти. А вот фамилия, звучная и короткая, – Фогт – осталась. Был он высокого роста, худой, с бледным лицом тяжелобольного человека. Так оно, впрочем, и оказалось, но выяснилось в ходе совместной поездки в Холм совершенно неожиданно.

Признаться, до этого я никогда не слышал о населенном пункте с таким простым русским названием. Узнал о нем благодаря этому немцу. Потом уже довелось прочитать многочисленную литературу на немецком языке о страшных боях 1942 года за этот районный центр сегодняшней Новгородской области. Советские войска неоднократно пытались развивать здесь свои наступательные операции, окружая немецкие дивизии. Старинные укрепления, построенные некогда для отражения набегов кочевников, вновь превратились в крепость, в которой роль защитников по парадоксальному стечению обстоятельств была уже уготована немецким окку-

пантам. Среди них был и Фогт. Видимо, досталось ему там крепко, так как уже в автомобиле он вел себя довольно нервно: жестикулировал, показывая карты и схемы того времени.

С нами был еще один попутчик, немец по имени Михаль. Фамилию свою он так и не назвал. Потом я задумался. Отчего так? Видимо, были у него на то причины. Запомнился он своим великолепным русским языком. Он говорил намного чище сегодняшнего поколения русских, на том изысканном языке, которым изъяснялись персонажи Тургенева, Куприна и других писателей второй половины девятнадцатого века. При встречах с русскими местными жителями во время нашей совместной поездки просил называть его по-просту – Мишкой. Передвигался он на костылях, волоча ноги за собой. Скорее всего, имел серьезные проблемы с позвоночником. Не исключено, что он происходил из остзейских немцев, которые проживали в России до революции и в одинаковой степени свободно владели обоими языками. В войну часть из них использовалась в качестве переводчиков в немецких ротах пропаганды при штабах армий. Но он мог быть и разведчиком, и даже палачом из айнзатц-команд, оставивших страшный след своими карательными операциями. Разумеется, это были лишь мои предположения, но до сих пор у меня сохраняется чувство, что Мишка имел веские причины скрывать свое военное прошлое.

Как бы там ни было, но ехали мы к Холму, приветливо общаясь. Не было мыслей о том, что я везу «недобитых фа-

шистов», как незадолго до этого немецких ветеранов охарактеризовал Александр Невзоров в телевизионной передаче «600 секунд». Он извратил смысл встречи в Совете ветеранов Санкт-Петербурга с немецкими солдатами, воевавшими под Ленинградом. Спровоцированная Невзоровым акция вылилась не только в митинг протеста с красными знаменами у стен германского консульства, но и привела к отставке руководства Совета ветеранов во главе с генералом Виктором Рожковым. По существу, Рожков стал первой жертвой в нелегком процессе примирения между бывшими врагами.

Ни Фогту, ни Мишке я не стал об этом рассказывать, понимая, что такая информация не добавит им положительных эмоций. Они и без того уже были измучены ухабистой дорогой, которая началась сразу же за Старой Руссой, когда мы повернули на Холм. Правда, Фогт вначале попытался пошутить, заметив, что это не дорога, а, скорее, направление. В войну, по его словам, немецкий строительный батальон содержал ее в исправном состоянии, так как она обеспечивала подвоз живой силы и техники. Не знаю, как у меня это вырвалось, но я сказал, что самые тяжелые работы немцы взваливали на бесплатную рабочую силу: русских женщин и подростков из прилегающих деревень. Фогт сразу же осекся, поняв, что память о войне жива и в современной России.

В Холм мы въехали под вечер. Этот старинный городок-карлик, давно уже утративший всякое хозяйственное значение, после развала советской власти, как тысячи ему

подобных, оказался брошенным на самовыживание. Некогда прекрасный дворянский парк с усадьбой пребывал в запустении, на бронзовом памятнике местным партизанам давно облупилась краска. Редкие прохожие, почему-то это были исключительно мужики самого работоспособного возраста, нетвердой походкой перебирались от одного питейного заведения к другому. Некоторые из них сидели у своих деревянных домов, покосившихся от ветхости, и молча курили, провожая взглядом наш автомобиль.

Внезапно Фогт произнес фразу, которая повернула всю нашу поездку в неожиданное русло: «Хочу поговорить с русским ветераном войны». Сделать это оказалось даже проще, чем я вначале предполагал. Первый же из встреченных мужиков сказал, что дома бывших советских солдат украшены маленькими красными звездочками, прибитыми к входным дверям. Сразу же вспомнилась прочитанная в детстве книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Там мальчишки-тимуровцы шефствовали над домами, откуда на фронт уходили красноармейцы. Когда я сказал об этом немцам, то увидел в их глазах неподдельное уважение к делам тимуровцев и возросший интерес к тому, что их могло бы теперь ожидать.

Действительно, буквально тут же нам на глаза попался один из таких домов. Казалось, никого в нем не было, уж больно все выглядело безжизненно. На всякий случай я все же несколько раз крепко постучал. Послышались шаркаю-

щие шаги, и на порог вышел пожилой человек. Правая рука у него отсутствовала по самое плечо. Интуитивно я понял, что ситуация может получить нежелательное развитие, и хотел уже, извинившись, уйти. Однако, сам не знаю даже почему, стал объяснять ветерану, что стоящий рядом со мною человек – немец. Он тоже солдат и воевал как раз в этих самых местах.

Лучше бы я этого не говорил. Ветеран побагровел и раздался столь знакомый каждому трехэтажный русский мат. В промежутках угадывался смысл, сводившийся к тому, что если бы у него была правая рука, которую ему оторвало в боях, то он ею сейчас бы врезал этому фашисту от всей души.

Фогт вначале недоуменно переводил взгляд с него на меня в расчете на перевод, потом понял, что не дожидается его. Но смысл до него дошел: уж больно разъяренным было лицо у хозяина дома. Красноречивые интонации тоже говорили сами за себя. Немец опустил голову, весь сжался, но не уходил, а терпеливо дожидался, пока не иссякнет запал у русского ветерана. После этого тихо, но внятно и твердым голосом произнес то, что, видимо, годами откладывалось в его душе:

– Переведите, – попросил он меня. – Я пришел в Россию второй раз, он же будет и последним. Пришел, чтобы не только повидать места, где была изломана войной моя молодость, но и для того, чтобы попросить у жителей Холма прощение за то, что здесь мне пришлось стрелять и убивать русских солдат. После нескольких лет плена я по-новому узнал Рос-

сию и бескорыстность русских людей, деливших с нами, пленными, последним куском хлеба. Своего сына я воспитывал противником всяческих войн, не позволил ему идти в бундесвер, и он выбрал альтернативную службу без оружия. Мне самому осталось жить не более полугода. Так сказали врачи, обнаружив у меня рак. Поэтому я решился на эту поездку, понимая, что если сейчас не сделаю, то этого уже не будет никогда. Я хотел бы попросить прощения за то, что был инструментом войны и искренне верил тогда в то, что хорошо поступаю, освобождая Россию от большевизма. Потом, уже воюя под Ленинградом, убедился, что политика «крестовых походов» никогда не приводит к успеху. Я хотел бы пожать вам руку, но даже этого не могу сделать, видя, как война жестоко обошлась с вами.

Немец замолчал, переводя дух. Чувствовалось по его покрасневшему взволнованному лицу, как тяжело дались ему эти слова. Возникла неловкая пауза. Я уже начал искать способ, чтобы поскорее закончить этот разговор, как вдруг произошло невероятное. Русский ветеран молча протянул немцу свою левую руку, тот потянулся к нему, неожиданно они обнялись и, не стесняясь, заплакали. Два старых человека стояли, обнявшись, как фронтовые друзья. Исчезла стена неприязни, вражды, ненависти, долгие послевоенные годы отделявшая их друга от друга. Сейчас они не были врагами, находившимися в войну по разным сторонам передовой полосы. Стояли, обнявшись, два очень старых человека, закан-

чивающих свой жизненный путь. Теперь их связывали общие страдания и мудрость прожитых тяжелых послевоенных лет. Их объединяла также и горечь того, что они никогда уже не будут молодыми, полными здоровья и счастливыми. Они стояли и молча плакали.

Мишки рядом с нами не было. Он все еще, гремя костылями, выбирался из машины. Единственным свидетелем этой сцены поневоле оказался я. Но одновременно я почувствовал и какую-то особую сопричастность, так как неожиданно к горлу подступил комок и стало трудно глотать. Мне захотелось тоже заплакать. Это было как при прощании с очень близкими людьми. На моих глазах подводился итог прожитой жизни. Ни слова больше не говоря, старики разомкнули объятия, и каждый пошел в свою сторону: русский ветеран к своему дому, немец – к машине.

Через полгода Фогт скончался. Положили его в семейную могилу под Бременом. Мечта быть похороненным в русском городе Холм осталась неосуществимой.

Колокол мира

Старорусский колокол вернулся на родину. Произошло это 18 февраля 2001 года в празднование 57-й годовщины освобождения Старой Руссы от немецкой оккупации. Более полувека он находился в старинном германском городе Любеке. На церемонии в старорусском музее Северо-Западного фронта я услышал необыкновенную историю, связанную с его происхождением, злключениями и последующим возвращением.

Осенью 1942 года в оккупированной Старой Руссе немцы готовились к отражению наступления советских войск. Командир саперного батальона решил проверить на прочность стены церкви святого Мины, чтобы использовать ее в качестве наблюдательного пункта. Поднявшись наверх, он обнаружил небольшой колокол с надписью на латинском языке:

**ALBERT BENNINGK ME FACIT
LUBESA ANNO 1672 (Альберт
Беннинг отлито в Любеке в 1672 году)**

Немецкий офицер когда-то жил в этом ганзейском городе. Поэтому он предложил отправить колокол обратно в Любек. В начале декабря 1942 года его погрузили в вагон. По-

ка колокол ехал в Германию, между Любеком и Берлином шла оживленная переписка. Планировалось установить его в церкви на Глокенштрассе (Колокольная улица), как только она будет отремонтирована после налета английской авиации. Но город все больше разрушался, и о колоколе постепенно вообще забыли. Не вспоминали о нем и в послевоенное время, и он пылился на чердаке церковного городского музея.

Это продолжалось до 1991 года, когда история получила неожиданное продолжение. Бывший солдат Волховского фронта Николай Михайлович Поликашев рассказал старорусским краеведам о том, как он в войну нашел в немецком блиндаже газету со статьей о транспортировке колокола из Старой Руссы в Любек.

Так потянулась ниточка к его возвращению. Надо отдать должное администрации немецкого ганзейского города: она не только решила вернуть колокол, но делегировала нескольких своих представителей для этой цели. В январе 2001 года в сопровождении немецкого генерального консула в Санкт-Петербурге Ульриха Шеннинга чиновники и общественные деятели из Любека в торжественной обстановке передали колокол жителям Старой Руссы.

В этой истории можно было поставить точку, если бы не одно «но». Колокол по-прежнему находится в здании музея Северо-Западного фронта. Церковь святого Мины, постройки XV века, еще не полностью отреставрирована, хотя благо-

даря немецкому жесту доброй воли сразу же после возвращения колокола она стала подниматься из руин. Находится она рядом с домом, где жил и творил великий Достоевский. Каждый день он ходил мимо этой церкви и наслаждался чистым звуком колокола, раздававшимся с башни. Внешне церковь уже в порядке. Хочется надеяться, что совсем скоро колокол зазвучит как в эпоху Достоевского, прямо с церковной башни.

Во всей этой истории с колоколом есть все же что-то мистическое. В ней удивительным образом переплелись события, факты и имена. Почему, к примеру, именно житель немецкого Любека обнаружил колокол, изготовленный в этом городе? Не странно ли совпадение, что в грамоте, врученной любекскими властями жителям Старой Руссы, были приведены строки из «Песни о колоколе» Шиллера в переводе Дмитрия Мина. Поэт-переводчик опубликовал их в 1856 году. Его фамилия почти полностью совпадает с названием церкви, носящей имя святого Мины. Строки оказались на редкость символичными. Звучат они подобно набату:

Пусть зовет он город к пиру,
Первый звон, да будет к миру!

Символичным является и то, что Старая Русса и Любек обязаны созданию великих литературных произведений на примерах жизни семей и династий в каждом из этих городов.

Это «Братья Карамазовы» Федора Достоевского и «Будденброки» Томаса Манна.

В Старой Руссе жил некоторое время выдающийся писатель, почетный гражданин Петербурга Даниил Гранин. Любек является родным городом другого писателя, лауреата Нобелевской премии Гюнтера Грасса. Оба пришли в литературу через войну, ей они посвятили многие свои произведения.

Свою «Песню о колоколе» Фридрих Шиллер препроводил эпиграфом: «Призываю живых, оплакиваю мертвых, ломаю молнии». Сегодня старорусский колокол, возвращенный из долгой неволи, снова начинает выполнять благородную миссию, взывая к миру.

Соединенные войной

Эта история никогда не получила бы своего завершения, если бы не настойчивость Рихарда Бартельса. С ним судьба свела меня в начале 1990-х годов. Его давно уже нет в живых, но мне нередко кажется, что мы продолжаем общаться. Ведь его мечты о примирении над солдатскими могилами стали сегодня реальностью. Он был инициатором первой встречи в 1989 году в Гамбурге между советскими и немецкими ветеранами. Они встретились, чтобы попытаться понять друг друга и найти пути примирения. Инициатива Бартельса запомнилась еще и тем, что он стал первым немецким партнером в контактах между городами-побратимами Ленинградом и Гамбургом, выступившим со словами покаяния за то, что был орудием в руках нацистов. Это было совершенно необычно для наших ветеранов: во-первых, потому что не укладывалось в привычную схему «немецкий оккупант-фашист», а во-вторых, потому, что о прощении просил немец из благополучной и сытой Западной Германии. У него имелось все: дом, машина, достойная пенсия. Подошла спокойная старость, когда можно было удалиться на покой, по утрам, не торопясь, подстригать кусты и поливать цветы в уютном садике, прилегающем к дому. А вместо этого Бартельс не только повинился перед бывшим своим противником по войне, но и начал движение, направленное на разви-

тие контактов между бывшими врагами.

С его легкой руки такие встречи стали традиционными. В 1992 году в Санкт-Петербург прибыла большая группа бывших солдат вермахта из Гамбурга и Бремена. Они представляли ветеранские союзы нескольких немецких дивизий, воювавших под Ленинградом. Неожиданным откровением стало то, что, сохраняя верность войсковому товариществу, они решили через полвека посетить могилы земляков, лежавших в ленинградской земле.

Меня как офицера-переводчика, уже закончившего службу в Ленинградском военном округе, пригласили на Кутузовскую набережную в городской Совет ветеранов. Бартельс тоже участвовал в этой встрече. Сухонький, среднего роста, в огромных роговых очках, которые ему явно не шли, и оттого он казался каким-то нелепым, – бывший солдат вермахта тем не менее постоянно оказывался в центре внимания. Его энергетика притягивала, хотелось его слушать, тем более что и слова он произносил непривычные: «Примирение, покаяние, взаимопонимание». Для людей советской закалки, воспитанных по принципу «кто не с нами, тот против нас», они звучали диссонансом. Но это одновременно завораживало и привлекало, потому что сопровождалось доброй, искренней улыбкой, внушавшей доверие. Благодаря этой первой встрече в Петербурге лед вражды между бывшими солдатами начал таять. Завязалась переписка между ветеранами, в которой я тоже участвовал, помогая в переводах.

Видимо, знание немецкого языка сыграло свою роль и в том, что Бартельс пригласил меня приехать к нему в Гамбург. Люди, увлеченные важной для них идеей, нередко переносят ее на свою повседневную жизнь. Интерес к России выражается у них в коллекционировании матрешек, собирании народных песен, чтении книг о нашей стране, наконец, в изучении русского языка. Не стал исключением и Бартельс, которого с Россией соединила война. С первых дней блокады Ленинграда он в звании ефрейтора оказался со своей 93-й пехотной дивизией в Петергофе, а после войны еще несколько лет провел в плену в наших лагерях. Его привязанность к России выразилась в том, что в начале 1990-х годов он приобрел «Ладу» восьмой модели и лихо раскатывал на ней по своему Гамбургу. Скорее всего, он был в этом смысле исключением из правил, так как, когда мы с ним вместе ехали на этой машине, на нее с интересом оглядывались другие водители.

В одну из поездок Бартельс неожиданно свернул с оживленной улицы Гамбурга, и мы оказались в парке. Сначала все в нем было естественным: деревья, цветы, лужайки, однако затем я понял, что парк необычный. На аккуратно подстриженных лужайках виднелись многочисленные кресты и надгробия. Это было центральное городское кладбище Ольсдорф, по территории самое крупное в Европе. Здесь проложены асфальтированные дороги – люди прямо подъезжают на машине в нужное им место.

Оказывается, Бартельс завез меня сюда совсем не случайно, ему хотелось показать, как немцы достойно ухаживают за военными могилами. В данном случае он имел в виду не своих соотечественников, а советских военнопленных. Им отведены два отдельных участка. Чувствовалось, что немецкий ветеран испытывал удовлетворение от того, что именно эти могилы поддерживаются в надлежащем состоянии. Надписи на плитах были четкие, не размытые или затертые, как на многих наших солдатских кладбищах, трава подстрижена, везде росли цветы. Это производило впечатление, и Бартельс явно рассчитывал на подобный эффект. Не спеша, шли мы мимо надгробных плит, вглядываясь в имена, и я воочию ощущал, насколько расточительно богата была советская страна своими людскими ресурсами. Здесь лежали в основном наши русские солдаты, но бок о бок с ними покоились украинцы, прибалты, казахи, белорусы, грузины. Всех их, военнопленных концлагеря Нойенгамме, смерть соединила на немецкой земле. Внезапно мне показалось, что одну из солдатских фамилий я только что видел. Действительно, через могилу находилась плита точно с такими же данными. Латинскими буквами там было высечено:

Povilas BUKAWIANY
18.2.1918 – 20.4.1945

– Рихард, здесь, наверное, опечатка, – поделился я своим недоумением с Бартельсом. Несколько минут немец бегал от одной могилы к другой, не веря своим глазам. У него не укладывалось в голове, что на немецком кладбище мог быть беспорядок, пусть даже если при этом речь шла об иностранных воинских захоронениях. Когда он все же убедился, что один и тот же советский солдат оказался похороненным дважды, то весь как-то сжался и всю обратную дорогу пытался найти какие-то оправдания, рассуждая вслух, почему могла произойти подобная нелепость.

Возвратившись в Петербург и уйдя в текущие дела, я уже не вспоминал об этом случае. А Бартельс, оказывается, ночами не спал, мучился. Для него этот вопрос канцелярской

ошибки стал принципиальным. Ему теперь казалось, что если ее не исправить, то нельзя будет идти дальше в вопросах примирения с бывшими противниками. В конце концов немецкий ветеран направил письмо в сенат Гамбурга, где обстоятельно описал всю ситуацию и попросил дать разъяснение этому факту. Ответ немецких властей стоит привести как достойный пример исправления чиновничьей ошибки.

Глу́бокоуважаемый господин Бартельс!

Администрация кладбища произвела проверку картотеки и установила:

В могиле 11, ряд 15 захоронен литовец Повилас Букавяны, рожд. 18.2.1918 г.

Умер 20.4.1945 года.

В могиле 13, ряд 15 захоронен украинец Иван Шамбаров. Умер 13.4. 1945 года.

Неправильная надпись на плите № 13 возникла из-за ошибки, сделанной 30 лет назад, когда были произведены перезахоронения тысяч жертв войны и насилия на городском кладбище Ольсдорф.

Городское управление по благоустройству и кладбищенскому хозяйству благодарит Вас за проявление такого знака внимания. Администрации кладбища дано указание в кратчайший срок заменить могильную плиту, установив памятную табличку с правильно указанным именем советского гражданина.

С выражением глубочайшего уважения

Домрес

Начальник управления

Это письмо Рихард Бартельс незамедлительно переправил мне в Петербург и пригласил при первой же возможности вновь съездить с ним в Ольсдорф. Но мне долгое время не удавалось побывать в Гамбурге. Потом Бартельс тяжело заболел, и вскоре его не стало. А меня по-прежнему не оставляла мысль увидеть плиту с именем возникшего из небытия советского солдата Ивана Шамбарова.

В августе 2011 года мы с Ларисой, моей женой, и нашим гамбургским другом, тоже ветераном войны, Гюнтером Цигельски, побывали в Ольсдорфе. От посещения советских могил осталось двойственное чувство. С одной стороны, вновь я с благодарностью вспомнил Бартельса, увидев рядом могилы Повиласа Букавяны и Ивана Шамбарова. Однако неприятно поразило, что на этот раз лишь на некоторых из захоронений можно было прочесть имена и фамилии. Остальные заросли мхом, в том числе надгробия литовца и украинца.

Мы стояли обескураженные, не зная, что делать. И тут Гюнтер предложил нам самим привести могилы в порядок. На другой день, вооружившись щетками, мы стали счищать зеленый мох, и вскоре можно было прочесть надписи на плитах. Радости нам добавил Гюнтер. Он пообещал заходить к этим могилам всякий раз, когда будет класть цветы к над-

гробию своей жены, тоже покоящейся в Ольсдорфе.

Ну, и мы с женой, если вновь будем в Гамбурге, непременно отдадим дань памяти солдатам Второй мировой войны. Двое из них стали для нас не то что родственниками, но точно уж не чужими людьми.

По мере того, как отдаляются друг от друга страны бывшего Советского Союза, становится все более очевидным смысл поступка немецкого ветерана. Ведь благодаря ему из небытия воскрес Иван Шамбаров. Кто-то из великих сказал, что человек умирает, когда исчезает память о нем. Этот советский солдат Иван Шамбаров теперь останется в памяти и украинского народа. В прежние времена не так уж было важно, какой национальности был тот или иной солдат. Он являлся, как справедливо отмечено в письме немецких чиновников, советским гражданином. А сегодня он уже, в первую очередь, украинец, так же как и Повилас Букавяны – литовец. Это стало принципиально важным, и видимо, тоже правильно. Это не национализм, а вопрос уважения к нации.

Хочется надеяться, что, несмотря на непростые отношения между Россией, Литвой и Украиной, дипломаты этих трех стран приходят в памятные даты к этому уголку прошедшей войны. Нельзя забывать о людях, подаривших Европе долгожданный мир.

Бессмысленный и преступный приказ

Война все больше отдаляется, но раскрывает свои новые тайны. Причем зачастую такие открытия случаются совершенно неожиданно. Как, например, произошло это при встрече с доктором Гансом Мерле, которого я посетил в Германии. В этом благополучном интеллигенте, известном юристе из Штутгарта, никак нельзя было признать худого, изможденного постоянным недосыпанием немецкого офицера, отступавшего от Пушкина в январе 1944 года. Так он выглядел на одной из своих последних военных фотографий.

– А мне ведь чуть было не пришлось подрывать церковь в Екатерининском дворце в Пушкине. – Мерле произнес это както по-особому, будто выдавил слова из себя. – Но я отказался выполнить бессмысленный приказ. Сегодня понимаю, что он был к тому же и преступным.

– Как так? – удивился я. – Какое отношение вы имеете к этому пригороду Ленинграда?

– Вы полистайте на ночь вот эту книгу, а утром мы обменяемся мнениями.

Так я начал знакомиться с фотоальбомом немецкой 215-й пехотной дивизии, которая занимала в Пушкине позиции накануне освобождения Ленинграда от вражеской блокады. В нем имелась глава, которая так и называлась «Ожесточенные бои за Пушкин». Одна из фотографий имела подпись

«Екатерининский дворец с церковью зимой 1944 года».

Снимок был сделан с большого расстояния, и потому здание внешне казалось вполне сохранившимся. Фото одного из внутренних помещений дворца тоже не свидетельствовало о больших разрушениях.

Утренней нашей беседы я ждал с нетерпением, вооружившись блокнотом. Вот что записал после: «Мерле, будучи обер-лейтенантом и начальником штаба батальона, 23 января 1944 года с остатками подразделения отходил от Пушкина. Имел приказ подорвать авиабомбу, подложенную под церковь Екатерининского дворца. Но не сделал этого, так как получил одновременно другой приказ: бесшумно под покровом ночи оставить Пушкин. Выполнил второй из них. Так была спасена Дворцовая церковь. Мы привыкли в каждом военном эпизоде искать нечто экстраординарное, а все бывает значительно проще. Взорвал бы он эту церковь или нет, если бы ситуация развивалась по-другому, неизвестно. Теперь от этого осталось лишь сослагательное наклонение».

Запись эта, наверное, долго, пролежала бы без движения, если бы вскоре я случайно не оказался с тыльной стороны Екатерининского дворца, как раз там, где в войну были открыты немецкие траншеи и откуда был сделан снимок военных лет. Сразу же вспомнился рассказ немецкого ветерана. Возникло то же самое чувство, что и в Штутгарте, когда я ночью листал фотоальбом и с нетерпением ждал утра, чтобы расспросить Мерле. Я понял, что должен узнать эту историю

до конца.

После нового разговора с бывшим немецким офицером, который в этот раз состоялся по телефону, многое стало ясным. Получилось своеобразное интервью в форме коротких вопросов и ответов:

– *Доктор Мерле, когда вы получили приказ взорвать Дворцовую церковь?*

– В середине ночи 23 января 1944 года. Вместе с другим приказом, разрешающим отход.

– *То есть один из приказов вы не выполнили?*

– Мы сказали себе: так дело не пойдет. Мы не будем взрывать.

– *Но ведь приказ есть приказ?*

– Такого рода приказ в критической обстановке был бессмысленным. Всерьез мы его не восприняли.

– *А от кого вы его получили?*

– От командования моей 215-й пехотной дивизии. Получилось так, что эти два приказа противоречили друг другу. Один был нелепым, второй являлся долгожданным. В случае исполнения первого приказа из-за взрыва неминуемо возник бы переполох, противник тотчас же перешел бы к активным действиям. Другой приказ был для нас более чем своевременным. Цель его заключалась в том, чтобы бесшумно и незаметно покинуть свою позицию и скрытно оторваться от врага. К тому же мы эту авиабомбу вообще не видели, в подвал церкви не спускались. До нас все подготовили сапе-

ры. Но мы сразу же сказали, что не будем устраивать шума. Речь шла о выживании в критической ситуации, так как мы уже были окружены русскими войсками с трех сторон. В общем-то, мы ощущали себя обреченными на смерть, так как перед этим от Гитлера последовало строжайшее указание ни при каких обстоятельствах не сдавать Пушкин. На свой страх и риск командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Кюхлер в последний момент его нарушил, позволив тем самым выровнять линию фронта, иначе в окружение попала бы крупная немецкая группировка, истекавшая кровью на участке от Пушкина до Любани. За это он в итоге поплатился отставкой.

– Доводилось ли вам тогда бывать в самом Екатерининском дворце?

– Несколько раз. Состояние его было плачевным: разбитые окна, сильные разрушения, продырявленная снарядами крыша, из-за чего при таянии снега все заливалось водой.

– Можно ли утверждать, что к разграблению дворца приложили руку и испанцы «Голубой дивизии», занимавшие эту позицию до вас?

– К сожалению, это действительно так. Но я не хочу все перекладывать на испанцев. Немцы тоже оказались причастными к этому.

– Разрешено ли было входить во дворец солдатам вашей дивизии?

– Да, мы могли свободно передвигаться по нему. Но дво-

рец действительно был в плачевном состоянии. Кроме того, рядом проходила линия фронта, поэтому охотников гулять по нему было совсем немного.

– А почему ваши позиции находились рядом с дворцом, а не в нем самом, где можно было бы укрыться?

– Это только на первый взгляд кажется, что стены всегда защищают. На самом деле русские концентрированно вели артиллерийский огонь, в том числе и по дворцу, когда видели в нем наших солдат. Поэтому гораздо спокойнее мы чувствовали себя в отрытых траншеях и блиндажах на территории парка, примыкавшего к дворцу.

– Вы знали о том, что из дворца немцами была вывезена Янтарная комната?

– О самой Янтарной комнате, разумеется, я слышал, но не применительно к Екатерининскому дворцу. О вывозе сокровищ мне стало известно только после войны.

– А каким было восприятие вами Екатерининского дворца? Отдавали ли вы себе отчет, что это – чудо архитектуры и сокровищница искусства?

– Для меня Александровский и Екатерининский дворцы были в первую очередь царскими резиденциями. Именно так я их и воспринимал. Не забуду, как в середине декабря 1943 года, в лунную ночь ехал на санях по служебным делам в соседнюю дивизию как раз мимо этих дворцов. Была поразительная тишина, фронт, казалось, тоже спал. И вдруг мне привиделось в лунном свете, будто в Екатерининском двор-

це в самом разгаре бал. Слуги стоят, держа факелы в руках, а по парку гуляют дамы в длинных роскошных платьях. Это был незабываемый мираж, и образ, который тогда возник, остается со мною до сих пор.

– *Довелось ли вам побывать в Пушкине после войны?*

– Да, это случилось в 1993 году, когда мы совершали круиз по Балтике с заходом в Санкт-Петербург. Повезли нас и в Пушкин, где мы осмотрели Екатерининский дворец. Я попросил симпатичную девушку-экскурсовода проводить меня к бывшему нашему командному пункту, который в войну располагался в Караульном помещении у входа в парк. Тогда мы называли его «Домом садовника», так как в нем хранилась утварь по уходу за парком. К сожалению, добраться до него не удалось.

В самом дворце я обратил внимание на большую фотографию, изображавшую штурм дворца советскими солдатами с автоматами наперевес. Я сказал тогда экскурсоводу, что этого быть не могло. Дворец мы покинули ночью скрытно, никакого боя и автоматной стрельбы в помине не было. Интересно, висит ли эта фотография там до сих пор?

Этим вопросом доктор Мерле завершил наш разговор. А мне вдруг самому стало интересно, как могла выглядеть фотография штурма? Я вновь поехал в Пушкин к сотрудникам Екатерининского дворца и выяснил, что фотография эта больше не висит на прежнем месте, сохранилась она лишь в альбоме. Зато вместо нее в коридоре, где собираются экскурсанты перед осмотром экспозиции, появился снимок авиабомбы, приготовленной для подрыва Дворцовой церкви. Мне сообщили, что для уничтожения дворца по периметру были размещены одиннадцать бомб. Их затем обезвредили советские саперы. Поскольку Ганс Мерле из-за преклонного возраста и слабого здоровья был не в состоянии вновь приехать в Санкт-Петербург, то я решил выслать ему снимок авиабомбы как подтверждение достоверности его рассказа.

К сожалению, вскоре Ганс Мерле скончался после внезапного сердечного приступа. Но фотографию авиабомбы он все же увидеть успел. Немецкий ветеран, позвонивший мне по этому поводу, сказал, что Мерле обрадовался, получив наглядное свидетельство того, что бомба так и не взорвалась.

Пусть никогда не будет войн

И вновь он приехал в Санкт-Петербург. Последний из дееспособных ветеранов 215-й немецкой пехотной дивизии, к которым год из года с начала 1990-х посещали места своих боев под Ленинградом. Йозефу Вайденленеру, баварцу и страховому агенту из деревушки Биберах, 85 лет. В отличие от большинства своих сверстников, он все еще сохраняет подвижность, не дает сесть своим волосам, поскольку красит их в черный цвет, не обходит он вниманием и прекрасный пол.

В 215-й дивизии, воевавшей под Ленинградом, где Вайденленер был связистом при штабе 380-го пехотного полка, его считали счастливчиком. За всю войну он был лишь два раза контужен и легко ранен в руку. Избежал он и плена, в отличие от многих своих однополчан, которые долгие годы провели в русских лагерях. В ветеранском союзе дивизии он выполнял функцию своеобразного разведчика: ездил с начала 1990-х годов, после того как рухнул железный занавес, в пробные поездки по местам боев под Санкт-Петербургом.

Из всех немецких соединений, блокировавших Ленинград, 215-я пехотная дивизия, где служил Йозеф Вайденленер, пожалуй, ближе всего подошла к городу. По существу она находилась в его южном предместье. Название этой местности уже исчезло с современных карт, а на земле заруб-

цевались все раны войны. Тогда эту территорию называли Урицком, в честь известного сподвижника Ленина. Сегодня – это район железнодорожной станции Лигово. Немцы ориентировались на советские карты того периода, поэтому и данный район тоже именовали Урицком. На этот раз Вайденленер попросил привезти его к тому месту в бывшем Урицке, где летом 1942 года размещалась позиция роты, к которой он был приписан. Глядя на современные высотные здания и оживленный транспортный и людской поток, трудно было представить себе, что здесь 70 лет назад шли бои. Однако это подтверждала привезенная Вайденленером «История 215-й пехотной дивизии». В ней были представлены также карты и схемы. Поэтому привязку к сегодняшнему времени сделать было не так уж и сложно, так как ориентиром по-прежнему служила железнодорожная линия и здание вокзала с надписью «Лигово». Вайденленер уверенно повел меня к туннелю под железной дорогой, через который одна за другой следовали автомашины.

«Здесь летом и осенью 1942 года был оборудован командный пункт нашего 380-го гренадерского полка, – рассказывал Йозеф. – Я там дневал и ночевал, хотя иногда меня заставляли выдвигаться передовым наблюдателем к русским позициям».

Вайденленер подтвердил это затем записью, сделанной в музее, который оборудован в храме святых мучеников Адриана и Наталии. Он находится в Старопаново, близлежащем

населенном пункте, который примыкает к Лигово. В войну здесь проходила линия фронта. Тогда остатки стен церкви служили укрытием немецким солдатам. Возможно, именно поэтому союз ветеранов 215-й дивизии, внес значительную сумму на возрождение церкви Адриана и Наталии. Впрочем, правильнее было бы говорить о строительстве нового здания, так как старинная церковь была уничтожена войной. Сейчас здание уже полностью выстроено на народные пожертвования. Его золотой купол виден издали, когда следуешь по кольцевой автодороге по направлению к Таллинскому шоссе.

Вайденленер написал несколько слов в Книгу памяти, выставленную в музее при церкви, и попросил, чтобы рядом был представлен русский перевод. Вот эта надпись: «Я, Йозеф Вайденленер, солдат 13-й роты 380-го полка 215-й пехотной дивизии воевал здесь. Хотел бы выразить глубокую скорбь по своим погибшим боевым товарищам. Я скорблю также и по погибшим русским солдатам. Пусть никогда больше не будет войн».

Йозеф Вайденленер скончался в 2012 году.

Два букета гвоздик

Первый букет Рольф Дорндорф сразу же понес к советскому воинскому мемориалу. Нагнувшись, я стал читать фамилии похороненных здесь бойцов. Среди погибших солдат был известный поэт Великой Отечественной войны Георгий Суворов, освобождавший Сланцы в 1944 году.

Второй букет Дорндорф хотел положить отцу, который лежал на бывшем кладбище немецких военнопленных. Но мы пока не знали, где находится это место. В 1945 году бывшие солдаты вермахта восстанавливали разрушенный войной поселок Сланцы. Часть из них, в том числе 42-летний Адольф Дорндорф, остались здесь навечно. Через шестьдесят с лишним лет сын, почти вдвое уже переживший отца, нашел в России город, где тот был похоронен. Искать по-настоящему он начал десять лет назад, выйдя на пенсию. Обратился с запросом в российский Красный Крест. Получил ответ, что Адольф Дорндорф скончался в декабре 1945 года от заражения крови в лазарете лагеря в Сланцах. После чего младший Дорндорф окончательно утвердился в желании отправиться в неведомую ему Россию. Он пообещал это матери перед ее смертью. Она умерла в 92-летнем возрасте, до последнего вздоха надеясь получить хоть какую-то информацию о своем муже.

А дальше поиски пошли по линии «народной диплома-

тии», где везение и случай сопутствуют друг другу. Мужская половина деревушки Замс, где проживает Дорндорф, традиционно по воскресеньям встречается на посиделках в местном трактире. Там они дают себе небольшую разрядку после напряженного крестьянского труда. За разговорами выяснилось, что не так давно один из жителей побывал в Санкт-Петербурге. Он изъявил желание помочь Дорндорфу, сообщив, что петербуржец, который его сопровождал в поездке по местам боев в Приладожье, достаточно успешно помогает немцам в розыске солдатских могил. Так установился мой первый контакт с Дорндорфом.

Признаюсь, что вначале я был озадачен просьбой немца, поскольку никакими данными не располагал. Но вспомнил, что в Петербурге живет удивительный человек – Венедикт Бем. С начала 1990-х годов он плодотворно ведет поиски захоронений немецких военнопленных. Мы уже давно помогаем друг другу, обмениваемся информацией, участвуем в акциях по примирению между организациями и отдельными гражданами России и Германии. Бем действительно оказался незаменимым помощником в этой истории, передав мне ксерокопию сведений из Особого архива Главархива СССР, касающихся лагеря в Сланцах. В Москве ему удалось даже получить доступ к плану этого немецкого захоронения, который он затем и перерисовал.

Когда Рольф Дорндорф прилетел в Петербург, я сразу же познакомил его с этими документами. Сидя в одном из пи-

терских кафе, мы обсуждали план нашей предстоящей поездки в Сланцы. Для немца в России многое было в диковинку. Больше всего его, как деревенского жителя, потрясли не сокровища Эрмитажа, а наше питерское метро, вернее, «его глубина и огромный поток людей, беспрерывно снующих в различном направлении».

Несколько раз он повторил эту фразу уже в автомобиле, когда на следующий день мы отправились в Сланцы. По дороге Рольф все считал коров и лошадей и огорчался, что их так мало на огромных полях под Петербургом. Мы сошлись во мнении, что сегодня сельское хозяйство представляет главную боль для многих стран. Выяснилось, что сам Рольф несколько лет назад отдал свои пахотные земли в аренду, поняв, что ему не выдержать конкуренции с более крупными фермерскими хозяйствами. За разговорами мы не заметили, как въехали в бывший шахтерский поселок Сланцы, который сегодня стал городом с населением 45 тысяч человек и районным центром. На въезде нас встретил огромный рекламный щит с надписью: Heidelbergzement, то есть «Цемент из Гейдельберга». Рольф как-то сразу оживился, видимо, осознав, что здесь, в Сланцах, работают его соотечественники.

Мы сразу же направились в местный краеведческий музей. Оказалось, мы не первые, кто интересуется немецким лагерем военнопленных в Сланцах. В 1991 году один из бывших заключенных посетил места своей военной молодости. Вернер Шютце, как написано в сланцевской газете «Знамя

труда», «с теплотой вспоминал не только бывшего коменданта лагеря, подполковника, который относился к пленным немцам по-человечески, но и простых русских людей, с которыми вместе восстанавливал разрушенное войной».

Работники музея любезно провели нас к бывшему немецкому кладбищу. Сегодня это просто пустырь на кочковатой местности. Здесь Дорндорф и положил свой второй букет в память об отце.

Оказалось, что находится бывшее немецкое захоронение совсем рядом с краеведческим музеем у строящейся церкви в память о Серафиме Саровском. Мы выслушали волнующий рассказ о создании в 1960-е годы неподалеку отсюда советского воинского мемориала. С раннего утра и до темноты на грузовиках с открытым верхом через весь город нескончаемой колонной везли тогда гробы с останками восьми с половиной тысяч наших солдат. Стар и млад плакали, не стыдясь своих слез, глядя на это. Рассказали нам также и о немецком кладбище, где было не меньше трехсот деревянных крестов. Размещались немецкие военнопленные в двух каменных домах, единственных из тех, что уцелели после освобождения города советскими войсками. Мы обратили внимание, что слева от бывшего немецкого захоронения возвышался большой камень с памятной табличкой. Это памятный знак жителям Сланцевского района, погибшим в Афганскую и Чеченскую войны.

Как-то незаметно наш разговор перерос в дискуссию о

перспективе дальнейшего обустройства этого участка местности. Подумалось, что здесь мог бы возникнуть уникальный комплекс, объединяющий память о войнах три объекта: советский воинский мемориал, захоронение немецких военнопленных и памятный знак сланцевским парням, ушедшим из жизни в Афганистане и Чечне. Их всех, как жертв военных конфликтов, могла бы сблизить строящаяся поблизости церковь святого Серафима Саровского. По окончании строительства она стала бы осенять их своим крестом. Люди посещали бы ее, идя мимо военных могил, задумываясь о трагических последствиях войн.

Зандбостель – памятник советским военнопленным

Чем примечательна маленькая деревушка Зандбостель, находящаяся в 60 километрах западнее Гамбурга? В Германии о ней знают многие, у нас – единицы. На первый взгляд, все в ней мирно и очень мило: старинные дома, высокие деревья и аккуратно подстриженный кустарник. И только тот, кто пристальнее всмотрится в этот мирный уголок, заметит, что на окраине деревушки, между красивыми деревьями-великанами, нашли свое упокоение десятки тысяч людей.

«На унылой болотистой пустоши, над которой круглый год льют дожди, висят туманы или свистят морские ветры, в 1939 году был организован лагерь для военнопленных» – так описывается это место в книге «Шталаг-ХВ Зандбостель», вышедшей третьим изданием в Германии в 2003 году. Его первыми узниками стали захваченные в плен поляки. По мере вторжения нацистов в новые страны расширялся и национальный состав заключенных: около миллиона человек 40 национальностей прошли за годы войны через страшные застенки лагеря. Одной из самых многочисленных групп пленных были красноармейцы.

Спустя годы бывший французский военнопленный Орест Бари вспоминал, как осенью 1941 года в лагере появились пленные красноармейцы: «Русские шли колоннами по пять

человек в ряд и поддерживали друг друга, потому что никто из них не в состоянии был двигаться самостоятельно. Единственным подходящим названием им было – ходячие скелеты. Один заключенный вовсе не мог двигаться, его толкали вперед автоматом; затем конвоир ударил его штыком в спину, потом тело бросили в кузов грузовика».

В «Шталаге-ХВ Зандбостель» одновременно находились до 50 тысяч человек. После регистрации их направляли в так называемые рабочие команды для принудительных работ или перемещали в другие лагеря. Русских отправляли на самые тяжелые и грязные работы. Отношение к советским людям подтверждала особая иерархия, определявшая обращение с заключенными. На верхней ступени находились американцы и англичане, за ними следовали французы и бельгийцы, затем шли греки и сербы, на нижней ступени были поляки и последними в этой табели о рангах стояли русские.

«Шталаг-ХВ Зандбостель» был освобожден англичанами 29 апреля 1945 года. Последние военнопленные покинули его в начале июня, бараки по гигиеническим соображениям сожгли. В нескольких километрах от лагеря располагалось кладбище, на котором были погребены свыше 50 тысяч военнопленных. Сегодня на этом месте создано памятное захоронение в виде братских могил, где указаны страны, чьи граждане нашли здесь мученическую смерть.

В конце апреля 2005 года на мероприятие по случаю 50-летия со дня освобождения Зандбостеля прибыли офици-

альные представители из Великобритании, Франции, Италии, Белоруссии, США, Италии и других стран. Но вот работников российского генерального консульства из Гамбурга, находящегося всего в нескольких десятках километров от Зандбостеля, там не оказалось, хотя именно русские военнопленные составляли наибольшее количество жертв этого лагеря. Их там покоится около 40 тысяч.

Я узнал об этом, потому что в этот момент находился в Зандбостеле у своих друзей, с которыми десять лет назад мы организовали акцию «Юные спортсмены за мир». С тех пор дружеские контакты центра «Примирение» с администрацией Зандбостеля постоянно поддерживались и укреплялись.

По возвращении в Санкт-Петербург я написал заметку, которую опубликовала газета «Аргументы и факты». В ней выражалась надежда на то, что в следующий раз, 22 июня 2006 года, в День памяти и скорби, наши дипломаты все-таки положат цветы соотечественникам, оставшимся навечно на чужбине. Несмотря на то что редакция постаралась усилить тон заметки, снабдив ее заголовком «Зажрались» в адрес наших заграничных чиновников, эффект оказался нулевым. Сообщение, полученное от бургомистра Зандбостеля, также оказалось безрадостным. С немецкой педантичностью он проинформировал, что «в 18 часов 40 минут 22 июня побывал на кладбище военнопленных. Венков и цветов у русских могил не было».

С тех пор я долгое время не мог избавиться от горько-

го чувства, поскольку Министерство иностранных дел России, куда был переправлен ответ из Зандбостеля вместе с заметкой из газеты «Аргументы и факты», даже не удосужилось на него прореагировать. Прошло больше года. Казалось, что на этой истории поставлен крест, как вдруг из Германии мне прислали письмо бывшего солдата Герберта Бальцера, опубликованное в одном из немецких ветеранских журналов. Вот что сообщал он в нем: «По случаю Дня народной скорби (отмечается ежегодно в Германии во второе воскресенье ноября. – Ю. Л.) мы вновь возложили венок от нашей ветеранской организации на кладбище военнопленных в Зандбостеле. Сняв головные уборы, молча стояли мы у могил жертв войны. Молодые люди из Гамбурга, сопровождавшие нас, захотели осмотреть кладбище полностью. Они были приятно изумлены его ухоженностью. Одновременно не скрывали своего удивления: почему это вдруг немецкие ветераны чтят память своих бывших противников?»

Эти строчки немецкого солдата, когда-то воевавшего под Ленинградом, меня сильно обрадовали. Бальцера я знаю уже более десяти лет с тех пор, как он впервые с группой бывших немецких солдат из Гамбурга посетил петербургский Совет ветеранов. Бальцер воевал под Ленинградом в составе 290-й пехотной дивизии и ежегодно в 1990-х годах приезжал сначала с группами, а затем и в одиночку в Санкт-Петербург, чтобы проехать по местам боев и захоронений своих однополчан. Посещал он и места захоронений бывших противни-

ков. Помню, я поразился тому, как Бальцер и другие пожилые немцы, стараясь держать солдатскую выправку, застыли в минуте молчания на Пискаревском кладбище. В интервью после этого Бальцер впервые для многих петербуржцев озвучил идею немецкого покаяния за войну, развязанную гитлеровской Германией.

Акция немецких ветеранов в Зандбостеле подтолкнула меня к тому, чтобы попытаться вновь достучаться до российских государственных властей и привлечь их внимание к зандбостельскому захоронению. Требовался мудрый совет. Когда я поведал эту историю российского чиновничьего бездушия и германского покаяния писателю-фронтовику Даниилу Гранину, он порекомендовал написать письмо президенту России Владимиру Путину. Я начал было отнекиваться, мотивируя, что ему и так все пишут со всех концов России. И какое ему дело до маленького немецкого Зандбостеля?

Но Гранин настойчиво советовал все-таки направить письмо, сказав, что знает помощников президента как толковых людей.

Письмо я послал без особой надежды на успех. Какого же было мое удивление, когда в начале лета 2007 года почтальон принес мне прямо на квартиру письмо с уведомлением от представительства МИД России в Санкт-Петербурге. В нем было сообщение от генерального консула РФ в Гамбурге на мое имя, как председателя центра «Примирение», о возложении российскими дипломатами венка к памятни-

ку советским военнопленным на территории бывшего лагеря смерти в Зандбостеле. И действительно, в российский День памяти и скорби мои зандбостельские друзья радостно сообщили, что два русских дипломата возложили цветы к памятнику советским военнопленным. Самой важной в письме российского консула оказалась следующая фраза: «Посещение захоронения в Зандбостеле включено в план контрольных поездок сотрудников по российским воинским захоронениям консульского округа. Предусмотрено дальнейшее регулярное участие в планируемых на территории лагеря в Зандбостеле возложениях венков и других памятных мероприятиях».

Вот так закончилась история, которую можно было бы назвать маленькой победой народной дипломатии.

Дитя войны из России

Иногда самые невероятные истории могут оказаться правдоподобными. Мы стоим перед добротным немецким домом в Зульцбахе, который расположен в земле Баден-Вюртемберг, и разговариваем. Мой собеседник – человек, изъясняющийся на безупречном швабском диалекте. Выглядит он очень молодо, и я не могу поверить, что ему уже 80 лет, что в двенадцатилетнем возрасте он был лихим деревенским русским парнем и не знал ни одного немецкого слова. Сейчас он с трудом подбирает русские выражения, когда я прошу его поговорить со мною на языке моих соотечественников. Он утверждает, что до недавнего времени вообще не говорил по-русски и ему пришлось для этого брать платные уроки. Я не могу поверить, что он русский. Когда прошу его подтвердить мне это, то мой собеседник задумывается и вдруг говорит, что он давно уже ощущает себя немцем. Подтверждением этому служит и немецкий язык, ставший для него родным, и швабский менталитет, который он принял безоговорочно. Более того, у него добропорядочная немецкая семья: работающая жена, трое взрослых детей, семеро внуков и уже трое правнуков. О какой принадлежности к России может теперь идти речь?

И все-таки он русский. И не только потому, что в Зульцбахе так все считают. В первую очередь это связано с тем,

что он сохранил свою фамилию. В немецкой деревне его все величают «герр Васильев». Так зафиксировано и в немецком паспорте, и так написано в рекламных объявлениях его небольшой фирмы, поставляющей сантехническое оборудование и производящей ремонт теплосетей в домах.

Сегодня Алекс Васильев к тому же еще и писатель. Именно это обстоятельство и привело меня к нему. Захотелось познакомиться с человеком, который рассказал во всеуслышание свою невероятную жизненную историю, озаглавив книгу «Дитя войны из России». Книга была издана в Германии в 2009 году на его собственные средства. В ней он описывает, как двенадцатилетним мальчишкой оказался в гитлеровской оккупации под Новгородом. Жил со своим отцом и мачехой в деревне Старый Брод под Демянском. Тогда это была Ленинградская область. Отношения с отцом были сложными, тот отличался строгим характером, к тому же всецело уделял внимание своей новой семье. Алеша, так называли тогда мальчика, оказался по существу брошенным на произвол судьбы. В поисках еды он околачивался у немецкой полевой кухни, выполняя иногда мелкие поручения за кусок хлеба или тарелку похлебки. Видимо, был услужливым, потому что немецкие солдаты его заметили и однажды предложили ему поселиться с ними, чтобы он и дальше помогал им. Так постепенно русский мальчишка превратился в сына немецкого полка. Ему справили теплую одежду из куска добротной материи, а затем было принято решение

официально взять его на довольствие. Он получил не только военное обмундирование, но и стал полноправным солдатом вермахта. Ему положили жалованье около 30 рейхсмарок в месяц, оформили солдатскую книжку и выдали опознавательный жетон. У него был даже пневматический пистолетик. Но мальчик не забывал и свою русскую семью. Он договорился с немецким начальством, чтобы отца тоже взяли на работу при кухне, приносил он домой и остатки пищи из солдатского котла. Все это время немецкая 123-я пехотная дивизия, в состав которой входила медико-санитарная рота, приютившая Алекса, воевала в так называемом Демянском котле, не оставляя попыток выйти из окружения советских войск и прорваться в сторону Старой Руссы. Это удалось осуществить зимой 1943 года, и через Рамушевский коридор потянулись немецкие части. Вместе с ними отправился в путь и русский мальчишка в немецкой форме. За годы войны побывал он на Украине, съездил в отпуск в Германию с одним из немецких санитаров, затем оказался в Дании, где к тому времени расположилась медико-санитарная рота – единственное, что осталось от разбитой немецкой дивизии. Конец войны застал четырнадцатилетнего Алекса в юго-западной части Германии, где рота со всем личным составом сдалась в плен американцам. К тому времени он уже свободно говорил по-немецки, и однополчане предложили ему выбрать себе немецкое имя, чтобы таким образом стать полноценным германцем и не осложнять себе будущее. В су-

матохе первых послевоенных дней сделать это было не так уж и сложно, тем более что американские оккупационные власти верили под честное слово, если не было документов. Но Алекс Васильев решил сохранить русскую фамилию.

Когда я спросил его, не жалеет ли он об этом и не было ли у него в последующем осложнений, то он, улыбнувшись, сказал, что об этом тоже написано в книге. Действительно, там есть эпизод, когда Алекс уже девятнадцатилетним парнем решил освоить профессию шофера-дальнобойщика и начал перегонять грузы из земли Баден-Вюртенберг в Западный Берлин через советскую оккупационную зону. Обычно он оставался на пограничном пункте в своем грузовике, передавал документы напарнику и дожидался, когда будут улажены все необходимые формальности. Но однажды его попросили выйти из машины и препроводили в комнату, где сидели советские офицеры. Пришлось изображать из себя немца, делать вид, что он ни слова не понимает по-русски и утверждать, что фамилия Васильев досталась ему по наследству от родителей, которые еще до революции оказались в Германии. Продержали его под перекрестным допросом несколько часов и отпустили. Но напоследок один из офицеров посоветовал больше не ездить этим маршрутом, так как другие советские представители могут ему и не поверить. Так Алекс обосновался на постоянное жительство в Зульцбахе, переквалифицировался в сантехника, прошел курс обучения и стал мастером своего дела. Затем женился

на немке, пошли дети, и постепенно Россия и все, что с ней связано, забылось. Вернулся он к российской теме, а затем и посетил места своего детства после того, как в 1990-х годах вышел на заслуженный отдых и, как все немцы, начал путешествовать. Но вместо Канарских островов решил отправиться в Санкт-Петербург, а оттуда, взяв такси, поехал в Старый Брод под Демянском. В первый свой приезд никого из родных и близких не нашел. Да и самого Старого Брода уже не было: деревня умерла после военного лихолетья. Но природная напористость в конце концов привела к успеху. В третий свой приезд Алекс Васильев уже обнимал своих родных сестер и сводных братьев. Несколько последующих лет он оказывал им и материальную помощь. Это продолжалось, как он пишет в своей книге, до 2008 года, до тех пор, пока была жива его последняя сестра. Сейчас он остался один, и на вопрос, связывает ли его и теперь что-нибудь с Россией, грустно качает головой.

Правда, младший его сын вдруг изъявил желание учить русский язык и решил в скором времени посетить Санкт-Петербург. Алекс надеется, что это не мимолетная прихоть сына, а серьезное намерение. И тогда контакты с Россией не только возобновятся, но и наполнятся новым содержанием. И кто знает, может быть, внуки онемеченного Алеши Васильева прикипят сердцем к родине своего деда и подарят России добропорядочных наследников.

Еще один солдатский дневник

Ежегодно к 22 июня публикуются новые, порой действительно сенсационные, материалы на военную тему. Это не удивительно: ведь именно в этот воскресный солнечный день в 1941 году гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Особый интерес при этом представляют документы с той стороны. Таким стал недавно опубликованный в немецком ветеранском журнале «Камераден» дневник погибшего солдата вермахта. Автор дневника обер-ефрейтор Макс Шибель вел его в течение года с 12 мая 1941 года по 14 мая 1942 года. Записи по-военному короткие и бесхитростные. Был он солдатом группы армий «Север», той, что наступала на Ленинград. В 36-й моторизованной дивизии, входившей в состав 4-й танковой группы, обслуживал радиостанцию одного из артиллерийских подразделений. Вот что он педантично, хотя и с перерывами, фиксировал накануне войны и в период военных действий, когда ему позволяла обстановка.

25.6. Перешли границу. Тауроген (сегодня Таураге в Литве. – Ю. Л.) лежит в развалинах. Великолепная погода. В 19 часов следуем в первом эшелоне вместе с танками. Противник перешел в контратаку, используя танки. В ответ – применение орудий крупного калибра. До двух часов дежурил на рации, стрельба продолжалась всю ночь. Спал всего лишь час. В 09.00 смена позиции. Уже четверо суток мы ата-

куем русских. Почти неделю выкраиваю лишь один или два часа на сон, безвылазно нахожусь на командном пункте.

28.6. Ждем команды начать выдвижение. В 08.00 трогаемся. Мы уже на 95 километров углубились на вражескую территорию. Идем по земле, где только что разыгралось танковое сражение. Ночью прибыли к месту нового расположения. В этой прибалтийской деревне рядом с немецким флагом, украшенным свастикой, вывешен национальный стяг Литвы. Местные жители угощают нас молоком и одаривают цветами.

29.6. Начало марша в 04.00. Прибытие на новое место в 21.00. Пройдено 200 километров. Наша огневая позиция находится у города Якобштадт (сегодня Екабпилс в Латвии. – Ю. Л.).

5.7. В 00.00 начало выдвижения, в 1 час ночи пройдена граница между Прибалтикой и Россией. Два раза нас атаковали самолеты противника, сбросив бомбы на дорогу. До 05.00 мы находились на исходной позиции. В 06.00 начали марш в восточном направлении, по пути два раза подвергались атакам с воздуха, самолеты бросали бомбы. Наши потери: четверо убитых и столько же раненых. В час ночи вышли к Острову. Город горит. Реку Великую перешли по мосту, его длина составляет 400 метров. В ночь на воскресенье дежурил на рации в штабе, поспать не удалось.

9.7. Наконец после продолжительного времени выкроил на сон девять часов. Пришло письмо из дома. Отправле-

но оно было 30.6. В 04.00 начали выдвижение, которое было приостановлено из-за сильного артиллерийского обстрела. Захвачен русский аэродром, там я дежурил на рации до 01.00. Затем мы прибыли в Псков.

12.7. Дежурство с 04.00 до 07.00. Сильная жара, мы отдыхаем, лежа в траве, и ждем дальнейшего продвижения. Ленинград уже не за горами. Отсутствует питьевая вода. По краям болот прорыты канавы. Пьем болотную воду, предварительно ее фильтруя.

14.7. Ночной марш продолжался до 05.00. На отдых расположились на берегу Чудского озера. В 09.00 вновь начали выдвижение. В 10.00 подверглись сильному пулеметному и артиллерийскому обстрелу, когда переправлялись через реку. Пулеметные очереди, к счастью, прошли между нашими двумя машинами. Днем расположились на отдых, купание нас всех освежило. В воде я потерял свой опознавательный жетон. Затем заступил на пост, дежурил до часу ночи.

19.7. Дежурство с 22 часов до 1 часу ночи. На следующий день пополудни продолжили движение в сторону фронта. Прошли 20 километров. На передовой сразу же развернулись и стали обстреливать вражеские укрепления. Оборудуем блиндажи, подвергаемся атакам с воздуха. Располагаемся на берегу реки Луга. Сильная жара.

8.8. Ночью спал в блиндаже. Очень холодно, несмотря на это, спал как убитый. В восемь утра должна начаться атака. Дождь льет как из ведра. Мы, было, уже решили, что атаку

отменят и нам удастся спокойно отсидеться в машине. Но в 9 часов утра наступление развернулось по всей линии фронта. Ужасное зрелище. Земля дрожала так же, как и 22 июня. Мы пока еще сидели в своей передвижной радиостанции. Поблизости стали разрываться первые снаряды, вреда они нам пока не причиняли. Внезапно разрывы приблизились, и мы укрылись в блиндаже. Один за другим снаряды ударялись об землю, осколки втыкались в деревья. Мы лежали в блиндажах на земляном полу, плотно прижавшись друг к другу. На голову надели каски, боялись, что каждую секунду нас может накрыть прямое попадание снаряда. Минуты превратились в часы, каждый мыслями переносился в свой родной дом. Осколки падали поблизости. После разрывов снарядов нас накрывало землю и грязью. Так продолжалось до 12 часов, после чего мы смогли на несколько минут перевести дух. Первым делом осмотрели наш автомобиль. Он не пострадал. Тут же последовала команда занять место у радиации, и мы приступили к работе. В 15 часов обстрел наконец прекратился, и мы смогли спокойно осмотреться на местности. Нашей позиции как таковой больше не существовало. Деревья, толщина которых в поперечнике достигала 40 сантиметров, валялись кругом, срезанные снарядами как бритвой. Такое впечатление, что над нами пронесся ураган. Постепенно и другие солдаты стали выползать из своих убежищ. Видимо, это затишье перед следующей бурей. Завтра, а возможно даже и сегодня, мы вновь переживем такие же ужасные часы. Нам

предстоит решающий бросок на Петербург.

После обеда я вновь сидел за рацией. Пехота рванулась в атаку и овладела девятью укреплениями противника. В первых рядах на штурм шли солдаты войск СС. Нам предстоит преодолеть два пояса укреплений противника, и тогда мы выйдем к окраинам Петербурга.

8.9. С пяти утра работаю на радиостанции. В 06.00 смена позиции, мы перемещаемся на 15 км вперед. Повсюду видны следы ожесточенных боев. На дороге встречаются свежие могильные холмики и сожженные танки. В семь утра мы заняли новую позицию в лесу. Весь день я провожу за аппаратурой. Мы должны соблюдать предельную осторожность, повсюду закопаны мины. Утром одному обер-лейтенанту оторвало обе ноги. Захвачен Шлиссельбург, кольцо окружения вокруг Ленинграда замкнулось. На этой неделе нам еще предстоят лихие деньки. Надеюсь, что хотя бы эта ночь будет спокойной, я очень устал.

11.9. В четыре утра объявлена смена позиции, и мы вновь устремляемся вперед. Выходим к рубежу, где у противника созданы мощные укрепления. Вновь наблюдаем картину, когда враг спасается бегством, в спешке побросав свои личные вещи. В землянках он даже оставил зажженные керосиновые лампы. В нескольких местах нами взяты пленные.

Мы вновь устремляемся вперед, смертельная гонка продолжается. Перемещаемся вместе с пехотинцами, которые перерезают дороги и захватывают укрепления, откуда про-

тивник постоянно обстреливает нас из пулеметов и винтовок. Несмотря на пролетающие пули, мы стремглав несемся на трех автомобилях вперед. Перед нами возвышается гора (по-видимому, Дудергофские высоты в районе Красного Села. — Ю. Л.), которую с воздуха обстреливают наши штурмовики. Теперь мы уже вместе с танками вырываемся вперед, оставив пехоту далеко позади. Отсюда уже виден Петербург. После полудня возвращаемся на прежнюю позицию. Пули непрерывно свистят вокруг нас. Русские ожесточенно сражаются, проявляя невиданное упорство. На обратном пути впереди нас следовал легковой автомобиль, который затем подорвался на mine. Водитель не пострадал, а обер-лейтенанту оторвало голову. Вновь нам сопутствовало счастье.

Сейчас мы располагаемся вместе с пехотой. Лежим, сжавшись, за деревянным колодцем, он служит нам укрытием. Пули пронзают воздух, а мы в это время передаем и принимаем сообщения. Так продолжается весь день. Радиogramмы составляются и передаются очень быстро. С воскресенья почти не было возможности поспать. Вечером на подмогу подтягивается пехота. Нам, артиллеристам, предоставляется возможность увидеть спектакль, который едва ли можно описать. В вечернем небе проносятся трассирующие снаряды противотанковых пушек, раздаются пулеметные очереди и одиночные выстрелы из винтовок. Быстро наступают сумерки, хотя еще лишь семь часов вечера. Перед нами в трехстах метрах находится железнодорожная насыпь, кото-

рую яростно обороняют русские. Мы передвигаемся ползком, так как по нам ведут огонь снайперы. Пехота атакует в течение двух часов, все это время ярко светит луна. Почти пять часов провел я сидя за радиостанцией. Было очень холодно.

13.9. В девять утра мы вновь атаковали и овладели высотой. До Петербурга 17 километров. Мы видим его окраины. Наша артиллерия ведет огонь из орудий всех калибров. Хорошо видно, как развивается сражение и разрываются снаряды. Полевая кухня доставляет обед только в 16 часов, с опозданием на четыре часа.

19.9. В 12 часов последовала команда сменить позицию. Мы покидаем высоту у Петербурга. Мечта о том, чтобы войти в него, оказалась несбыточной. Мы проезжаем населенные пункты, где ранее вели бои. Дороги приводятся в порядок. Этим занимаются военнопленные, местные женщины и дети. Они подвозят на телегах камни и песок. Мы катим по гладкому, только что заасфальтированному шоссе, на котором продолжают работать немецкие паровые катки и другие современные машины с названиями немецких фирм.

Поездка радует, так как теперь у нас достаточно времени, чтобы осмотреть окрестности. Проезжая населенные пункты, мы невольно вспоминаем, как все до этого происходило. Мы следуем через Псков, минуя местный аэродром. Мимо нас проносятся самолеты, которые стартуют с него или садятся после полета. Меня перевели в 6-ю самоходную ба-

тарею, я отвечаю теперь за радиосвязь с самолетами. Это намного спокойнее, чем предыдущая моя работа. Теперь я вновь могу слушать радио. Вечером шел дождь. Самолеты противника пытались нас атаковать, но безуспешно.

29.9. Утром мы отправляемся в путь. Вскоре въезжаем в Невель. Город на редкость грязный, дома, как, впрочем, во всей России, преимущественно деревянные. Половина домов разрушена.

13.10. Мы совершаем марш между двумя котлами окружения. Фронт, таким образом, поворачивается к нам обеими сторонами. Холодно, густо падает снег. Нам навстречу следуют пленные, они толпами устремляются из лесов. Их гонят оттуда голод, холод и осознание бесполезности сопротивления. Навстречу движется также колонна из трех грузовиков с пленными русскими. На передней машине висит большой плакат с шутливой надписью: «Мы хотим попасть в Берлин!» Видимо, кто-то из немцев подобным способом проявил остроумие и вывесил этот плакат как своеобразный пропуск для русских. Смысл этого им, скорее всего, непонятен. Русские машут нам руками и смеются, радуясь, что война для них уже закончилась.

19.10. Ночь прошла спокойно. В шесть часов утра закончилось мое дежурство. Уже две ночи не удается поспать. В деревне, где мы находимся на постое, скопились беженцы из Калинина. У одной из девушек, которой на вид 17 лет, на руке клеймо. Там написаны ее год рождения и имя. Она че-

тыре месяца провела в тюрьме, так как опоздала на работу на пятнадцать минут.

23.10. В 10 часов утра мы вновь отправляемся в путь. Въезжаем в Калинин. Это первый русский город, где я вижу трамвай. Но русские и здесь не оставляют нас в покое, все время обстреливая снарядами. В 17 часов они попадают в наш автомобиль, когда мы там сидели и писали письма. Раздался грохот, и по машине ударили осколки снаряда. Внезапно я почувствовал обжигающую боль во рту. Осколок пробил дверцу машины и впился мне в губу. Пострадали четыре наших сослуживца. Один из них уже не дышал, остальные лежали в крови и стонали. Кругом была кровь, все это выглядело ужасно. Вновь я чудом избежал смерти. Всего лишь десять минут назад я находился рядом с этими солдатами. Тогда они были живыми и невредимыми. Ночь мы провели на частной квартире, где удалось хорошо устроиться. Правда, из-за клопов пришлось спать на полу.

27.10. До 7 часов утра я дежурил. А в 8 часов мы уже отправились снова в путь в сторону Волги. Я сижу в здании школы на четвертом этаже, где мы развернули нашу радиостанцию. Всего лишь в 30 метрах от нас течет Волга, здесь ее ширина достигает ста метров. У берега привязано много лодок и баркасов. Удивительное чувство охватывает, когда стоишь у реки, о которой сложено так много песен. Из радиостов нас осталось лишь двое, поэтому мы сменяем друг друга за аппаратурой каждые полчаса.

5.11. Ночь была холодной, полнолуной и беспокойной. Мы упаковываем наши вещи, так как нас отправляют на тыловую позицию. Фронтная жизнь закончилась. Снова придется жить по уставу и нести караульную службу. В 4 часа пускаемся в путь. Мост через Волгу обстреливается снарядами, но для нас пока все складывается удачно. Новые места размещения нам нравятся, каждый получает отдельную койку. Две большие печки позволяют поддерживать тепло. Ночью я хорошо спал.

21.11. После караула я очень устал и в 20 часов уже улегся спать. Через час меня грубо растолкали, горел наш блиндаж. Все бросились наружу его тушить. Мы, не переставая, поливали его водой, но только в два часа ночи удалось потушить огонь. Смертельно усталый, я заснул вновь. Это была последняя ночь, проведенная в Калининe. Мы здесь пробыли целый месяц.

2.12. Нам теперь выдают тулупы и валенки, когда заступаем в караул. В 11 часов утра мы вновь снимаемся с обжитого места. Очень холодно. Следы боев сейчас особенно заметны, через каждые сто метров на дороге видны огромные воронки от бомб. Идет снег и дует сильный ветер. В 15 часов мы останавливаемся в одной из деревень. Она забита войсками. Вдeсятером мы вынуждены ютиться в камерке размером 2x2 метра. Хозяева ночуют на печке.

7.12. Возвращение. Ночь была спокойной, но очень холодной. Минус 35 градусов. Из-за этого холода мы не могли тол-

ком заснуть. В 7 утра мы наконец двинулись в путь. Почти не чувствуем ног от холода. Часто приходится толкать завязший в сугробе автомобиль. Поплутав, мы наконец отыскиваем нашу сегодняшнюю квартиру. В единственную комнату набиваются 25 человек. Походная кухня застряла в сугробах, целый день мы проводим без горячей пищи. В 19 часов я укладываюсь спать с дикой головной болью. В 20 часов заступаю на дежурство. Вдали слышна артиллерийская канонада.

13.12. В 7 утра следует команда на марш. Русские истребители вновь атакуют нас. До 9 часов я стою на посту, а затем мы трогаемся в путь. Падает снег, мы передвигаемся черепашим темпом. Снова и снова нас атакуют вражеские самолеты. В полдень мы подходим к Клину. Затем возвращаемся на трассу Калинин – Москва.

В трех километрах от Клина дорогу нам перерезают шесть русских танков. К счастью, мы успеваем избежать встречи с ними. Дважды наш автомобиль оказывается в кювете, прежде чем мы наконец в три часа ночи останавливаемся на ночлег в одной из деревень. Нас здесь не ждут, и нет свободных мест. Мне приходится провести ночь, стоя в крохотном помещении. О сне не может быть и речи, но главное, что здесь тепло.

14.12. В 7 утра поступает команда на марш, но мы пока остаемся вместе с полевой кухней. Каждые полчаса русские истребители и бомбардировщики атакуют нас и, надо при-

знать, успешно. Всякий раз нам приходится нестись стремглав в укрытие. В полдень кухня без нас отправляется в путь, а мы остаемся на месте со своей передвижной радиостанцией. Кухня проехала лишь два километра, после чего ее накрыло бомбой. Водитель Циглер погиб на месте, унтер-офицеру оторвало ногу, двое других солдат были также тяжело ранены. Одновременно пострадал и другой наш автомобиль. Здесь тоже были убитые. Погибли доктор Рабе и зубной врач. Пять человек получили увечья. Какое счастье, что я не поехал вместе с кухней. Вновь я разминулся со смертью. Мы похоронили еще одного нашего боевого товарища. Его чудовищно обезобразило после разрыва бомбы. В автомобиле я потом нашел письмо, присланное ему из дома. Он проживал в Эссене.

Мы двигаемся черепашим темпом, колонны выстроились на трассе в пять рядов. Возможно, в следующем населенном пункте удастся найти уголок, где можно было бы согреться. В 9 часов вечера мы прибыли на место. Здесь скопилось около 2000 автомобилей. Нам пришлось ночевать в машине, о сне не могло быть и речи, так как сильно доставал мороз. К тому же отсутствовали еда и вода.

15.12. К обеду мы проехали лишь восемь километров. В 17 часов встретили нашего вахмистра Фойерштайна и получили у него бензин. Благодаря этому мы скоро должны догнать нашу часть. Но наш автомобиль застревал в снегу через каждые сто метров. Только в 6 утра мы прибыли к ново-

му месту размещения.

22.12. В 8 часов утра выезд. Погода омерзительная. Продвигаемся со скоростью пешехода, сильная вьюга, все завалено снегом. Мы проезжаем деревню Латушино. Нам предстоит преодолеть еще 80 километров. Ехать почти невозможно, через каждые несколько метров приходится лопатами освобождать дорогу от снежных заносов, высота которых доходит до двух метров. К обеду мы благополучно одолели три километра пути. Но затем дорога стала еще хуже. Два наших автомобиля встали намертво. Пришлось все вещи перекладывать на два оставшихся грузовика, и все это на диком морозе и при страшном ветре.

Нам приказано устроиться на ночлег в ближайшем населенном пункте. Наши шинели и даже ресницы запорошены снегом, едва ли можно выдерживать такие жуткие условия. Мы устраиваемся в двух избах и пробудем здесь до Рождества. Прекрасная перспектива, учитывая, что мы прочно застряли в снежном плену.

23.12. Мне дали великолепную работу. Я должен приготовить рождественские подарки для наших солдат. Из фольги, которой прокладывают пачки с сигаретами, делаю елочные украшения.

24.12. Рождественский вечер, очень холодно, но небо ясное и очень тихо вокруг. Двое солдат притаскивают несколько елок. Хозяйка дома настроена враждебно по отношению к немцам. В наказание за это мы забираем у нее из сарая одну

из овец. Несколько минут спустя та уже висит под потолком, готовая к разделке.

После обеда я наряжал елку. Наш ротный фельдфебель распорядился украсить помещение, и теперь в нем все напоминало о Рождестве. Рождественским блюдом сегодня будет картофельный салат, а к нему – жаркое из баранины. Из лесенок-временок и бензиновых канистр мы соорудили столы и скамейки, здесь же стояла наша рождественская елка. Так мы отпраздновали Святую ночь. В глинтвейн добавили еще и шнапса. Счастливым были вручены письма из дома, некоторые получили еще и посылки. Вечер мы провели за роскошным блюдом из баранины, вспоминая родных и близких.

31.12. Новый год. Сегодня вторая годовщина моей свадьбы. Со времени Рождества мы откатились на 80 километров назад. Сейчас находимся в маленькой деревушке в полном одиночестве. Избы засыпаны снегом. Здесь нет ничего, кроме неба и снега. Мы полностью отрезаны от мира. Температура минус сорок градусов. Целый день мы не выходим из помещения. Наедине с русской зимой мы проводим последние минуты этого года. В час ночи я заступаю на пост. Часовые приветствуют друг друга возгласом: «С Новым годом!» Так начинается очередной год. В глухой России мы, пятеро солдат, несем караульную службу и обмениваемся впечатлениями о прошедших рождественских праздниках, вспоминаем наших родных и близких.

Температура минус сорок три градуса. Это уже катастро-

фа. Едва ли можно выдержать пять минут, находясь на свежем воздухе. Справить большую нужду – это уже проблема. То один, то другой из нас отмораживает кончик носа или уши и тотчас же вынужден оттирать их снегом.

После болезни и нескольких недель на тыловой позиции.

9.4.42 г. Великолепная погода. Ночью я получил уведомление, что меня отправляют на передовую. Эту новость мы отмечаем бутылками коньяка и рома.

По раскисшей дороге отправляюсь на огневую позицию в Парцелево. Первую свою ночь у линии фронта я провожу в блиндаже. Вечером мы устраиваем концерт, играя на губных гармошках.

21.4.42 г. Пополудни я выдвигаюсь к передовой. Пишу таблички с названиями блиндажей: «Дом Петера», «Лесная отчизна». Свободное время посвящаю чтению. Завтра уезжают домой отпускники: от каждой батареи по два человека. Когда же подойдет моя очередь?

1.5.42 г. Великолепная погода. Русские отмечают свой Праздник труда и решили продемонстрировать нам это. С утра земля дрожит от разрывов снарядов. Но падают они пока вдали от нас. В 6 часов утра над нами прожужжали два русских самолета. Это все, что осталось от былой мощи России. Днем русские устроили нам передышку. После обеда я заступаю на дежурство, а пока лежу на солнышке на огневой позиции и мечтаю.

9.5.42 г. Только что вернулись из Германии наши сослуживцы. Там они лечились после ранений. Среди них мой напарник, радист по фамилии Эрмер. Они привезли много новостей. Сегодня, после большого перерыва, я вновь заступил в караул. Стоял на посту с 22 часов до полуночи. Пост находился в глухом лесу, где меня окружала таинственная темнота. После этого плохо спал. К тому же замучили клопы.

12.5.42 г. Идет дождь и дует сильный ветер, а я стою на посту. Сегодня меня вызвал к себе обер-лейтенант, я попросил предоставить мне отпуск. Ничего определенного он так и не пообещал.

14.5.42 г. Утром мы работали в лесу, прокладывали новую дорогу. Дождь лил как из ведра, но работу мы закончили лишь к обеду, когда уже окончательно промокли. Стало тепло, все уже зеленеет. Зима наконец-то закончилась. Я пишу письмо маме, одновременно шлю всем привет по случаю Троицы. На следующий день Макс Шибель погиб.

Его награды

Случилось это в 1992 году в Санкт-Петербурге. Автобус с немцами подъехал к Дому офицеров Ленинградского военного округа, как и положено, в точно назначенное время. Мы их уже ждали. Всем было интересно, как выглядят сегодня бывшие враги. Это были те самые солдаты вермахта, которые два с половиной года стояли у стен блокированного ими Ленинграда. После долгих колебаний и уговоров руководство Ленинградского комитета ветеранов войны-однополчан все-таки согласилось на просьбу немцев об этой встрече.

Немцев было около сорока человек. Группа была исключительно мужской в возрасте от 70 до 90 лет. В войну бывшим солдатам вермахта было соответственно от двадцати до сорока, и звания у них были от рядового до подполковника. Все это было зафиксировано в программе их поездки. Впервые после падения железного занавеса немцы из Западной Германии получили возможность проехать по местам своих боев. В советское время такой выезд был бы невозможен. Тогда иностранцам приходилось испрашивать разрешение даже на экскурсию в Новгород. Можно было понять нетерпение немецких ветеранов, когда они садились в автобус, чтобы отправиться к Синявинским высотам, на Невский пятачок, в Мясной Бор и к другим обильно политым кровью местам Второй мировой войны. Там они воевали, убивая на-

ших солдат, там же погибали их соотечественники.

Теперь, когда встреча с прошлым состоялась, предполагалось выпить несколько рюмок за примирение и взаимопонимание. Так, во всяком случае, хотелось немцам. Плотной группой поднимались они по широкой лестнице к гардеробу, чтобы скинуть с себя осенние плащи и куртки. Несмотря на разные цвета, одежда их была похожей. Как будто они стремились и через годы сохранить верность своей военной форме и той выправке, что отличала их от гражданских лиц.

Гейнца Юнке, маленького невзрачного жителя Бремена, я бы никогда среди них не выделил и не запомнил, если бы не одна вещь, поразившая каждого из присутствовавших, в том числе и самих немцев. Когда он снял плащ, то все увидели, что его пиджак был увешан военными наградами вермахта. Это настолько бросалось в глаза, отталкивало от него, что сразу же возникло чувство неприязни. К нашему удивлению, оно перекинулась и на некоторых немцев. Старший немецкой группы подошел к председателю Комитета ветеранов войны-однопольчан генерал-майору в отставке Виктору Рожкову и начал смущенно объяснять, что для них самих – это дикое недоразумение. Затем он вернулся к Юнке и стал убеждать его снять гитлеровские регалии. Юнке возражал, мотивируя тем, что это были не оригиналы орденов и медалей, а их дубликаты. На них не было самого главного, что отличало военные знаки того времени: отсутствовала фашистская свастика.

Согласно современным германским законам подлинные регалии с нацистской символикой должны храниться дома, подальше от людских глаз. Их ношение в общественных местах в сегодняшней Германии уголовно наказуемо и приравнивается к пропаганде нацизма. Немецкое общество единогласно поддержало это законодательное решение. Поэтому не было ничего удивительного в том, что даже дубликаты нацистских наград без свастики воспринимались как нечто преступное. Поступок Юнке был не чем иным, как вызовом, причем его дерзость и кощунство умножались тем, что выставил он все свои отличия напоказ, находясь в гостях у своего бывшего противника.

Уговоры старшего немецкой группы, как ни странно, на Юнке не только не подействовали, а, напротив, раззадорили его. Он стал жестикулировать, крича, что заслужил свои награды в честном бою. Он был фронтовым солдатом, а не охранял концлагеря. Юнке показывал на награды советских ветеранов войны и взволнованно говорил, что те по праву с гордостью надели их в этот вечер. Русские солдаты так же, как и он, рисковали своей жизнью. Не его вина в том, что девятнадцатилетним парнем в 1942 году он получил повестку явиться на призывной пункт и через полгода оказался под Ленинградом. Но эти его знаки доблести заслужены были им честно и по справедливости. Старший группы, поняв, что его не переспоришь, демонстративно отвернулся от него.

Вечер между тем продолжался. Первые тосты были про-

изнесены, бутылки со спиртным пошли по кругу. Время от времени кто-нибудь из наших ветеранов косился на столик, где сидел Юнке, и смачно проходил по недобитому фашисту. Почему-то мне показалось, что история этим не закончится, а получит дальнейшее развитие, притом, может быть, даже и совсем неожиданное. Так оно и случилось.

Внезапно к столику Юнке направился полковник в отставке Николай Румянцев. Я знал его и глубоко уважал как человека высокой культуры. Воевал он на Крайнем Севере под Кандалакшей, где сражался с горными стрелками 20-й армии немецкого генерала Дитля. Хлебнул на войне всякого. Многочисленные боевые, а не юбилейные ордена и медали наглядно подтверждали это, как, впрочем, и тяжелое ранение в ногу. Из-за него он с трудом передвигался, опираясь на палку. Румянцев подозвал меня к себе, чтобы я, как переводчик, принял участие в беседе. Не дожидаясь приглашения, он подсел за стол к Юнке и сразу же, без всякого предисловия, протянул тому руку. Затем сказал:

– Думается, что таким же отчаянным человеком были вы и в бою. Как бывший фронтовой разведчик знаю, что кресты и медали выдавали вашим солдатам не зря. «Язык», взятый нами с такими наградами, всегда ценился вдвойне.

Забыв про окружающих, они стали оживленно разговаривать. Их интересовал быт противника, чем солдаты питались, как боролись со вшами, ходили в баню, разжигали костры на снегу, мерзли в наспех вырытых землянках. Вспомни-

нали они и смешные истории: как подтрунивали над «Иванами» и «Фрицами» и как оба хотели, чтобы эта проклятая война как можно скорее закончилась. Разумеется, каждый желал своей победы. Незаметно они перешли на «ты». Казалось теперь, что они знали друг друга с давних пор. Они были настолько похожи, что если бы не разные награды и язык, то их можно было бы принять за однополчан.

Внезапно Румянцев предложил: «Давай сфотографируемся. Я тебе карточку потом вышлю». Они смотрелись колоритно: два пожилых человека с боевыми наградами. Постепенно шум в зале стал угасать. Взоры немцев и русских обращены были теперь на Румянцева и Юнке. С соседних столиков к ним стали подтягиваться с рюмками в руках другие советские ветераны. Юнке оказался вдруг в центре внимания. То ли водка была тому причиной, раскрепостив сознание, то ли авторитет Румянцева был столь высок, но теперь почти каждый желал сфотографироваться с немцем.

На следующий день немецкая группа улетала в Германию. В аэропорту Гейнц Юнке отозвал меня в сторону. Смущенно улыбаясь, что совсем не вязалось с его вчерашним поведением, он поведал о том, как, прощаясь, один из русских солдат отцепил свой ветеранский значок и прикрепил к его груди. Бывший немецкий солдат сказал, что эта награда будет для него такой же почетной, как и другие его знаки отличия.

И снова в Сологубовку

На днях я вновь побывал в деревне Сологубовка, что находится в 70 километрах к востоку от Санкт-Петербурга. Всякий раз испытываю особое чувство, посещая самое крупное в мире немецкое солдатское кладбище. Радуюсь тому, как с каждым приездом оно хорошеет, становится образцовым. Здесь рождается новое для России осознание того, что погибшие солдаты – и победители, и побежденные – в итоге являются жертвами войны. Мертвые не делят между собою победу и поражение. Своей гибелью они предостерегают от новых вооруженных конфликтов.

В этот раз я сопровождал в Сологубовку немца Альфреда Леннепера. Мы знакомы со времени моей поездки в немецкий Герцогенрат в 1995 году. Тогда мы проводили акцию «Юные спортсмены за мир». Даже по прошествии десяти лет повзрослевшие футболисты питерского клуба «Турбостроитель» до мельчайших подробностей помнят встречи с немецкими сверстниками на футбольных площадках. После матчей они сообща возлагали цветы к могилам советских военнопленных на расположенном поблизости воинском захоронении.

Об этом Альфред Леннепер мне сразу же и напомнил. Живет он недалеко от Герцогенрата в городе Ксантен. С Россией Леннепер связан особой жизненной ниточкой. В Нов-

городе, на другом немецком солдатском кладбище, похоронен его брат Дитрих. Впервые Альфред приехал сюда десять лет назад на открытие захоронения солдат вермахта. На одном из мероприятий, устроенном тогда городскими властями, познакомился с новгородской семьей: Валерием, доцентом местного университета, его женой и дочерью Оксаной. Оксана через Альфреда начала переписываться с немецким парнем, затем съездила в Германию, а потом они поженились, после чего она стала уже немецкой гражданкой. Сейчас у нее двое детей. Альфред с удовольствием рассказывал мне об этом. По его словам, это тоже своего рода акция примирения, ведь теперь жительница Новгорода не только живет на его родине, но и подарила немецкой земле двоих детей.

Философией сближения некогда враждовавших народов Альфред проникся очень глубоко. Несколько лет по самоучителю осваивал русский язык, разучивал песни, начал читать на русском языке. Выйдя на пенсию, получил для этого еще больше свободного времени. Стал чаще задумываться о России в надежде, что его дети со временем будут стремиться узнать больше о стране, где покоится их дядя.

По возвращении из Новгорода Альфред позвонил мне и попросил свозить его в Сологубовку на немецкое кладбище. Он хотел увидеть в Книге памяти запись о своем брате. У них разница 16 лет. Дитрих родился в 1924 году, а Альфред – самый поздний ребенок, появившийся на свет в 1940 году. История семьи Леннеперов типична для Германии пер-

вой половины двадцатого века, но в то же время наполнена своими, только ей присущими переживаниями. Глава семейства, отец Альфреда и Дитриха, появился на свет еще в конце девятнадцатого века и угодил на Первую мировую войну, где отравился газами, да еще получил ранение в ноги. В итоге стал инвалидом первой группы. Хотя ему удалось справиться с недугами и даже перейти на вторую группу инвалидности, но он так и не осуществил своей мечты. Не стал специалистом горного дела, которому обучался до войны. Всю жизнь оставался дворником. Зато судьба не обидела его многочисленным семейством. Жена подарила ему пятерых ребят: трех дочерей и двух сыновей. Альфред родился последним, когда Дитрих уже готовился идти на военную службу.

После подписания в начале 1990-х годов российско-германского соглашения об уходе за воинскими захоронениями Альфред начал искать могилу своего брата. Тот погиб летом 1943 года под Новгородом у деревни Копцы. К тому времени ему исполнилось лишь восемнадцать лет. Через полвека его останки были найдены Народным союзом Германии по уходу за воинскими захоронениями и перевезены в Новгород на сборное немецкое кладбище. Там он и был похоронен среди неизвестных солдат. А через несколько лет в сологубовской церкви Успения Божией Матери в Книге памяти, выставленной в подвале этого храма, появилась такая запись на немецком языке: *Lenneper Ditrich, Grenadier, 21.10.1924*

– 27.7.1943, Nowgorod – Sammelfriedhof, Block 12. Unter den Unbekannten. Вроде написано коротко, а звучит достаточно емко. Ведь указано самое главное о человеке: его полное имя и фамилия, воинское звание – рядовой, дата рождения и смерти, а также место захоронения на новгородском немецком сборном кладбище в 12-м блоке среди неизвестных солдат.

Продолжая рассказ о своей семье, Альфред с большой теплотой вспомнил мать. Она родилась в 1900 году. По ее жизни он фактически отслеживал историю этого судьбоносного столетия. Мать умерла в возрасте 95 лет. Она пережила две мировые войны: с первой ее муж пришел инвалидом, во второй она потеряла сына. Остальных детей ей удалось убедить и воспитать добрыми людьми с открытой душой.

Прощаясь с Сологубовкой, Альфред Леннепер написал в книге посетителей, что хочет сюда приехать еще раз, но уже вместе со своими детьми. По его мнению, Сологубовское кладбище, приютившее немецких солдат, погибших под Ленинградом, призывает к миру между народами.

Украденная жизнь

В июне 2007 года я побывал в доме Альвина Вибке под Гамбургом. До этого мы уже встречались в мае 2005 года, когда я сопровождал его по местам боев южнее Ладожского озера. Там в сентябре 1942 года ему оторвало взрывом мины правую ногу. На этом война для него закончилась. Вот что я узнал из рассказа бывшего солдата вермахта.

Родился он в 1924 году. Проживал в деревне Замс недалеко от Гамбурга. В 1939 году окончил школу, собирался стать автослесарем. В 1941 году Альвин Вибке записался добровольцем в армию, чтобы уйти из деревни. Молодой парень жаждал подвигов. В 1942 году его наконец призвали на военную службу и направили в 170-ю пехотную дивизию. 28 августа 1942 года вместе с другими необстрелянными солдатами он прибыл во Мгу под Ленинград.

За день до этого, 27 августа, началась Первая Ладожская битва. Так она классифицируется в немецких документах. В России она обозначается как одна из многочисленных Синявинских операций. 170-я дивизия практически с колес была брошена в сражение. До этого она участвовала во взятии Севастополя, где получила наименование Крымской.

29 августа Альвин Вибке, входивший в состав 401-го пехотного полка этой дивизии, был срочно направлен под Тортолово, где получил первое ранение, которое едва не стало

для него смертельным. Пуля, выпущенная русским автоматчиком по касательной, на излете ударила ему в правую часть груди. Его спас металлический опознавательный жетон, у которого пулей была отбита верхняя часть, а сама она, срикошетив, запуталась в одежде. Но удар был такой силы, что Вибке потерял сознание, получил контузию и был отправлен в Латвию на лечение, которое продолжалось две недели.

Описывая все это, бывший немецкий солдат улыбался. Затем достал из шкафа небольшую коробочку и бережно ее открыл. Там рядом с его орденами и знаками за рукопашный бой и ранение лежал тот самый опознавательный жетон и пуля, не достигшая его сердца. Он вынул их и показал мне, как она летела и куда затем попала. Расстегнул рубашку, и я увидел шрам на его груди. Подобные истории не раз приходилось слышать от наших солдат, но там пули или осколки чаще всего почему-то попадали в партийный или комсомольский билеты. А таких металлических жетонов, как у немцев, у нас не было. Их заменяли пластмассовые трубочки, внутри которых находились бумажки с адресами, а потом по приказу Сталина в конце 1942 года и они исчезли, поскольку уж слишком большими стали казаться тогда наши потери.

Всего этого я не стал рассказывать Альвину Вибке. Мне захотелось узнать побольше от него самого, в частности услышать историю его тяжелого ранения. А оно произошло спустя месяц, 21 сентября 1942 года. К тому времени судьба

Первого Ладожского сражения была уже решена. Немцам в конце концов удалось окружить наши части под Синявино и в районе Гайтолово. Туда они и подтянули тяжелую артиллерию. Затем, используя штурмовую авиацию, методично стали уничтожать в болотистых лесах остатки 4-го стрелкового корпуса генерал-майора Николая Гагена. Вокруг огневого мешка, образовавшегося в результате боев, создавались минные поля. Вдоль троп, проложенных рядом с ними, осуществлялось патрулирование. Вибке заступил на пост поздно вечером. По инструкции каждый патрульный должен был двигаться по лесной тропе на расстоянии не менее 10 метров от своего товарища на случай, если последует разрыв снаряда или мины. Идти нужно было строго по дорожке, внимательно смотря под ноги.

– Я так и делал, – рассказывал Вибке. – Как вдруг один из следовавших сзади солдат окликнул меня. Я повернул голову, машинально сделал шаг в правую сторону и наступил на мину. Тут же раздался взрыв. Карабин вырвало из рук, а сам я полетел на землю. Лежу на спине, правая нога выше колена оторвана, левая также сильно поранена. Сознание абсолютно ясное, и нет никакой боли. Видимо, наступил шок. Товарищи зовут меня, я хочу встать и не могу этого сделать. Они, как умели, перевязали меня, затем потащили на плащ-палатке. Как сейчас помню, была удивительная тишина, ни одного выстрела не раздавалось. Я подумал, что если разорвется еще одна мина, то всем нам придет конец. Принесли

меня на батальонный медицинский пункт, там положили на носилки. И тут начался страшный артиллерийский обстрел, русские произвели огневой налет. Чудом ни в кого из нас не попали. Затем меня положили в санитарный автомобиль, где нас было четверо тяжелораненых, и сто километров тряслись мы в направлении Гатчины по дороге с деревянным настилом, проложенной в болотах. В дороге раны сильно кровоточили, и я потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел солдата рядом с собой, он был донором и отдавал мне свою кровь.

– Не спросили его имя?

– Нет, но очень жалею до сих пор об этом, ведь он спас мне жизнь. Помню только серую военную форму, а как переливали кровь, это все смутно осталось в сознании. Когда голова прояснилась, почувствовал прилив сил, но моего спасителя уже не было. В октябре 1942 года меня доставили в Ригу. Я был самым молодым раненым в госпитале, и, может быть, поэтому ко мне относились особенно бережно.

– Каким было тогда ваше душевное состояние?

– Совсем неплохим, потому что я выжил. На фоне других, у которых не было глаз, рук или они страдали от тяжелых ранений в живот, я выглядел не так уж плохо. В тыловом госпитале в Травемюнде под Любеком мне дали не только костыли, но и инвалидную коляску, типа велосипеда на трех колесах.

Вибке открывает альбом и показывает фотографию, где

он изображен сидящим на этом приспособлении. Я бы назвал это чудом техники того времени, так как сразу же вспомнил наших инвалидов войны. Они не только в войну, но даже в конце 1950-х годов разъезжали на самодельных тележках, где вместо колес были обычные шарикоподшипники. Отталкивались они при этом деревянными палками.

– А что было с вашей левой ногой, ведь ее тоже искалечила та злосчастная мина?

– Забили в ногу огромный гвоздь, это было изобретением времен войны. С тех пор у меня всякий раз возникают проблемы, когда прохожу контроль, чтобы сесть в самолет. Приборы тут же начинают звенеть. Пришлось застаться специальным документом, удостоверяющим, что это не оружие, а обыкновенный железный штырь. После излечения моя левая нога была признана здоровой. Потому даже без правой своей конечности я еще некоторое время считался военнообязанным. Видимо, уже сказывался дефицит в солдатах вермахта. Руки были на месте, значит, я мог стрелять даже из инвалидной коляски. Все же летом 1943 года нашлись благоумные люди: меня признали негодным к военной службе. Вернулся я к себе в деревню, стал слесарничать. В мае 1945 года в Замс пришли англичане. При въезде в деревню их бронетранспортер налетел на мину. Озлобившись, англичане построили всех мужчин независимо от возраста и поставили на нас оружие. Мой вид инвалида на костылях, видимо, несколько отрезвил их, потому расстрел не состоялся.

До сих пор некоторые старожилы это вспоминают и говорят, что моя нога, вернее отсутствие ее, спасла им жизнь.

Вибке снова улыбается, вспоминая, как в тыловом госпитале в Травемюнде начальство устроило спортивные соревнования среди инвалидов. Он тогда занял первое место среди прыгунов в длину на одной ноге.

– Мы были тогда счастливы, что уцелели, и не замечали своего увечья, потому что находились в окружении таких же убогих. Мы стали единой семьей со своими горестями и радостями. Правда, сейчас, я все больше задумываюсь, ведь у меня украли жизнь полноценного человека. И ради чего? Возможно, поэтому через 60 лет я вновь поехал по местам боев под Ленинградом. Надо было вновь все прочувствовать и, наверное, уже и подвести итоги. Мне ведь осталось не так уж и много времени провести на этой земле.

– А что вам больше всего запомнилось в этой поездке по местам боев? – интересуюсь я.

– То, что посчастливилось совершенно случайно встретить бывшего русского солдата, который тоже хлебнул лиха на войне. Правда, слава богу, руки и ноги у него были на месте. Он стал после войны художником и теперь как раз оформлял декорацию в музее-диораме «Прорыв блокады Ленинграда» на правом берегу Невы у города Кировска. Когда он узнал, что я воевал здесь, то пригласил спуститься к нему прямо в декоративную траншею, и мы сфотографировались, да еще и руки пожали друг другу. Теперь эта фо-

тография хранится у меня дома на видном месте, как напоминание о войне и о послевоенном мирном времени.

«Маленький Кваст»

В 2004 году немецкий писатель Хассо Стахов обратился ко мне с необычной просьбой. Переиздавался его военный роман «Маленький Кваст». Это была автобиографическая история о солдате немецкой 18-й армии, воевавшем под Ленинградом. Стахов хотел, чтобы предисловие к новому изданию романа написал Даниил Гранин, автор «Блокадной книги», сражавшийся против немцев в народном ополчении у стен Ленинграда.

Просьба эта, признаюсь, поставила меня в тупик. Я сразу же решил, что она несбыточна, в первую очередь потому, что этот роман никогда прежде не издавался на русском языке. В Европе, Америке его хорошо знают с 1980-х годов, именно тогда он вызвал большой международный резонанс своей антивоенной направленностью. Но в Советском Союзе он был невозможен, поскольку автор был из капиталистической Западной Германии и явно не посыпал голову пеплом, описывая боевые действия под Ленинградом, то есть не раскаивался. Книга была направлена против войны, но она одновременно защищала немецкого солдата, ставшего инструментом преступной политики Гитлера. Более того, Стахов заявлял, что выполнял свой солдатский долг до конца: сначала в силу убеждения в правоте приказа, а затем просто потому, что этот приказ никто не отменял. Хотя Советского

Союза уже не было почти пятнадцать лет, тем не менее представление о немецких солдатах как о фашистах еще прочно сидело в головах россиян, в первую очередь людей старшего поколения. Для перевода книги Стахова на русский язык время еще не пришло.

Но была и еще одна причина чисто технического характера. Как мог Гранин написать предисловие к книге, которую он не читал, да и прочесть не мог, поскольку не владел в достаточной степени немецким языком?

Я попытался было довести все эти доводы до Хассо Стахова, но тот упорно настаивал на своем. Мнение Даниила Гранина было для него определяющим, потому что он знал и высоко ценил творчество классика современной русской литературы. На рассказ Гранина «Пленные» Стахов ссылался в другой своей книге «Трагедия на Неве».

Возможно, я бы так и не уступил просьбе Стахова, но он сразил меня рассказом о том, как пришел к написанию романа «Маленький Кваст». В 1970-х годах Стахов выступал в одной из вузовских аудиторий Германии. Все шло хорошо до того момента, пока разговор со студентами не коснулся войны. Немецкая молодежь к тому времени была сильно наэлектризована идеей искупления вины за преступления военного поколения. В памяти у всех немцев незабываемым оставался акт покаяния Вилли Брандта в 1970 году перед евреями. Канцлер Германии встал тогда на колени у стен бывшего Варшавского гетто. Многие писатели, такие как Гюн-

тер Грасс, эту идею покаяния активно подняли на щит в своих произведениях. Поколение отцов стали напрямую называть преступным. Поэтому студенты с ходу задали Стахову вопрос, какого года рождения он был. Стахов ответил: 1924 года. После этого между ним и аудиторией возникла стена враждебности. Не помогали никакие аргументы. Студенты не желали его слушать. Для них он являлся солдатом-нацистом.

Тогда Стахов решил ответить им книгой. Так возник роман «Маленький Кваст». Этот аргумент стал для меня определяющим, поскольку роман я читал и был под большим впечатлением от него.

Даниилу Александровичу звонил я в этот раз без особого на то желания. Почему-то был убежден, что он меня отбреет, сказав, что само по себе предложение нелепое. Но в очередной раз Гранин изумил меня своей непредсказуемостью. Просто сказал: «Приезжайте и расскажите мне об этой книге». Теперь уже Гранин поставил меня в тупик своим предложением. Как можно пересказать книгу за какой-то час? А вдруг я что-то в ней не так понял и навяжу свое ошибочное восприятие известному писателю. Надо было как-то выходить из этой щекотливой ситуации. Решил еще раз перечитать роман уже с карандашом в руке и постараться найти в нем наиболее значимые места. Перевел два интересных эпизода и был готов вручить их Гранину.

Тут необходимо одно отступление. Думаю, со мною со-

гласяся те, кто имел счастье гулять с Даниилом Граниным (именно так я бы хотел определить это чувство). Я специально употребляю слово «гулять», так как именно его особенно вкусно выговаривает Гранин в таких случаях. Это его слово. Для меня такие прогулки с ним – это одновременно наслаждение и мучение. Первое – это радостное чувство от общения с большим человеком. С другой стороны, он буквально выворачивает тебя наизнанку своими вопросами, и ты, сам того не осознавая, раскрываешься перед ним в том аспекте, который ему необходим на данный момент.

В этот раз Гранин прогулял меня до галантерейного магазина в сторону крейсера «Авроры». Петроградская сторона, где он живет уже многие годы, – одно из любимых мест его Петербурга. Большинство из нас ходят по этим улицам, не замечая их очарования. Гранин гуляет с наслаждением, радуясь общению с любимым городом. И это чувство, когда идешь вместе с ним, передается также и тебе. Во всяком случае, со мною так бывало всегда. За те полчаса, что мы шли до магазина то ли за рубашкой, то ли за носками (точно не помню, знаю, что ничего Гранин так и не купил), он терпеливо, не прерывая меня ни словом, выслушал мой рассказ о «Маленьком Квасте». На обратном пути говорил уже он, но на другие темы. С романом было покончено. Прощаясь, перед его домом я передал ему несколько листков с двумя переведенными эпизодами. На том с ним и расстался, так и не получив ответа на просьбу Стахова. Я понимал, что, ви-

димо, мой рассказ не впечатлил Даниила Александровича, поэтому надежда оставалась только на то, что эпизоды заинтересуют его. Вот что в них было.

Эпизод первый.

Однажды после обеда Хеберле отдал распоряжение: «Через час пьянка. Форма одежды – белый смокинг ценителя спиртного».

Это означало, что они должны были вывернуть на грязно-белую сторону свои маскхалаты. Были открыты банки сардин, нарезан хлеб и сало. На стол поставлены персики, вымоченные в водке, а также дьявольский напиток под названием «Яд из дремучего леса».

В качестве гостей был приглашен обер-ефрейтор Михель, «поскольку он образцово научил ефрейтора Кваста стрелять из пулемета МГ-34, и тому удалось подавить пулеметное гнездо русских». Кроме него, был приглашен один из разведчиков второй роты в награду за его донесение о том, что «благодаря разведданным группы перехвата телефонных переговоров уцелело не менее полуроты солдат». Пригласили еще и двух переводчиков. Хассель сам лично разнес и вручил эти приглашения.

Ближе к вечеру все сели за стол. Начало было положено стаканом водки. Затем Хеберле открыл так называемое «слушание Дела». Сначала были распределены роли: Хеберле был судьей, Хассель и Занд – присяжными, Хапф – обвинителем, а Кваст – защитником. Переводчики выступали

свидетелями, а гости – публикой. Обвиняемый отсутствовал. Это был русский Иван. Причина его отсутствия была признана уважительной: «вследствие труднопреодолимых условий местности». Его интересы представлял Кваст.

Обвинение гласило: Иван преднамеренно мешает пребыванию на свежем воздухе в летнее время. Он препятствует приему пищи в установленные часы, легкомысленно обращаясь при этом со своим оружием. Он производит бессмысленный шум. Коварно использует дьявольскую силу десятков миллионов большевистских комаров, которые в летнюю пору посягают на самое ценное, что только есть в мире: на немецкую кровь!

Чем больше было выпито, тем бессмысленнее становились изречения, которые во всю силу своих легких выкрикивали представители болотной юстиции. Аргументы Кваста в оправдание действий русских воспринимались обвинителем как государственная измена. Публика и присяжные почти падали со скамеек от смеха и восторга. Хеберле с ревом напал на Хапфа: «Если вы и дальше будете так неуклюже выдвигать свои обвинения, то я оправдаю Ивана, и мы все пойдем домой!» На это фельдфебель еле разборчиво лепетал: «Это хорошо. Так ли нам нужен этот Ленинград? Давайте спросим честно, что мы вообще забыли в этой России?» Занд наставительно заметил: «Водку!»

Хеберле набросился с упреками на Кваста: «При чем тут Бисмарк? Вы прибегаете к пропагандистским лозунгам в за-

щиту Красной армии, вы комиссар!» А Хассель угрожающе воскликнул: «Что подумает о вас фюрер, товарищ Квастов?» Михель заорал: «Я не вижу никакого фюрера. Кто-нибудь видит здесь фюрера? Я полагаю, что он-то как раз ищет свою, одному ему нужную войну. Но даже в самом дерьмовом месте он не сможет ее отыскать!» Ливен закричал: «Ты хочешь сказать, что он ее потерял? Так ведь получается, если он не может ее найти». На это Михель возразил: «Я? Это сказал ты сам своим языком без костей! Ребята, дайте Ливену что-нибудь выпить, пока глотка у него еще работает!»

Наконец Хеберле вынес решение относительно Ивана: «Наш собрат по болотной жизни приговаривается к запрету на стрельбу. Он должен немедленно представить нам своих телефонисток!» С этими словами Хеберле, качаясь, поднялся, криво нахлобучил на голову пилотку и, пробурчав: «Я скажу ему это сам», вывалился за дверь.

Кваст быстро бросил изумленной пьяной компании: «Так мы его здесь враз потеряем, если вовремя не остановим!» Шатаясь, они вывалились друг за другом наружу. Хеберле взобрался на крышу блиндажа. Теперь он стоял там, выпрямившись, с расставленными руками и собирался начать речь. Хассель и Кваст рванули его за ноги. Как мешок он свалился в проход. С улюлюканьем один за другим они попадали вслед за ним в узкую траншею. И в то же самое время по меньшей мере три пулемета открыли по ним огонь. Икая, Хеберле пробормотал: «Иван нарушил правила игры.

Полное бескультурье!»

Эпизод второй.

Перед входом на пост охранения из грязи торчит высокий пенёк. Раздатчик еды, неотесанный, глуповатый парень бросает на него термос с едой и открывает крышку. На дне лежат порции бутербродов с тонким слоем маргарина, но зато на них положена толщиной в палец бледно-розовая «резиновая» колбаса. Раздатчик кричит: «Можно брать по три порции. Теперь еды хватит на всех».

Кваст чувствует растущую тошноту и ярость. Не потому, что этот парень с таким циничным равнодушием воспринимает потери последних часов. И не из-за того, что эта еда не вызывает у него аппетита.

Но всего лишь в нескольких метрах от пня, раскинув руки, лежит убитый солдат из русской штурмовой роты, которой удалось прорваться до самой железнодорожной насыпи, где она все-таки была остановлена убийственным огнем оборонявшихся немецких солдат. Гренадеры обороняли насыпь, ведя огонь из замаскированных амбразур, устроенных в лесных укрытиях.

Кваст медленно отодвигает в сторону кусок «резиновой» колбасы и в оцепенении смотрит на русского. Перед ним лежит юноша с прекрасным утонченным профилем. Светлые густые волосы покрыты запекшейся кровью. Тонкий нос кажется прозрачным. Пустые глаза направлены на розовато-синее вечернее небо, по которому медленно плывут белые

облака, напоминающие своими очертаниями корабли. Узкие детские пальчики все еще судорожно охватывают винтовку с грубо обтесанным прикладом. Жук осторожно, на ощупь, пробирается через бледно-желтую ушную раковину. Верхняя губа немного приподнята. Квасту кажется, что он ощущает то упоение, которое испытывал юноша в момент броска через насыпь. Гордость от чувства, что он первым прорвется к немецким позициям. Ужас в тот момент, когда он внезапно осознал, что вместе с другими своими товарищами попадет под перекрестный огонь. В последний миг понимание предстоящей смерти.

Кваст видит себя самого, лежащего там. Он думает: русский выглядит как любой из моих одноклассников, так, будто я вместе с ним ходил в школу, и мы вместе играли в футбол. Кроме военной формы, нас ничего больше не отличает.

Русских называют недочеловеками. «Те, кто сейчас сидят в Германии, не имеют об этом ни малейшего представления», – продолжает размышлять Кваст. Его охватывает горечь, к которой примешивается злость. И когда он, стиснув зубы, идет к себе в блиндаж и молча садится у стены, то не может избавиться от мучительного вопроса: а правильно ли он все оценивает? Погибший русский юноша ему намного ближе, чем такое дерьмо, как полковник Гайершнабель, обер-лейтенант Эльберг, штабс-вахтмейстер Шак или гаупт-вахтмейстер Бригель.

Граница понимания всего этого находится не на переднем

крае боевых действий. Реальная граница проходит совсем в другом месте.

Через несколько дней раздался телефонный звонок. Гранин, как всегда, был конкретен: «Приезжайте, я подготовил предисловие». По своей военной привычке ехал я на эту встречу подготовленным. Взял с собой не только бумагу для записи, но и диктофон. Как оказалось, не зря. Даниил Александрович сразу же приступил к делу. Никакого текста не было. Гранин просто размышлял вслух.

По существу, он вел беседу, но не со мной, а со Стаховым. Это был их разговор, в котором мне была отведена роль стенографиста и переводчика. Вот что сказал солдат Второй мировой войны своему бывшему недругу и сегодняшнему соратнику-гуманисту по писательскому ремеслу:

«Воспоминаний немецких солдат о Второй мировой войне написано множество. Среди них есть книги и тех, кто участвовал в блокаде Ленинграда: кто стрелял по городу и кто бомбил его в течение 1941–1944 годов.

Книга Хассо Г. Стахова «Маленький Кваст» была для меня особенно интересной, потому что он воевал примерно на том же участке фронта, что и я, но с другой стороны.

Но не это главное. Признаюсь, что я и до Стахова встречал и в литературе, да и в жизни немцев, которые стояли напротив наших позиций, стреляли в нас так же, как и мы в них.

Книга Стахова была для меня замечательной не просто этим совпадением. Пожалуй, впервые я столкнулся с тем,

что немецкий солдат, который был для меня мишенью, всего лишь врагом, оказался к тому же и человеком. Он размышляет, старается понять, что это за война, зачем она нужна, в том числе и лично ему. Там, на той стороне, тоже смеются, отпускают шутки по поводу Ивана, как и мы шутили по поводу Фрица. Мерзнут до обморожений, пишут письма, ждут их от родных и близких.

Чем дальше читаешь, тем больше это сходство завораживает. Сейчас, спустя 60 лет после той войны, может быть, это открытие покажется не столь уже большим откровением. Но в нашей советской и постсоветской литературе мы никогда не пытались увидеть в немецком солдате человеческое существо, столь схожее с нами. Те же чувства, те же невзгоды и ту же страдающую плоть.

Может быть, еще лет тридцать назад я бы не воспринял подобный рассказ так, как воспринимаю сегодня. Это не примирение, это, скорее, понимание. И еще это узнавание. Через героя книги я вспоминаю и себя, узнаю и свои фронтовые будни.

Отчасти, конечно, чудо, что мы оба, рядовые солдаты, выжили, уцелели в этой мясорубке.

Именно солдатское мировосприятие той войны под Ленинградом для меня особенно важно. Рядовой солдат, такой же, как и я, зачастую вынужденный служить лишь пушечным мясом, – это сходство особенно удивляет. Конечно, при всей непримиримости, во всяком случае моей, к тем оккупантам,

которые обрекали Ленинград на голодную смерть.

Оказывается, у немецких солдат были жены, матери, была любовь, тоска. Там были не только нацисты. Там были жертвы. Они погибали так же, как умирали мои однополчане, так же в ужасе прижимались к земле во время артиллерийских обстрелов. Пусть к чужой земле, но ища у нее защиты.

Стахов был добровольцем, так же как и я. У нас была разная идеология. Но если бы нас обоих убило, наши кости одинаково гнили бы под Ленинградом.

Наверное, наш страх и ужас перед летящим снарядом был тоже одинаков.

Я думаю, что такие книги, как «Маленький Кваст», нужны и сегодня. В них дорого общечеловеческое начало. И тот давний вывод, который никак не может усвоить человечество: захватнические войны – бессмысленны».

В 2005 году роман «Маленький Кваст» вновь появился на прилавках книжных магазинов Германии. На этот раз с предисловием русского писателя-фронтовика. Может быть, со временем он будет полностью переведен и издан на русском языке. Этого бы очень хотелось.

На войне бывает и такое

Работа в петербургском центре «Примирение» была мне дорога еще и потому, что зачастую приносила приятные сюрпризы. Нередко это были истории, связанные с проявлением человечности людьми в солдатских шинелях. Может быть, войны в конце концов и прекращаются потому, что люди не расчеловечиваются даже в самых суровых условиях. Такого рода истории мне до сих пор приходится выслушивать и получать в виде писем от бывших солдат по обе стороны фронта, от родственников погибших, от жителей, находившихся на оккупированных территориях. Меня особенно обрадовало письмо, присланное бывшим немецким солдатом Гейнцем Йенеке. В нем он рассказал о крестинах русской девочки в подвале церкви в Урицке под Ленинградом осенью 1941 года.

Вот как это случилось. В середине сентября 1941 года наступление немецких войск на Ленинград захлебнулось. 16 сентября, как вспоминает бывший связист Йенеке, в подвале местной церкви в Урицке в юго-западном предместье Ленинграда был оборудован командный пункт одного из полков 58-й немецкой пехотной дивизии. После ожесточенных боев наконец наступило затишье. Остатки русского местного населения ютились поблизости в вырытых щелях на своих приусадебных участках. В один из дней командиру пол-

ка полковнику фон Девитцу доложили, что в одном из таких укрытий молодая русская женщина произвела на свет младенца. Полковник не лишен был юмора, отреагировав на это словами: «Всего неделю под Ленинградом – и уже первое солдатское дитя». Тем не менее он распорядился выделить отдельный угол в подвале, отгородив его плащ-палаткой для матери и ребенка.

До прихода врача кто-то, бегло взглянув на младенца, констатировал, что родился мальчик. Так как полковник был наречен при крещении Станиславом и взял на себя опеку, то было решено этим же именем назвать и ребенка. Однако подошедший к тому времени полковой врач констатировал, что родилась девочка, которую дивизионный лютеранский священник затем окрестил именем Станислава. Все это Йенке наблюдал издали, сидя в подвале у своей радиостанции.

Через некоторое время мать с ребенком отправили в безопасное место в Красное Село, а полковник фон Девитц вплоть до своего откомандирования уже в звании генерала в Венгрию постоянно интересовался судьбой своей крестницы. Сегодня Станиславе, если бы она благополучно пережила войну, могло бы быть уже за 70 лет. Фон Девитц дожил только до 56 лет, умерев в русском плену под Воркутой. На этом можно было бы поставить точку, если бы не волновал вопрос: а вдруг Станислава живет до сих пор? Где она, как сложилась ее судьба? Знает ли она, кто дал ей такую своеобразную путевку в жизнь?

В конце своего письма Гейнц Йенеке написал мне: «Большинство из моих боевых товарищей заплатили жизнью за войну против вашей Родины. Теперь они получили право на достойное упокоение на солдатском кладбище в деревне Солгубовка под Санкт-Петербургом. Благодарю вас и всех ваших земляков за помощь в создании этого кладбища. Могут лишь представить, насколько тяжело было это осуществить».

Мне же в свою очередь захотелось выразить признательность Гейнцу Йенеке и его сослуживцам, которые в суровых военных условиях проявили человечность. Потому я и решил рассказать эту историю.

Не судите...

Почему они лежат рядом, мне было понятно. На воинских кладбищах однополчане всегда покоятся бок о бок. Эти два солдата, судя по всему, были из одной воинской части. Не укладывалось в голове другое: почему они не были врагами, ведь один из них немец, а другой – русский. Они обязаны были воевать по разным сторонам фронта.

В эту поездку по Германии меня откомандировал Совет ветеранов Санкт-Петербурга. Мне поручили узнать, в каком состоянии находятся там захоронения советских солдат. Акция называлась «Цветок на русскую могилу». Проехал я всю Германию с севера на юг. Посетил и крупнейшие в Западной Германии советские воинские мемориалы в Штукенброкке и Берген-Бельзене. В войну это были лагеря военнопленных. Десятки тысяч советских солдат сгинули в лагерных печах. Побывал также и на крохотных солдатских захоронениях, устроенных прямо на городских кладбищах. Советским людям, погибшим в неволе, там отведены отдельные участки, за которыми ухаживают городские власти.

В Германии огромное количество немецких и иностранных воинских кладбищ. Куда ни кинь взгляд, везде солдатские погосты, начиная от наполеоновских войн до наших дней. В центре Ганновера, к примеру, до сих пор сохраняется могила казака Еремеева. Он похоронен был у местной кирхи

в 1813 году, когда Россия победоносно гнала войска Наполеона к Парижу. Немцы, показывая могилу русского казака, всегда подчеркивают, что в этот период войска Кутузова и Блюхера были союзниками.

На крупном воинском захоронении Гамбурга в городском районе Ольсдорф могилы советских и немецких солдат разделены кладбищенскими участками. Границами между ними являются небольшие дорожки. Когда видишь их рядом, это производит впечатление. Уход за всеми солдатскими могилами одинаков: везде прибрано, дорожки подметены, памятные надгробия имеют четкие надписи. Невольно возникает ощущение, что сделано это для сохранения памяти. Погибшие солдаты здесь уже не враги, а жертвы войны. Их всех примирила смерть. Воинские захоронения являются назиданием потомкам: это своеобразная прививка от войны.

Такие мысли крутились в моей голове, когда я шел вместе со знакомым немецким ветераном войны по городскому кладбищу курортного городка Бад-Липпшпринге недалеко от Ганновера. Случайно бросив взгляд вправо, я увидел два одинаковых надгробия в форме старинного немецкого Железного креста. Этим орденом традиционно со времен битвы под Кульмом в 1807 году награждали немецких солдат. Этот обычай сохранялся и в последнюю войну. Под одним из крестов покоился обер-ефрейтор Иоганн Циммер. Надпись свидетельствовала, что происходил он из Нидерштедена. Другое надгробие принадлежало русскому человеку, ря-

довому Анатолию Максимову. Место рождения моего соотечественника указано не было. Они были ровесниками, и оба погибли в цветущем возрасте. Не дотянули даже до четверти века. Глядя на эти две могилы, я вдруг задумался над тем, насколько все сложно и запутанно было в той далекой уже для нас войне. Невольно возник вопрос: почему этот русский человек воевал на стороне противника?

Отчего Иоганн Циммер надел форму солдата вермахта, понятно: он немец. А вот зачем Анатолий Максимов облачился в немецкое обмундирование? На этот вопрос, видимо, уже никогда не будет ответа. Ясно лишь одно: весной 1945 года он погиб в немецком мундире. Вместе с другими солдатами вермахта он отражал наступление британских войск на небольшой курортный городок Бад-Липпшпринге юго-западнее Ганновера.

Вернувшись в Россию, я не раз брал в руки эту фотографию, не отпускала она меня. Что-то говорило: должно быть объяснение всему этому. Возникали новые вопросы. Как Максимов оказался в Германии? Живы ли его родственники? Знала ли его мать, что он надел форму врага? Знают ли об этом его родственники, родившиеся уже после войны? Или же он для них числится пропавшим без вести советским солдатом? И наконец, самый главный вопрос: какова тяжесть вины его за предательство своей родины?

Кажется, я все же нашел ответ на этот главный вопрос. До меня его тысячелетиями искали и находили люди разных

национальностей. Кто-то раньше, кто-то потом приходил к пониманию: «Не судите, да не судимы будете».

Несостоявшийся расстрел

Вот история, которую я узнал от бывшего немецкого солдата Михаэля Загера. «В конце ноября 1942 года мы ждали, когда последует приказ на выдвижение к линии фронта. Уже несколько дней я отдыхал в обозе нашей роты в станице Нефтяная на Северном Кавказе. Наше пулеметное отделение также ждало, к какой из рот мы будем теперь приданы.

Как вдруг после полудня передо мной внезапно возник унтер-офицер Эрнст Шмид. Рядом с ним стояли двое пленных русских в военной форме. Унтер-офицер приказал мне: «Ефрейтор Загер! Следуйте за мной. Нам велено расстрелять этих русских». Помимо меня, Шмид отрядил еще одного солдата-обозника. Быстро собравшись, мы вышли из станицы. Кандидаты на тот свет следовали перед нами, держа в руках лопаты и кирки, взятые в станице у местных жителей.

Был прекрасный солнечный ноябрьский день. В моей голове непрестанно вертелись мысли: как избежать всего этого и объяснить унтер-офицеру, что я не хочу в этом участвовать. Вначале мы шли молча, как вдруг унтер-офицер сказал: «Мы не станем их расстреливать. Дадим им возможность убежать». Для меня эти слова были огромным облегчением, будто гора упала с плеч.

У опушки леса мы остановились. На лицах пленных читался ужас. Жестикулируя, мы дали им понять, что они

должны копать в этом месте яму. Но после того, как последует команда «Огонь» и мы выстрелим в воздух, они должны будут броситься в сторону леса. Не знаю, поверили ли этому пленные. Что думали они в тот момент, роя себе могилу? Какой смертельный страх должны были при этом испытывать? Нам это было неизвестно.

Но мы ведь и сами были в опасности. Мы обязаны были заставить их рыть эту могилу. Наши выстрелы должны были быть услышаны в станице. Это следовало сделать после того, как вырыли бы яму те, кого мы должны были расстрелять. Иначе возникло бы подозрение в том, что мы не выполнили приказ. Так оно и случилось. После того как яма была вырыта, мы выстрелили в воздух из карабинов, а унтер-офицер добавил еще очередь из своего пистолета-пулемета. Несколько секунд русские в ужасе смотрели на нас, после чего побросали свои инструменты и со всех ног кинулись в лес.

Некоторое время мы еще стояли у этого места. Если кто-либо думает, что мы в тот момент рассуждали о том, что означает невыполнение приказа в данной ситуации, дискутировали о Женевской конвенции по вопросам ведения войн, тот ошибается. Мне было тогда чуть больше двадцати лет, и обо всех таких высоких материях я тогда и не помышлял. В той ситуации мы поступили так, как нам подсказывала совесть: «Преступно убивать безоружных людей». Мой товарищ-обозник и я действительно были счастливы оттого, что

унтер-офицер Шмид придерживался такого же мнения.

Сегодня я вспоминаю об этом событии в связи с выставкой «Преступления вермахта 1941–1945», которая недавно была организована в Германии и вызвала большие споры. Посетив ее, я убедился, что далеко не все солдаты поступали в подобных ситуациях так, как мы это сделали в станице Нефтяная. Но упаси меня бог быть судьей людям в их поступках!

Мне хотелось бы завершить этот рассказ. Склон горы, где имитировался расстрел, был покрыт перелеском, в эту пору поздней осени там лежало много листвы. Мы сгребли ее в кучу и ссыпали в вырытую яму, затем утрамбовали. После чего покинули место несостоявшейся казни. В станице никто не стал нас о ней расспрашивать, в том числе и офицеры, отдавшие приказ на экзекуцию.

С того случая на Кавказе прошло уже очень много лет, но я все не могу забыть станицу Нефтяную. Время от времени снова задумываюсь над тем, как сложилась судьба пленных русских солдат, которым мы позволили убежать? Удалось ли им пережить ужасную войну или же смерть настигла их в конце концов? Как поступили бы они с немецкими солдатами, если бы с ними случилось подобное? Может быть, помня о человеческом отношении к ним, они тоже спасли бы жизнь своим врагам?»

Этот рассказ я взял из книги Михаэля Загера на немецком языке «Юность, перемолотая войной», которую он прислал

мне в Петербург. В письме, приложенном к посылке, он написал: «Я подарил себе эту книгу в 2001 году на 80-летие. Это мое собственное издание».

Михаэль Загер попросил меня честно высказать мнение о ее содержании, в том числе и критику. Я охотно это сделал. Свое мнение я выразил несколькими словами: «Спасибо Вам, уважаемый господин Загер, за Вашу человечность!»

Обед с Гюнтером Грассом

Если бы мне сказали, что буду приглашен на обед с лауреатом Нобелевской премии, немецким писателем Гюнтером Грассом, я бы воспринял это как шутку. Тем не менее прошедшая встреча отложилась в голове достаточно отчетливо, да и желудок подтверждает, что я недавно плотно поел. Поэтому спешу по горячим следам поделиться своими впечатлениями.

Началось все с того, что мой хороший приятель, писатель Николай Прокудин, сообщил, что в Санкт-Петербург приехал Гюнтер Грасс. Вместе с нашим питерским классиком Даниилом Граниным он должен был провести семинар для молодых литераторов из России и Германии. Хотя по возрасту я уже далеко не молодой человек, тем не менее решил тоже подключиться к данному мероприятию.

Грасс уже несколько лет притягивает меня к себе как автор романа «Траектория краба», рассказывающего о катастрофе немецкого лайнера «Вильгельм Густлоф». Тот был потоплен в январе 1945 года нашей советской подводной лодкой под командованием Александра Маринеско. Под впечатлением романа, который мне удалось прочитать на немецком языке сразу же после выхода в 2002 году, я еще больше углубился в тему «атаки века», как у нас называют это событие. Стал искать немецкий перевод английской кни-

ги «Ужасная ночь», на которую в своем романе как раз и ссылался Гюнтер Грасс. Английская книжка увлекла меня своим построением в духе детективного жанра, а также явной симпатией к советским подводникам, союзниками которых в войну были англичане. Маринеско в ней был назван дословно «бриллиантовым командиром подводной лодки». Это выражение мне настолько понравилось, что я его так и перенес в русскую версию этой книги, которая вышла в 2005 году в моем переводе в издательском доме «Нева» под названием «Правда о Вильгельме Густлофе».

И вот теперь появилась возможность не только увидеть классика современной немецкой литературы, но и подарить ему русское издание той самой английской книги. Не откладывая дела в долгий ящик, я тут же сочинил письмо директору Института Гете в Санкт-Петербурге доктору Ральфу Эппенедеру, попросив его содействовать такой встрече. Рассчитывал самое большее на несколько минут общения. И вдруг получил известие, что Институт Гете приглашает меня на обед с Гюнтером Грассом в перерыве между занятиями семинара. Думаю, что эти 60 минут общения с живым немецким классиком никогда не забуду. Не сомневаюсь, что утомил его своим напором и расспросами, но делал я это сознательно. Ведь такой шанс бывает раз в жизни, и негоже было его упускать. Я обязан был прояснить для себя то, что вызвало у меня вопросы и недопонимание в теме «Маринеско против Густлофа». Именно с таким названием мне хо-

чется подготовить собственную книгу. Материала на базе наших и немецких источников собрано уже много, причем в основном нигде не опубликованного. С фактографической точки зрения многое уже достаточно ясно, но все более интересной становится тема философского осмысления эпизода, случившегося январской ночью в водах Балтийского моря. Хочется понять, где проходит грань между подвигом и трагедией. У нас потопление «Вильгельма Густлофа» с советских времен однозначно классифицируется как подвиг. Правда, упор при этом делается на уничтожении фашистских подводников и опускается факт присутствия на корабле немецких беженцев, а их, как недавно было установлено, погибло девять с лишним тысяч человек. В основном это были женщины и дети. В Германии гибель лайнера считается самой крупной человеческой трагедией на море, превосходящей катастрофу «Титаника» в шесть раз.

Ясного ответа от Гюнтера Грасса я так, правда, и не добился. Однако услышал из его уст слово, которого мне не хватало для осмысления отношения немецкого писателя к личности Маринеско. По-немецки прозвучало *unbequem*, то есть – «неудобный», «мешающий» и даже «неудобный». Характеризуя других персонажей своего романа «Траектория краба», вокруг которых он выстроил сюжетную линию, а именно нацистского функционера в Швейцарии Вильгельма Густлофа и его убийцу – еврейского студента Давида Франкфуртера, Грасс без тени сомнения назвал их «фанатиками». А вот

Маринеско оказался для него более сложной фигурой – он ему неудобен и непонятен. Если перенестись в сегодняшнее время, то характеристика Грасса без помех может распространяться на среднестатистического россиянина. Мы, русские, непонятны тем, кто в Европе. Мы неудобны, мешаем своим присутствием, а потому чужды и подчас даже неуютны. За это нас чаще всего и не жалуют там, а проще говоря, не любят. Но никуда не денешься, с Россией приходится считаться.

Писатель Гюнтер Грасс разглядел в Маринеско эти истинно русские черты со всеми их достоинствами и слабостями. Дискутировать на эту тему с Грассом я не стал. Мне важно было услышать его мнение, и я его услышал. Грасс добавил еще одну фразу, которая окончательно расставила точки над «и». Он назвал Вильгельма Густлофа, Давида Франкфуртера и Александра Маринеско «детьми своего времени». По его мнению, они воплотили в себе ту эпоху, в которой сформировались как личности. Поэтому и отношение к ним должно определяться с точки зрения понимания особенностей того времени, в котором они жили.

Когда я показал Грассу фотографию, сделанную мною у двери здания молодежной турбазы в Шверине, там, где когда-то было место погребения Вильгельма Густлофа и его сподвижников-нацистов, то писатель улыбнулся, а потом сказал, что сам там специально побывал, чтобы убедиться в подлинности событий. Для меня же эта фотография име-

ла принципиальное значение, так как в романе «Траектория краба» писатель зачем-то с мельчайшими подробностями стал описывать табличку на дверях этого здания, рассказывая о том, что она висела криво и напечатано на ней было то, что турбаза с 9 до 16 часов закрыта. Интуитивно я почувствовал, что ему это для чего-то было нужно, но подлинная причина открылась лишь тогда, когда я сам оказался у дверей немецкой турбазы. Все соответствовало написанному. Единственным отличием было то, что табличка висела теперь аккуратно. Видимо, дирекция турбазы тоже прочитала роман Грасса. Это характерный для немецкого писателя прием демонстрации достоверности того, о чем он повествует.

Мне было интересно мнение Гюнтера Грасса о недавно прошедшем по западногерманскому телевидению двухсерийном художественном фильме «Вильгельм Густлоф». Оказалось, писатель не стал смотреть его из принципиальных соображений. Одиссея «Густлофа», по его словам, – это не «лавстори», а в первую очередь трагедия, и именно так ее нужно было показывать на экране. Я заметил на это, что его роман «Траектория краба» был бы в данном смысле очень выигрышным. Со временем, может быть, найдется достойный режиссер для экранизации этого произведения.

Пальменикенский холокост

О поселке Янтарный слышали, наверное, многие. Название говорит само за себя. В пятидесяти километрах от Калининграда, на побережье Балтийского моря, находится самое крупное в мире месторождение янтаря. Отдыхающие собирают его под шум прибоя на береговой полосе. Местные жители охотятся за более крупными экземплярами у очистных сооружений производственного комбината.

Для меня Янтарный, кроме всего прочего, является местом моего рождения. Прожил я там всего два года, потом в восемнадцатилетнем возрасте еще раз приехал на день, и все. Думал, что никогда уже там не побываю.

Но история, которую узнал не так давно, как магнитом стала притягивать меня к Янтарному. Рассказал ее мой хороший знакомый, писатель Арно Зурмински из Гамбурга. В бывшей Восточной Пруссии этот населенный пункт назывался Пальменикен. В войну он стал еще одним холокостом. Поздним вечером 31 января 1945 года эсэсовцы уничтожили здесь свыше 2 тысяч еврейских женщин – узниц гетто.

С приближением Красной армии к границам рейха нацисты стали замечать следы своих преступлений. Из концлагеря Освенцим около 6 тысяч узниц польского и венгерского происхождения вначале переправили в Кенигсберг, а затем пешком 50 километров, полураздетыми, по снегу погна-

ли в Пальмникен. Ослабевших и больных женщин охранники добивали выстрелами. Меньше половины выдержали «марш смерти». Но и оставшихся узниц ждал трагический конец. Их решено было умертвить в заброшенной штольне, где раньше добывался янтарь. По ряду причин осуществить это не удалось. И тогда колонну погнали вдоль побережья Балтийского моря на юг. Отойдя несколько километров от Пальмникена, эсэсовцы стали загонять узниц группами по 50 человек в ледяную морскую воду, а затем добивали их выстрелами из автоматов. Выжили лишь тринадцать человек.

Именно они сообщили об этом преступлении, когда в середине апреля 32-я стрелковая дивизия Красной армии заняла Пальмникен. Свидетельства очевидцев преступления нацистов были запротоколированы. Найденные тела узниц были захоронены недалеко от прибрежной полосы, а затем на долгие годы все забылось.

В начале 1960-х годов местные комсомольцы наткнулись в ходе поисковых работ вблизи побережья на останки людей. Они решили, что это солдаты Красной армии, погибшие в боях за Пальмникен. На памятнике, который вскоре был воздвигнут, так и написали: «Вечная слава героям». А еще через 30 лет после падения железного занавеса в Янтарном объявился самый главный свидетель, Мартин Бергау. Он привез свою книгу «Парень с Янтарного берега». В ней признался, как в составе отряда немецких юнцов из «гитлерюгенда» в январскую ночь 1945 года искал недобитых выстрелами уз-

ниц. Приведенные в его книге факты, подтверждавшие, что собранные ранее останки принадлежали узникам концлагерей, были доведены до администрации Янтарного. Показания немца выглядели настолько убедительными, что им при всем желании трудно было противопоставить что-то другое. Возникла неловкая ситуация. Непонятно стало, кому теперь следовало возлагать цветы: родным советским солдатам, как героям, или иностранным еврейским женщинам, как жертвам холокоста. Так этот памятник во славу героев, под которым лежат жертвы войны, и стоит сегодня в Янтарном, окруженный слухами.

Арно Зурмински рассказал мне всю эту историю в надежде, что я как уроженец Янтарного могу еще что-нибудь добавить. Но о пальмникенской трагедии мне на тот момент ничего не было известно. Признаюсь, что рассказом немецкого писателя я в тот момент особо и не проникся. Подобно многим моим соотечественникам рассуждал так: «Какое мне, собственно говоря, дело до этих иностранок? Вот если бы это были русские люди». Позднее, ознакомившись с историей тех событий, я понял, как постыдно делить жертв любой трагедии на своих и чужих.

Тем временем немецкий писатель Зурмински продолжал работать над этой темой. Информацию собирал буквально по крупицам и в 2010 году выступил с новым романом «Зима сорок пятого, или Женщины Пальмникена». Книгу на немецком языке я прочел на одном дыхании. Как и в других

своих произведениях, Зурмински сразу же был узнаваем как мастер закрученного сюжета, создания пронзительных образов, достоверного изображения исторических событий. Он остался и здесь верным своему излюбленному литературному приему: чередовать показ современного мира с событиями Второй мировой войны.

Главным персонажем своего романа Зурмински делает сына одного из эсэсовцев, гнавших еврейских узниц к месту их ада. Случайно узнав об этом через многие годы, сын решает прояснить для себя степень вины отца в пальмникенской трагедии и через полвека после войны отправляется в Янтарный. Через весь роман проходит идея покаяния современного немца за преступления лиц военного поколения.

Описывая Восточную Пруссию конца Второй мировой войны, Зурмински прослеживает судьбу шести женщин, которые мечтают пережить войну. Четверо из них являются узницами еврейского гетто. Их путь страданий, завершившийся трагически в Пальмникене, проходит центральной темой по всему роману. Две другие женщины – местные жительницы, ставшие вдовами. Они вынуждены покинуть родные места и бегут на запад в надежде оказаться там в безопасности. Писатель убедительно показывает, что война приносит горе всем шестерым женщинам. В итоге все они становятся ее жертвами.

Роман Арно Зурмински подтолкнул активистов местной еврейской общины к идее создания памятника жертвам

пальменикенской трагедии. В конце января 2011 года в поселке Янтарный был открыт памятник жертвам холокоста. Автором является известный скульптор Франк Майслер. Памятник представляет собою сплетенные руки, тянущиеся ввысь и взывающие о помощи. На его открытии было решено ежегодно отмечать 31 января как День Пальменикенского холокоста.

Перевод с лошадиного...

– Цок-цок, – подгонял меня, как лошадь, Рихард фон Макензен. За час езды кругами по центру Киля я уже почти привык к своеобразному поведению старого немца. Город нам, в общем-то, был не нужен: мы просто в нем заблудились и не знали, как выехать на автостраду, чтобы вернуться в его уютный деревенский дом. Я впервые был у него в гостях на севере Германии. Нас связала акция примирения. Бывший гауптман разведывательного батальона Рихард фон Макензен, воевавший под Ленинградом, хлебнул на войне сполна, о чем свидетельствовала его скрюченная правая рука. По этой причине он не мог водить машину, но быструю езду любил и часто вспоминал, как в молодости гарцевал на коне. Говорил, что наездниками были его знаменитый дед – генерал-фельдмаршал и отец – генерал-полковник. В их военной династии к лошадям всегда относились с особой любовью, как к преданным друзьям. Те не раз спасали их от смерти во время боевых действий.

– Тпру, – вдруг осадил меня Рихард, – давай спросим еще раз дорогу.

Мы остановились и в очередной раз попытались выяснить, где находимся. Получив информацию, фон Макензен вновь пришпорил меня своим цоканьем. Так, общаясь на лошадином языке, мы с грехом пополам наконец добрались до

дома.

Вечером, сидя в кресле, перед камином, когда мы уже разговаривали на нормальном, человеческом языке, я попытался выяснить причину столь странного обращения ко мне во время езды на машине. Оказалось все довольно просто: причиной стала контузия, которую получил немецкий офицер, когда выходил из окружения. С тех пор у него в мозгу произошли некоторые нарушения, и, садясь в машину рядом с водителем, фон Макензен часто представлял себя всадником. Он и машины различал по породам, а не по маркам. Лучшим рысаком стал для него «Фольксваген» сына. Всякий раз, когда они подъезжали к бензоколонке, он радовался тому, что их «конь» получит добротную порцию «овса». На шиномонтаже при смене колес фон Макензен озабоченно наблюдал, чтобы «подковы» были правильно подогнаны. Когда машина завывала на повышенных оборотах, то ему доставляло удовольствие это «лошадиное ржание». О странной болезни немецкого ветерана в семье все знали, пытались ее лечить, но безуспешно. Потом просто свыклись и воспринимали как некую причуду.

Теперь об этом узнал и я. Решил, что ничего страшного не случится, если стану подыгрывать ему. Нет, не ржанием, а тем, что послушно буду выполнять команды для лошадей. На следующий день я уже с успехом трансформировал цоканье на человеческий язык и нажимал на газ. При слове «Тпру» давил на тормоз. Так мы общались с Макензеном

целую неделю. Расставаясь, я сказал ему в шутку, что теперь к моим двум человеческим иностранным языкам: немецкому и польскому, которыми владею профессионально, – добавился и лошадиный. Не хватает лишь диплома.

Отечество без отцов

В Гамбург я приехал к вечеру. Позади осталось увлекательное трехдневное знакомство с окрестностями Кельна, немецкое гостеприимство, спокойствие и радушие тех, кто нас принимал.

На выходе из вокзала уже стояла вереница такси. Из ближнего ко мне вышел пожилой человек в очках, открыл дверь багажника и стал запихивать туда мой чемодан. Гюнтер Цигельски, мой давний гамбургский друг, организовавший эту поездку, сел впереди. Немцы поддерживали ничего не значащий разговор о достоинствах «Фольксвагена», я молчал. Вдруг разговор немцев стал более громким, а голос таксиста даже несколько нервным.

Я прислушался. Они говорили о войне. Вернее, речь вел таксист, энергично дополняя свой рассказ жестами и бросая время от времени руль. Оказалось, что Гюнтер вежливо спросил его, давно ли тот живет в Гамбурге и где он до этого жил. Выяснилось, что оба они до войны проживали в Пруссии и Померании. Сегодня это наша Калининградская область и большой кусок нынешней Польши. Таксист возмущался тем, что их лишили родины. Гюнтер не то чтобы подкивал, а скорее пытался перевести разговор на другую тему, но ему это не удавалось. А таксист уже открыто обвинял Польшу, завладевшую его исконной немецкой землей, и рус-

ских, способствовавших этому.

Гюнтер не выдержал и, показав на меня, сказал, что я тоже русский. Таксист особо не смутился, скорее, это его еще больше раззадорило. Я вдруг услышал, как он в запальчивости стал рассказывать Гюнтеру историю своей семьи, которая бежала с миллионами других немцев в начале 1945 года из тех мест в Германию под Берлин.

Там в апреле 1945 года ему пришлось воочию столкнуться с русскими. Перед штурмом городка советскими войсками, в котором они нашли временное прибежище, местный руководитель национал-социалистической организации стал собирать всех от юнцов до стариков. Затем вручил им винтовки и определил, где они должны были с этим оружием противостоять русским танкам. Счастье таксиста, которому тогда было лишь одиннадцать лет, что мать не пустила его в окопы, уже занятые отрядом под командованием нациста. Русские танки одним залпом разогнали толпу «ополченцев» и приступили к зачистке. Стали ходить по домам, отыскивая тех, кто еще мог быть вооруженным.

В доме таксиста, помимо матери с пятью детьми, находился и отец, которого даже гитлеровские власти не смогли призвать в вермахт из-за его пожилого возраста. Он также не последовал призыву нациста броситься в безнадежную авантюру против русских танков. Спустя какое-то время во двор вошел русский солдат с автоматом. Сразу же отвел отца в сторону и на ломаном немецком спросил: «Урен (часы) есть?»

На свою беду отец не имел их в данный момент. Этого оказалось достаточным для того, чтобы солдат снял автомат с плеча и, не раздумывая, разрядил по нему целую очередь. Все это произошло на глазах семьи.

Рассказывая через много лет эту историю, таксист не мог успокоиться. Я продолжал молчать. Не было даже никакого желания пытаться возражать или объяснять поступок нашего солдата желанием мстить за поруганную русскую землю. Это просто не имело смысла, так как речь шла об обыкновенном мародерстве и убийстве безоружного человека, у которого не было возможности защитить себя.

Так в молчании мы подъехали к дому Арно Зурмински, известного немецкого писателя, проживающего в Гамбурге. Он ждал нас, пригласив беседовать за чашкой кофе. Когда мы прощались с таксистом, я подошел к нему, протянул руку и попросил прощения за поступок моего соотечественника. Не знаю, удалось ли мне добиться желаемого, но таксист сказал, что он читал книгу русского писателя-диссидента и фронтовика Льва Копелева «Хранить вечно», рассказывающую о зверствах со стороны некоторых из наших солдат. Сказал, что «он не перекладывает преступление со стороны того солдата на всю нашу армию и уважает Копелева за то, что тот в своей книге об этом также убедительно говорит. Садисты и преступники есть в любой армии. Это наднациональное чувство, свойственное любой низменной человеческой натуре. Ему, конечно, до сих пор обидно, что миллио-

ны немцев лишились своей родины в Пруссии, Померании и Силезии, но это отнюдь не чувство, сходное с желанием требовать реванша. Просто родина, это все-таки место, где человек родился и прожил свои лучшие юные годы. А в результате преступной политики национал-социализма, развязавшего под руководством Гитлера самую страшную и бесчеловечную войну, до сих пор еще не могут зарубцеваться раны сотен тысяч немецких семей, изгнанных из родных мест».

Когда я рассказал писателю Зурмински эту историю, то он молча протянул мне свою книгу «Йокинен, или Долгий путь из Восточной Пруссии в Германию». Больше на эту тему в тот день мы не говорили, нашлось много других интересных точек соприкосновения. Уже по возвращении в Санкт-Петербург я прочитал на одном дыхании этот интересный автобиографический роман. Когда дошел до заключительных страниц, то вдруг понял смысл молчания Зурмински. Его, как и того таксиста, лишили родины. Вначале, правда, его отцу повезло. Русский офицер брезгливо сорвал нацистский значок с пиджака старшего Зурмински. Тот в конце войны, как один из последних уцелевших в войну мужчин, был назначен бургомистром маленькой деревушки под названием Йокинен. Автоматически он должен был тут же стать представителем партийной нацистской власти. Я сразу же представил, как это до боли знакомо моим соотечественникам советского поколения. Поэтому у меня даже не возникло мыслей осуждать отца Зурмински за его принадлежность к на-

цистам. Возможно, об этом подумал и советский офицер. Не расстрелял он Зурмински и после того, как обнаружил у него пистолет. Он взял его и просто выбросил в канаву, а семью отпустил следовать дальше в колонне таких же, как и Зурмински, беженцев.

Арно Зурмински стал очень хорошим и честным писателем. 19 ноября 2004 года в общегерманский День траура и скорби по всем погибшим он прочитал в бундестаге в присутствии президента и всего германского правительства во главе с канцлером отрывки из своего нового романа «Отечество без отцов». Название уже говорит само за себя и возвращает меня снова к теме разговора с гамбургским таксистом.

Получив в подарок от Зурмински экземпляр этого романа с дарственной надписью писателя, я решился на его перевод. Первые сто страниц в скором времени попросил прочитать нашего петербургского писателя Даниила Гранина, мнение которого для меня является определяющим. С большой радостью услышал его слова, что «роман нужно и дальше переводить. Он интересен и актуален своей тематикой, потому что предостерегает от последующих войн, объединяет память о войне народы России и Германии как наиболее пострадавшие в том страшном вооруженном противостоянии шестидесятилетней давности».

В 2010 году этот роман в моем переводе был издан в России. В Интернете появились отклики, некоторые из них, на мой взгляд, имеет смысл привести.

1.

Спасибо тебе, Роберт Розен. И вам, Вальтер Пуш и Гейнц Годевинд.

Я только что дочитала и очень плакала. Знаете, история Великой Отечественной войны ужасно простая – в традиционном изложении. Это как белые и черные фигуры, сражение Добра и Зла. Уж не буду вам говорить, кто на стороне Добра, а кто сеет хаос и смерть. Все просто – русские победили: у меня ком в горле 9 мая, 22 июня, 8 сентября, 27 января и в прочие даты, которые только выглядят такими обыденными, а на деле – страшные дни, которых не должно было случиться.

И вот я берусь за книгу «Отечество без отцов». Я привыкла к книгам о войне без полутонов, наполненных только фашистскими зверствами и доблестью наших войсковых частей. Только тут что-то не сходится. И это не дает нормально спать, не дает отложить книгу и перестать о ней думать – знаете, как сломанный зуб постоянно нащупывается языком. Что-то говорили не так. Что-то не договаривали. Смотрите, по ту сторону – тоже люди. Не уроды, разбивавшие младенцам головы о стены. Не те, кто расстреливал мирное население и пленных. Обычные люди, оказавшиеся в далекой стране, в войне, у которой, кажется, нет смысла и цели, кроме как кормить собою целую армию вшей. Нет героики. Нет пафоса. Нет смысла.

Этим жарким августом очень сложно представить 30-гра-

дусные морозы, бесконечные снега, отчаяние и смерть. В эти летние дни сложно представить блокадный Ленинград, Курскую дугу, Сталинград, Брест и прочие, и прочие места – известные и не слишком. В эти летние дни я думаю обо всех безымянных деревушках, обо всех солдатах, погибших там. и русских, и немцах. И плачу из-за того, что они стали для меня людьми, а не просто черно-белыми фигурами на шахматной доске.

5 августа 2012 года

2.

Войны, бесконечные, непрекращающиеся войны, сопровождающие всю историю человечества. Война 1812 года. Вторая мировая война. Война в Косове и Ираке. Проведенные параллели и человек на войне. Дочь солдата вермахта читает старые фронтовые письма своего отца, которого никогда не видела, и постепенно отправляется на войну в далекую Россию по старым картам вслед за своим отцом, пытаюсь из двадцать первого века понять ТУ войну. Унисоном вплетаются отрывки из дневников французского солдата войны 1812 года и голос внука все того же солдата вермахта. Здесь нет описания боевых операций, описания всего ужаса, творящегося на войне. Здесь есть видение войны с другой стороны – со стороны врага, захватчика, глазами двадцатилетнего юноши, который не понимает до конца всего происходящего, но понимает при этом бессмысленность человеческих жертв.

Тема той войны очень непростая, боишься словом обидеть тех, кто прошел через весь ужас военных лет, выстоял, выжил, и в то же время понимаешь, что всех врагов нельзя стричь под одну гребенку – были среди них и те, кто хуже зверей, но были и те, кто пытался остаться на войне человеком.

Сироты и вдовы – вот то, что остается любой стране от войны. В Германии выросло поколение, не знавшее своих отцов, которое до сих пор не может вырваться из оков ТОЙ войны, которое пытается извлечь уроки и не забыть погибших. Роман, основанный на подлинных архивных документах, заставляет задуматься о всеобъемлющей трагедии по обе стороны линии фронта.

1 мая 2013 года

3.

Очень тяжело было читать эту книгу. Очень больно. Очень по-настоящему. Потому что из усвоенного с детства безликого слова «фашисты» вдруг проступили живые Роберт Розен, Вальтер Пуш и Гейнц Годевинд. А еще Ильзе и Эрика. И стало понятнее, что им, простым людям той войны, было почти так же, как и нам. Больно, обидно, непонятно и страшно.

Мне было, пожалуй, очень нужно прочитать эту книгу. Чтобы задуматься и сделать шаг к тому, что однозначно хорошо или однозначно плохо не бывает; всегда за ярлыками стоят живые люди, которые почти такие же, как мы...

Нет, я не простила и не забыла ужасов той войны. Но я увидела ее немножечко с другой стороны.

Спасибо за это автору.

20 мая 2013 года

Примирение на ленинградской земле

(о движении «Примирение»)

Начало петербургскому движению «Примирение» положило соглашение по уходу за воинскими захоронениями, подписанное Россией и Германией в декабре 1992 года. Оно поставило на государственную основу морально-этический аспект проблемы отношения к погибшим агрессорам и защитникам как жертвам войны.

Казалось бы, таким образом, должна была быть поставлена точка в многолетней неприязни между немцами и русскими. На самом же деле это послужило толчком к долгому и трудному процессу сближения народов, наиболее пострадавших во время Второй мировой войны. Пример Санкт-Петербурга в этом процессе достаточно нагляден, чтобы проследить всю сложность российско-германского примирения. Пожалуй, именно Санкт-Петербург являлся самым большим камнем преткновения для акций примирения над могилами солдат, воевавших по разные стороны фронта.

Причин тому было несколько:

– во-первых, это город с уникальной военной судьбой, город мужества и страданий, где около 900 дней врагом проводился сознательный геноцид и умерщвление голодом огром-

ного мегаполиса. Около миллиона безвинных людей стали жертвой политики истребления голодом, которую претворяло в жизнь руководство нацистской Германии. Практически каждая ленинградская семья потеряла своего родственника в войну. Поэтому ненависть к оккупантам сохранялась и через полвека после войны уже на генетическом уровне;

– во-вторых, это преодоление последствий блокады и сохранение на десятилетия памяти об ужасе голодной смерти. Блокадник и сегодня не выбросит самую черствую корочку хлеба;

– в-третьих, история не знает подобных примеров жесточенности непрерывных боев, проходивших под Ленинградом в нечеловеческих климатических условиях. Это подтверждают и огромные потери, которые понесли обе стороны в боях.

Конечно, надеяться на скорое примирение с бывшими солдатами вермахта не стоило, но то, что произошло в 1990-х годах, превзошло даже самые пессимистические прогнозы.

Скандал, развязанный Невзоровым

Движение «Примирение» зародилось со скандального приезда осенью 1992 года группы немецких ветеранов из Гамбурга и Бремена. Они были приняты на официальном уровне в Совете ветеранов Санкт-Петербурга. Неожиданно в четко расписанную программу пребывания немцев внес коррективы агрессивный наезд автора телепрограммы «600 секунд» Александра Невзорова. Он тонко рассчитал, что на теме военной вражды немцев и русских можно сенсационно сыграть, и в течение недели буквально преследовал ветеранов из Германии в их поездках по местам бывших боев и захоронений немецких солдат. Кульминацией провокации со стороны Невзорова явилось неожиданное вторжение его съемочной группы в помещение Совета ветеранов на Кутузовской набережной, где как раз проходила заключительная встреча между бывшими солдатами Советской армии и вермахта. Невзоров решил еще больше усилить свой сенсационный выброс информации и привел с собой группу экстремистов во главе с Марычевым, известным критиканом и разжигателем скандалов. С красными знаменами люди Марычева ворвались в кабинет председателя Совета ветеранов генерал-майора в отставке Виктора Рожкова и стали работать на телекамеру. Результатом мастерски инспирированной провокации Невзорова и Марычева стала отставка гене-

рала Рожкова, замена состава президиума организации ветеранов войны-однопольчан и, как следствие, создание в Санкт-Петербурге атмосферы неприятия идей примирения.

Образование центра «Примирение»

Как ни парадоксально, но именно этот случай подтолкнул к созданию движения по примирению над войной. Стало понятно, что в одиночку либо методами сокрытия информации о том, что бывший противник протянул руку примирения, ничего не добьешься. Необходимо было создать движение сторонников этого процесса, притом из числа тех, кто когда-то сам был участником страшных боев под Ленинградом. Среди тех, кто стоял у истоков примирения, были как ветераны войны, так и общественные деятели Санкт-Петербурга. Пожалуй, самым значимым фактором явилось то, что процесс примирения активно поддержали поэт Михаил Дудин, являвшийся председателем городской секции совета мира и согласия, и писатель Даниил Гранин – автор «Блокадной книги».

Именно Даниил Гранин дал толчок многочисленным и разноплановым акциям примирения, предложив в 1994 году установить в Петербурге на Пулковской горе памятник в виде креста. По его мнению, этот крест мог бы объединить погибших с обеих сторон. Несмотря на то что инициатива нашла поддержку у мэра города Анатолия Собчака, общественное мнение оказалось к ней не готово. Потребовались целые годы напряженного труда в различных областях культуры, искусства, многочисленные личностные контакты, по-

рождавшие дискуссии, споры, порою неприятие. Отраднo, что в итоге разногласия чаще всего заканчивались компромиссом.

В этой работе активное участие принимали заместитель председателя организации ветеранов войны-однополчан Павел Дмитриев, секретарь этой организации Анна Соловьева, член правления Валерий Махалов, врач и детский писатель Александр Якубенко, историк блокады Донат Жеребов, искусствовед и участник сражений за Волхов Николай Никулин, а также инвалид войны Леонид Егупов.

Так в 1994 году зародилась инициативная группа «Примирение». Мне предложили стать ее руководителем. Основной нашей задачей являлось формирование благожелательной атмосферы во взаимоотношениях между бывшими противниками по Второй мировой войне. Местом встреч российских и немецких ветеранов стал Дом дружбы на Фонтанке.

В течение года члены инициативной группы вовлекали в свой актив все новых представителей питерской интеллигенции, а также искали сторонников среди городской администрации. Активно развивались контакты и с официальными структурами Германии, связанными с вопросами воинских захоронений. Особое внимание было уделено сотрудничеству со средствами массовой информации как возможности популяризации движения в защиту примирения над солдатскими могилами.

К концу 1994 года сформировался своеобразный конгломерат из организаций и групп людей, объединяющим стержнем которого выступила инициативная группа «Примирение».

Выглядело это следующим образом:

Российская сторона:

- представители совета объединения ветеранов войны Санкт-Петербурга и Ленинградской области;
- ассоциация «Военные мемориалы» и ее представительство в Санкт-Петербурге;
- представители администрации Санкт-Петербурга и правительства Ленинградской области.

Немецкая сторона:

- ветераны войны Германии из состава дивизий, воевавших под Ленинградом;
- Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями и его земельное объединение в Гамбурге;
- Генеральное консульство ФРГ в Санкт-Петербурге.

Получилась своеобразная мозаика из государственных структур и общественных организаций. Они способствовали реализации российско-германского соглашения по уходу за воинскими захоронениями. Органы государственной власти могли осуществлять это лишь в рамках своих официальных мероприятий. Им требовалась помощь на уровне народной дипломатии, и ее оказывали ветераны обеих стран при поддержке инициативной группы «Примирение».

Постепенно назрела необходимость перевода неформальной инициативной группы «Примирение» в разряд официальной общественной организации со своим уставом, задачами, членским статусом. В начале 1995 года был создан центр международного сотрудничества «Примирение» как авторитетная организация, представлявшая интересы общественных структур России и Германии и значительного числа отдельных граждан, которым стали близки эти идеи.

Активное ядро центра постепенно выросло до 70 человек, а отдельные мероприятия собирали до 300 человек.

По инициативе центра контакты в сфере примирения начали развиваться по линии породненных городов: Санкт-Петербург – Гамбург. Наиболее эффективно заработало направление, связанное с молодежным движением. Именно молодежные акции стали беспроблемным вариантом формирования доброжелательных отношений, так как у подрастающего поколения 1990-х годов не было личной причастности к военным событиям пятидесятилетней давности. Что касается военного и послевоенного поколений, то здесь фактор личного горя порождал наибольшее количество конфликтных ситуаций. Молодежь своими акциями решала задачи по смягчению напряженности, способствуя взаимопониманию и стиранию идеологических и морально-этических помех между представителями некогда враждебных народов. Настоящим другом и партнером центра «Примирение» стало Гамбургское земельное объединение Народного сою-

за Германии. Эта влиятельная организация не только щедро делилась опытом своей работы, но и помогала наладить наиболее эффективные направления, в первую очередь по проведению международных молодежных лагерей.

Международные молодежные лагеря по уходу за воинскими захоронениями

Первый международный молодежный лагерь по уходу за воинскими захоронениями был организован в Санкт-Петербурге в 1993 году. С такого рода инициативой выступило Гамбургское объединение Народного союза Германии. Местом проведения первого лагеря стал Сестрорецк, где молодежь из городов-побратимов (всего по 10 человек из России и Германии) приводила в порядок немецкое кладбище военнопленных, а затем выезжала на советские мемориалы на Невском пяточке и Синявинских высотах. Работали ребята и на Пискаревском кладбище. Идея проведения молодежного лагеря оказалась удачной и по той причине, что в данном случае речь шла не о погибших вооруженных солдатах, а о военнопленных, то есть о людях, которые стали подневольной рабочей силой. Эта категория в психологическом плане легче воспринималась в качестве жертв войны.

Постепенно в центре «Примирение» выстроилось несколько направлений деятельности, приоритетным из которых оставалась молодежная работа. Руководила ею Ирина Ваулина. Через школы с уклоном на иностранные языки и институты начался подбор достойных кандидатов для поез-

док в международные лагеря в Гамбурге, Польше, Франции и под Санкт-Петербургом.

Успех в проведении такого рода лагерей вызвал интерес со стороны средств массовой информации, эта инициатива была официально поддержана также и городской администрацией по линии комитета по культуре. Вице-губернатор Санкт-Петербурга и председатель комитета по культуре Владимир Петрович Яковлев предоставил центру «Примирение» юридический адрес на Невском проспекте. Там же была выделена и комната под заседания центра, где находился рабочий кабинет заместителя председателя центра Виктора Бояркина.

Акция «Юные спортсмены за мир»

Помимо международных молодежных лагерей по уходу за могилами, успешно стало развиваться и спортивное направление. Оно вылилось в акцию «Юные спортсмены за мир». Так, петербургская детская футбольная команда «Турбостроитель» отправилась в турне по Германии, где 12–13-летние игроки питерской команды сражались со своими сверстниками на футбольных площадках, а не на полях кровавых боев, как их деды. После матчей ребята из России и Германии вместе возлагали цветы к могилам советских военнопленных на территории Западной Германии. Такие акции проводились трижды и поддерживались мэром Санкт-Петербурга А. Собчаком и его заместителем В. Путиным. В 1996 году юными футболистами «Турбостроителя» вместе с легендарным немецким футболистом Уве Зеелером на территории парка, примыкавшего к центральному стадиону Гамбурга, было высажено дерево гинкго как символ мира между Россией и Германией.

Конкурс рисунков «Память о войне и примирение глазами молодежи»

Другим перспективным направлением являлась работа с учащимися художественных школ при районных домах творчества юных Санкт-Петербурга. Результатом ее стал международный конкурс рисунков под названием «Память о войне и примирение глазами молодежи». Организовала его Ирина Голованова, учитель истории. Идея конкурса вызвала интерес, в том числе и у руководства Академии художеств. Не случайно председателем жюри конкурса стал известный скульптор и ветеран войны Григорий Ястребенецкий. Лучшие детские рисунки с успехом экспонировались не только в Петербурге, но и в ряде городов Северной Германии. Резонанс был настолько значительным, что известный поэт-песенник Александр Городницкий, увидев их, написал песню «Ленинградские дети рисуют войну».

Сологубовка – центральное кладбище немецких солдат

После того как обозначились успехи в непростой акции по преодолению враждебности, Народный союз Германии обратился к петербургскому движению «Примирение» с просьбой оказать содействие в поиске места под сводное немецкое кладбище, куда со временем могли бы быть перезахоронены солдаты вермахта, погибшие под Ленинградом. По оценке Народного союза, оно могло бы стать самым крупным в мире, учитывая, что имелась реальная возможность найти и идентифицировать не менее 50 процентов погибших немецких солдат. Оказывается, в немецких архивах сохранились карты с указанием не только воинских кладбищ, но и точного количества захороненных там солдат. Оценочно их могло бы быть до 80 тысяч человек, а общие потери погибшими и пропавшими без вести на территории, примыкающей к Петербургу, составляли 150 тысяч человек.

Такое место под мемориальное кладбище было найдено представителями «Примирения» у деревни Сологубовка, где во время войны находились несколько немецких военных захоронений. Сологубовка являлась в годы войны у немцев ближней тыловой зоной боевых действий. Неподалеку проходила линия фронта, поисковые отряды до сих пор обнаруживают там останки не только советских, но и немецких

военнослужащих. Рядом расположены известные советские мемориалы: Невский пяточок и Синявинские высоты. Кроме того, район Сологубовки удачно вписывается в виде туристического маршрута, куда с нескольких направлений могли бы приезжать из Петербурга экскурсанты. Удаленность Сологубовки от Санкт-Петербурга составляет около 70 километров, что занимает не более полутора часов езды на автобусе, включая остановку для осмотра экспозиции в Кировске на диораме «Прорыв блокады Ленинграда». Таким образом, одновременно создавался бы перспективный туристический маршрут под названием «Память о войне».

В сентябре 2000 года первая очередь немецкого кладбища в Сологубовке была открыта с участием представителей руководства породненных городов и Ленинградской области, а также митрополита Владимира. Участие последнего послужило толчком к реставрации на пожертвования немецких граждан церкви Успения Божьей Матери, примыкавшей к немецкому захоронению. Впоследствии в Сологубовке был создан целый архитектурный ансамбль под названием «Примирение над солдатскими могилами», включающий и Парк мира с высаженными именными деревьями. С каждым годом он привлекает все большее внимание и уже официально включен дирекцией музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда» в экскурсионную программу в качестве туристического маршрута по местам боев и воинских захоронений.

Совместные поездки ветеранов войны России и Германии

С 1992 года стали практиковаться совместные поездки бывших участников тех боев. Это способствовало не только развитию процесса примирения, но и углублению исторической правды о событиях 70-летней давности. В ходе одной из таких поездок родилась идея о возложении ветеранами России и Германии совместного венка. Такая акция была проведена у памятника советским солдатам в Мясном Бору под Новгородом. Там весной 1942 года 2-я Ударная армия пыталась в кровопролитных боях освободить Ленинград. Совместное возложение стало традиционным во время поездок российских и немецких ветеранов по местам боев. Была проведена такая акция и на Пискаревском кладбище с согласия администрации этого мемориала. Она послужила главным стимулом к мероприятию государственного масштаба на высшем уровне. В 2001 году президент России В. Путин и канцлер Германии Г. Шредер возложили общий венок на Пискаревском кладбище.

Такого рода поездки активно продолжались в течение пятнадцати лет, пока возраст и здоровье позволяли ветеранам обеих стран пускаться в длительные путешествия. Сегодня своеобразная эстафета перешла к детям солдат, к так называемому поколению без отцов.

Роль литературы в процессе примирения

Большую пользу в движении по примирению оказало творчество бывших солдат, ставших в мирной жизни крупными писателями-гуманистами. В первую очередь это относится к выдающемуся петербургскому писателю Даниилу Гранину. Он лично включился в процесс примирения, посетив в Европе солдатские кладбища. После этого опубликовал ряд страстных статей в защиту этого движения. По существу он стал в России идеологом «Примирения над солдатскими могилами», дав ему философское осмысление.

С немецкой стороны его поддержал участник боев под Ленинградом Хассо Стахов, опубликовавший в Германии книгу «Трагедия на Неве». Сегодня она достойно выступает в одном ряду с лучшими образцами антивоенной литературы.

В Гамбурге, городе-побратиме Санкт-Петербурга, живет другой немецкий писатель Арно Зурмински, также посвятивший свое творчество теме войны и мира. Его роман «Отечество без отцов» получил положительную оценку канцлера Германии Ангелы Меркель.

Солдат о солдатах

В 2001 году в Германии была издана книга под названием «Трагедия на Неве» немецкого писателя Хассо Стахова. Автор, бывший солдат вермахта, воевавший под Ленинградом, посетил через полвека город, который немцы в войну держали в кольце блокады.

Зимой 2009 года «Трагедия на Неве» вышла на русском языке, осенью 2012 года последовало повторное издание этой книги.

Поскольку я имею к переводу «Трагедии на Неве» непосредственное отношение, то хотел бы поделиться некоторыми мыслями, связанными с нею.

В историческом плане Стахов сразу же привлек меня умением четко и нацеленно использовать конкретные факты для характеристики эпизодов, описанных им. Но он не просто констатирует события, а дает им также и философское обоснование.

Работая над книгой Стахова, я непроизвольно подмечал то, что отличало в боях под Ленинградом немецкого и русского солдата и что было у них общего. Эти наблюдения касаются всех людей с оружием в руках независимо от их национальности. Они касаются и тех, кто воевал после Второй мировой войны во Вьетнаме, в Афганистане, других горячих точках, и тех, кто теперь выполняет свой воинский и право-

охранительный долг в различных частях нашей планеты. Как справедливо замечает Стахов, сущность войны не изменилась, поведение солдат и их поступки тоже. Вот что он пишет.

О немцах.

Немцы чувствуют себя в русском лесу чужаками. Они не способны развести бездымный костер. Им неизвестно, как оборудовать лесную позицию таким образом, чтобы ее очертания сливались с окружающей местностью. Как расположить на флангах посты, чтобы они были недоступны огню снайперов? Как доставлять туда орудия и станковые пулеметы, находясь по пояс в снегу, как делать для них укрытия? Почему немцы в маскхалатах, ничего не подозревая, устраиваются перед темной, свободной от снега, стороной деревьев, а не там, где они будут незаметны? Почему никто не знает, что можно повалить два дерева крест-накрест, и тогда их ветки будут служить защитой от снежной метели? Почему этому нужно сначала учиться у русских? Немцы научились воевать, но только не против русских.

О русских.

Противник превосходит немцев не только своей численностью. В лесу он чувствует себя как дома, проявляя изобретательность как мастер маскировки. Он привычен к сибирским морозам и имеет соответствующее зимнее обмундирование. Он неприхотлив и технически приспособлен к экстремальным условиям. Германская пропаганда называет его ко-

варным и хитрым. Но это по существу означает признание его военной смекалки.

Русские полагаются на свое численное превосходство и на ослабление немцев за счет непрерывных атак, которые приносят последним потери. Они строят свои расчеты на «русском паровом катке» и на принципе «всех не перебеешь!», с которым еще в царское время солдат гнали в бой.

О русских и немцах.

Когда же солдаты разговаривают между собой, не испытывая какого-либо идеологического надзора, то немцы вдруг признают «мастерство русских в строительстве деревянных домов и мостов». Немецкие солдаты не скрывают своего уважения к русскому противнику, который уже полгода не прекращает вести бои, неся при этом огромные потери. Поэтому «признаются заслуги советских парней из 7-й танковой бригады». А в перехваченных русских радиogramмах не раз можно услышать о том, что никто не ожидал того, что «фрицы смогут так долго удерживать свои позиции». Действия немецкой пехоты оцениваются как «умелые», а их артиллерия как «великолепная». Войска, находящиеся по обеим сторонам линии фронта и живущие совсем в другом мире, получают представления о противнике не только из пропагандистских материалов.

О солдате, вызывающем сострадание .

Один из санитарных эшелонов отправляется из России в Германию. В одном из вагонов, в которых раненые молча ле-

жат на трехъярусных больничных койках, обер-ефрейтор Р. пристально всматривается лихорадочными глазами в матрац над его головой. У него одно из лучших привилегированных мест, и он теперь может даже смотреть в окно. Но головы он не поворачивает. Боль и лекарства сделали его безучастным к окружающему миру. Он слишком слаб, чтобы говорить. Его беззвучный шепот невозможно понять. У него зудит кожа на голове, которую он хотел бы теперь почесать. Желание становится для него пыткой. Но сделать этого он не в состоянии. У него нет больше рук. Пальцы ног сильно болят, он это чувствует совершенно отчетливо. Но он знает, что этого не может быть. Ног у него тоже больше нет.

Обер-ефрейтор был посыльным в одном из батальонов, которые продолжают противостоять прорывам русских на Волхове даже после того, когда те просочились через немецкие позиции на флангах. Ему дали приказ во что бы то ни стало доставить на просеку и к опушке леса боеприпасы. Он тащил их за собой, пока у него не онемели руки. Он продолжал бежать даже тогда, когда заметил, что больше не чувствует ног ниже колен. Тогда он пополз на коленях и локтях, повесив на шею четыре ящика с пулеметными лентами. Обратно он доставил их уже пустыми. После чего потерял сознание.

И вот теперь он, калека, едет на родину, которую покинул здоровым парнем.

В тыловом госпитале главврач сообщает ему, что он стал

унтер-офицером. Ему приносят форму с соответствующими нашивками и петлицами. Сестра подкладывает ему подушки под Железный крест, которым его наградили, и под спину, а затем подносит зеркало. Он слабо улыбается. Но вид у него отсутствующий. Всем хочется его поздравить и пожать руку. Но затем все неловко прячут свои руки за спину. Обер-ефрейтор немного приподнимает один из своих обрубков и извиняюще делает движение плечами. Затем без сил откидывается назад. Когда медсестра, заступившая в ночь, намеревается поприветствовать его с наигранным радушием, он не двигается и не произносит ни слова в ответ. Он уже мертв.

О солдатской храбрости. Психолог А. Штер основательно исследовал такой феномен, как храбрость. Он анализирует, насколько война меняет молодых солдат, как возникают различные типы людей, как, к примеру, создается образ «лихого парня». Штер пишет: «Всегда и везде были такие солдаты, которых все знали и уважали. Они прославились тем, что уничтожали огневые сооружения и танки противника. К их числу относились также командиры боевых разведгрупп и разведдозоров. Они были либо добровольцами, либо их назначали на эту должность, когда этого требовала сложившаяся тяжелая обстановка. Их имена были известны далеко за пределами части. Свой авторитет они зарабатывали благодаря отчаянной смелости, когда, казалось, сами искали опасность. Ни один офицер из их части к ним не придирался. Они стали специалистами войны, гордясь тем, что могут

здесь применять свое профессиональное умение. Аналогичным образом – ища опасность, обладая великолепной способностью выходить победителем из ситуаций, связанных с риском, – гражданские лица становятся автогонщиками, артистами, большими спортсменами или альпинистами. Умение убивать стало ремеслом таких солдат. Эти убийства едва ли оседали в их памяти, так как каждый из них в любой момент сам рисковал быть убитым. Снайперские отличия за 20, 40, 60 попаданий, знаки за участие в 15, 30, 50 рукопашных боях, вся эта мишура не вязалась с их простодушными, безобидными лицами. Ордена советских солдат выглядели по-другому. Лица у них также были другими. Но их поступки и страдания были такими же.

О подонках.

Война была и остается грязным делом. Тот, кто поднимает на борьбу народ, поднимает со дна также мутные осадки криминала, садизма, мести и ненависти. Какой генерал и в какой армии мог бы поклясться, что среди его подчиненных не было преступников, людей, потерявших совесть, и неистовых любителей пострелять? В казарме дисциплину поддерживать легко. Однако в лесных, уличных боях, при нападениях партизан, в рукопашных схватках, в борьбе за выживание возникают психологические стрессы, которые тем меньше имеют дело с соблюдением каких-то основных правил межчеловеческого общения, чем больше имеется потерь среди участников конфликта, чем больше они измотаны, ожесто-

чены и находятся на грани нервного срыва. Многие при этом впервые открывают для себя, на что они способны, и заглядывают в самые сокровенные уголки своей души. Садизм сидит в голове, а не в военной форме.

О страхе.

Повидавшие всякое на своем веку, знатоки военного ремесла давно уже научились своевременно оставлять свои позиции, независимо от того, имелся на это приказ или нет. «Меняю Железный крест на спортивные тапки» – так это звучало тогда на солдатском жаргоне. Отмеченные высокими наградами мастера рукопашного боя стремглав, подобно зайцам, бежали, подхватив оружие и набив карманы патронами. Но они точно знали, когда должны остановиться и, взяв себя в руки, вновь оказать сопротивление, а затем перейти в контратаку до того, как красноармейцы закрепятся на отвоеванной ими позиции.

О дезертирах.

«А что вы думаете об этом самостреле?» – спрашивает адъютант водителя, который сидит рядом с ним, скрючившись и подняв ворот шинели. «Бедный парень, господин обер-лейтенант. В здравом рассудке ведь этого не сделаешь». «А что бы вы с ним сделали?» «Я бы не хотел быть судьей. Но он подвел своих товарищей». «Ну и дальше?» «Ну что сказать? Вместе с ним мы потеряли еще одного солдата. А нас, промерзших насквозь горемык, и так тут, на Волхове, осталось немного. Теперь другие вынуждены за него отду-

ваться: стрелять, стоять на посту, переносить раненых. Такого ему не сможет простить ни один из его однополчан. Все это очень грустно».

«У русских на той стороне все то же самое», – размышляет адъютант. Совсем недавно он прочитал протокол допроса одного из военнопленных. В нем красноармеец Василий Исаяев сообщал об одном солдате, подобравшем немецкую листовку и прострелившем себе на посту левую руку. «Военнослужащий был приговорен военным трибуналом к смертной казни» – так говорилось в протоколе. Приговор был приведен в исполнение в расположении роты. После того как она была построена, был выведен осужденный. Скомандовав «Смирно», военный прокурор зачитал приговор. Два представителя НКВД тотчас же после этого расстреляли солдата из автоматов. Затем прокурор объявил, что так поступят с каждым предателем.

О потере бдительности.

В другом месте русские, проникнув в глубь немецких позиций, в опьянении от успеха набрасываются на пожитки немецких солдат, оставленные там в ранцах на санях, которые застряли в лесу. Застигнутые врасплох внезапной контратакой немцев, они гибнут среди бритвенных принадлежностей, носовых платков, книг и консервных банок.

Немецкие подносчики пищи ночью взбираются на танки, стоящие позади их блиндажей. Входные люки задраены, изнутри доносится только храп. Подносчики пищи улыбаются,

насколько им позволяют задубевшие на морозе рты. Внезапно один из них замечает на башне танка надпись на русском языке. Крадучись и втянув голову в плечи, подносчики пищи спешно отходят от этого места.

Об усталости.

Считалось нормой, когда солдаты по обе стороны фронта сутками не получали горячей еды и когда суп насквозь промерзал в контейнерах. А как вообще спали тогда солдаты? Землистого цвета лица, вялые, неестественные движения, лихорадочно блестящие глаза – все это свидетельствовало о недостатке сна. Некоторые дремлют на ходу. Шатаясь, идут они по открытой местности, а войдя в лес, натываются на деревья. В блиндажах, где нет никаких предметов и они выглядят как один большой пустой ящик, 15–20 человек спят стоя, как в переполненном вагоне метро. Те, кто засыпают на посту, подвергают опасности не только свою жизнь, но и других солдат. Если бы за это их всех стали наказывать, то количество дисциплинарных частей превысило бы регулярные войска. Поэтому патрульные все время бегают по цепочке от поста к посту и ударами под ребра будят спящих.

Солдат – это профессия.

Чем больше задумываешься над такими подробностями, тем явственнее представляешь себе сущность ремесла, которым владеют люди по обеим сторонам фронта под Ленинградом. Здесь они все стали профессионалами военного дела. Неделями напролет они стреляют из винтовок и пистолетов

в себе подобных людей зачастую с расстояния в несколько метров. А те люди отличаются от них лишь тем, что говорят на другом языке и носят другую военную форму. Они вонзают друг в друга штыки, душат друг друга, бьют саперными лопатками, бросают ручные гранаты в укрытия противника. В боевых донесениях немецких рот можно прочесть о солдатах, которые всего лишь за несколько дней уже убили десятки человек. В своих личных документах они зарегистрированы как люди самых безобидных профессий, таких как садовник, маляр, почтальон, студент, складской рабочий. А в окопах напротив них сидят трактористы, заготовители сена, литейщики, бухгалтеры и киномеханики. Их боевые заслуги ничем не отличаются от тех, что у немцев. Солдаты, разделенные линией фронта, носят в карманах фотографии своих жен, детей, родителей, истрепанные клочки бумаги с записями о том, кого следует оповещать об их гибели. Там лежат также письма от самых близких им людей.

Пропаганда и реальность.

Немецкая пропаганда создает новый тип человека – «воловского бойца». Под ним понимается стойкий, как сталь, обитатель леса – Тарзан с камнедробильным подбородком, не теряющий никогда чувства мрачного юмора, готовый броситься за фюрера хоть в огонь.

В действительности все это выглядит, разумеется, иначе. Это доведенное почти до последней степени измождение, которое отчетливо отражается на застывших как маска ли-

цах специалистов по ведению лесных боев. Отсутствующий взгляд, настороженно прищуренные веки при возникновении необычных звуков, осмотрительные движения, машинальный поиск пачки сигарет, затем окурок в углу рта, холодный взгляд и вдруг внезапный приступ ярости, раздражительная реакция на уставные команды, на бессмысленную сумятицу служебного распорядка в тыловых подразделениях. Эти люди ведут себя в странной степени отчужденно, как будто находятся где-то уже совсем далеко. Они доступны лишь частично. Это уже не те юнцы, которые несколько месяцев назад, смеясь, прощались со своими девушками. Они уже повстречались со смертью, сами убивали и дрожали от страха. Они теперь знают, как выглядят люди, побывавшие в мясорубке войны. Никогда им не избавиться от запаха и дыма пороха, машинного масла, паленой резины и горелого мяса, которые из обугленного скелета танка тянутся на весь лес, где каждое дерево сочтется от ран, нанесенных осколками.

О жизнестойкости.

Военный врач Форсманн поражается жизнестойкости раненых советских солдат. Однажды на его медицинском пункте появляются двое пленных красноармейцев. Один прошел десять, другой пятнадцать километров в распахнутой шинели и с раскрытым брючным поясом. Оба держат в руках укрытые тряпками свои кишки, которые в результате ранения вывалились наружу из брюшины. Форсманн все

время находится у операционного стола и не имеет времени проводить многочасовые полостные операции на животе. «Но я не мог так просто оставить бедных парней», – рассказывает он. Поэтому Форсмани делает самую минимальную хирургическую процедуру: очищает кишки от земли, листьев и травы, заштопывает пару дырок в них, все это засовывает обратно в живот и зашивает его. В суматохе последующих операций он забывает о русских. Но когда через несколько дней наконец наступает небольшая передышка, то он вспоминает об этих русских. Исходя из своего опыта, он полагает, что они не должны были выжить после столь тяжелых повреждений. Форсмани интересуется, как долго они еще жили. Его помощник, фельдфебель, отвечает равнодушно: «Стул нормальный, аппетит хороший». Оба выздоровели.

О штрафниках.

Историк Франц Зайдлер натолкнулся в своих исследованиях системы судопроизводства вермахта на случай с одним подполковником, разжалованным в рядовые за то, что тот отказался бросить в бой в совершенно безнадежной ситуации свой мотоциклетный полк. Он приводит в пример также историю с экипажем подводной лодки, который воспротивился вовремя выйти в море, потому что несколько моряков забыли про войну в объятьях своих девчонок и экипаж не захотел идти без этих подводников в поход на Англию. Каждый из солдат-штрафников должен был прослужить в одном из 500

батальонов не менее шести месяцев, прежде чем ему вновь было разрешено вернуться в родную часть. При этом он был обязан в бою искупить свою вину. Поэтому многие дерутся как черти, а так как здесь невозможно быть приспособленцем, то настроение у них большей частью не было радужным. Хотя морально-психологический климат в штрафбатах оставался достаточно хорошим, свидетельством чему было то, что после реабилитации некоторые штрафники добровольно продолжали служить в них в качестве кадрового состава.

За опрометчивые выражения о руководстве государства и партии, вермахта и национал-социалистического строя многие солдаты были отправлены за решетку. Лишь некоторые из тех, кого я лично знал, были действительно сознательными и явными противниками режима. Большинство выражали свое негодование слишком затянувшейся войной, всевозможными недостатками, после чего становились жертвами доносов своих законопослушных сослуживцев.

И на войне бывало весело.

Две разведгруппы – русская и немецкая – внезапно сталкиваются нос к носу на лесной дороге и, испугавшись друг друга, бросаются в придорожные канавы, каждая в свою сторону. Но случается непредвиденное. Один молодой немецкий солдат совершает прыжок не в ту сторону дороги. Неожиданно он оказывается бок о бок с красноармейцами. Все замирают. Парень наконец понимает свою оплошность. Подобно лягушке скачет он через дорогу и моментально ока-

зывается среди своих. Какое-то мгновение русские и немцы продолжают хранить молчание, настороженно наблюдая за противником и ожидая самого худшего. Но постепенно на их лицах начинают расплываться улыбки. Затем раздается безудержный громкий хохот. Солдаты вытирают слезы, проступившие на их лицах, и, икая от смеха, быстро уползают к своим передовым позициям.

На вопрос, зачем Стахов написал книгу «Трагедия на Неве», он сам же и ответил: «Этот рассказ возник из бесед с теми, кто пережил то время, из ответов на вопросы молодых людей, из архивных документов, хроник, дневников и, не в последнюю очередь, из собственного опыта. Возможно, он будет способствовать тому, что немцы и русские увидят друг друга в менее искаженном свете и что мы наконец начнем искать в большей степени не то, что нас разделяет, а вновь откроем то, что нас объединяет».

Мне остается лишь радоваться тому, что книга Стахова в русском переводе оказалась востребованной в России.

Литература

Источники на русском языке:

1. Базуев Д. Ленинградская Прохоровка // Санкт-Петербургские ведомости. 6 мая 2011.
2. Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1944. СПб., Хельсинки, 2002.
3. Бидлак Р. Рабочие ленинградских заводов в первый год войны. СПб., 1995.
4. Блокадные дневники и документы / сост. Бернев С. К., Чернов С. В. СПб.: Европейский дом, 2004.
5. Богданов И. А. Ленинградская блокада от А до Я. СПб.: Кентавр, 2010.
6. Болдырев А. Н. Осадная запись (Блокадный дневник). СПб.: Европейский дом, 1998.
7. Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.
8. Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. СПб.: Историческая иллюстрация. 2000.
9. Гранин Д. А. Заговор. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
10. Гранин Д. А. Мой лейтенант. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
11. Доживем ли мы до тишины? Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2009.

12. Зурмински А. Отечество без отцов / Пер. с нем. Ю. М. Лебедева. М.: Центрполиграф, 2010.
13. Инбер В. М. Почти три года. М.: Советский писатель, 1946.
14. Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб.: Дмитрий Булавин, 2005.
15. Ковальчук В. М., Чистиков А. Н. Ленинград и ленинградцы в годы блокады. СПб.: Лики России, 2012.
16. Кольцов Ю. В. Петергофский десант. СПб.: Гангут, 2010.
17. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000.
18. Лебедев Ю. М. Блокадный пасьянс. М.: Посев, 2014.
19. Лебедев Ю. М. Ленинградский «Блицкриг». М.: Центрполиграф, 2011.
20. Лебедев Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. СПб.: Нева, 2005.
21. Лебедев Ю. М. Правда о Вильгельме Густлофе. СПб.: Нева, 2005.
22. Ленинград в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Издательский полиграфический сервисный центр, 2005.
23. Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб.: АРС, 2006.
24. «Невский пятачок». От плацдарма к мемориалу. Сб. статей. СПб.: Знание, 2007.
25. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб.: Инфор-

- мационно-издательский центр ОАО «Петроцентр», 2015.
26. Операция «Искра». Л.: Лениздат, 1973.
27. Пантелеев А. Живые памятники. М.: Советский писатель, 1967.
28. Плацдарм Невский «пяточок». 1941–1943. Сб. статей. СПб.: ГАЛАРТ, 2013.
29. Польшман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград 1941–1944. М.: Захаров, 2000.
30. Сазонов И. С. Невский пяточок. Л.: Лениздат, 1997.
31. Стахов Х. Г. Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941–1944 / Пер. с нем. Ю. М. Лебедева. М.: Центрполиграф, 2012.
32. Фролов М. И. Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб.: Изд-во ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2003.
33. Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом. Боевые действия и оккупационная политика 18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов // Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы. По материалам международной научно-практической конференции «Блокада Ленинграда: спорное и бесспорное». Сентябрь 2007 года. СПб.: Европейский дом, 2009.
34. Шапорина Л. В. Дневник. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
35. Яров С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2012.
- Источники на немецком языке:

36. Asmus D. Die 20. Inf.Div. (mot). Chronik+Geschichte, 4. Teil, I. Abschnitt 1941, Eigenverlag, Oststeinbek, 1997.
37. Blockade. Leningrad 1941–1944. Hamburg. Rowohlt, 1992.
38. Gundlach G. Wolchow-Kesselschlacht. Bingen am Rhein. Eigenverlag, 1997.
39. Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres. B. 3. Stuttgart, 1964.
40. Hoppe R. "...glücklich zu sein in Deiner Nähe... Feldpostbriefe meines Vaters". "Erzählen ist Erinnern": Schriftenreihe des Volksbundes Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. Bd 29. Kassel, 1. Auflage 2004.
41. Leeb W.R. von. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen. Deutsche Verlags-Anstalt Stuttgart, 1976.
42. Loßberg B. von. Im Wehrmachtführungsstab: Bericht eines Generalstabsoffiziers. Hamburg, 1949.
43. Pohlman H. Geschichte der 96. Infanterie-Division. Bad Nauheim: Verlag Hans-Henning Podzun, 1959.